

ОБЩЕСТВО «НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД»

ЦЕНТР КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМОМИ ННГУ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

КАФЕДРА ЗАРУБЕЖНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
И ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ИМОМИ ННГУ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД

Сборник научных статей

В ы п у с к 2

Нижний Новгород
2016

УДК 908 (470, 341)
ББК 63.3 (2Рос – 4НН)
Н60

Книга издана при содействии автономной некоммерческой
организации культуры «Нескучный Нижний»

Редакционная коллегия:
И.Г. Горностаева, С.М. Ледров
Ф.А. Селезнев (составитель, научный редактор),
А.А. Сорокин (ответственный секретарь)

Рецензент
д.и.н., профессор, заведующий кафедрой
исторического регионоведения СПбГУ *Ю.В. Кривошеев*

Н60 **Нижегородский краевед**: сборник научных статей. Выпуск 2 /
сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: Центр
краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
2016. – 262 с.

ISBN 978-5-9905333-6-3

В сборнике представлены статьи, посвященные истории Нижегородско-
го края с древнейших времен до XX в., а также публикации исторических до-
кументов и воспоминаний.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей,
краеведов, экскурсоводов.

УДК 908 (470, 341)
ББК 63.3 (2Рос – 4НН)

© Общество «Нижегородский краевед», 2016
© Центр краеведческих исследований
ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2016
© Авторы статей, 2016

ISBN 978-5-9905333-6-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть в Нижнем Новгороде здание любимое всеми краеведами. Его фотографию читатель может увидеть на обложке нашего сборника. Прежде здесь размещался Александровский дворянский институт. Теперь это Нижегородская областная научная библиотека. В Александровском институте учился председатель Нижегородской губернской ученой архивной комиссии Александр Яковлевич Садовский. Для этого выпуска «Нижегородского краеведа» В.В. Митрофанов подготовил воспоминания А.Я. Садовского о своем институтском отрочестве. С одной стороны – это интереснейшее свидетельство об эпохе, которое по достоинству оценят специалисты, с другой – занимательное чтение.

В доме, стены которого помнят Садовского, много лет работает в отделе краеведческой литературы Людмила Ивановна Шиян. Второй сборник «Нижегородский краевед» выходит под знаком юбилея этой замечательной хранительницы традиций нижегородского краеведения. Открывает сборник ее статья об истории нижегородских краеведческих объединений, написанная совместно с И.Г. Горностаевой. Творческому пути Людмилы Ивановны посвящен материал Л.Е. Кудриной.

Почетный член общества «Нижегородский краевед» А.Н. Лушин предоставил к публикации статью по давно и плодотворно изучаемой им теме – истории тайных обществ XVIII – начала XIX в.

Новыми работами порадовали авторы первого выпуска сборника – Л.Ю. Варенцова, С.М. Ледров, Ю.В. Сочнев. Так, Л.Ю. Варенцова, как и ее учитель Н.Ф. Филатов, погружена в историю любимого ей XVII в. Ценное исследование по истории одного из самых старых зданий Нижнего Новгорода – палат Пушкиновых – публикует член нашей редколлегии С.М. Ледров. Блестящий знаток истории русского средневековья Ю.В. Сочнев на страницах сборника вступает в полемику с А.В. Даниловым. Предмет спора – привязка к местности древних нижегородских топонимов – Гремячий ручей, Святой ручей, Турунов овраг.

Предоставляем мы слово и А.В. Данилову, не один год пытливо исследующему топографию средневекового Нижнего Новгорода. Такова принципиальная позиция редакционной коллегии: мы приветствуем научную полемику и считаем необходимым представить аргументы всех исследователей любой спорной проблемы.

Большой удачей редколлегия считает и то, что к участию в сборнике удалось привлечь еще одного глубокого знатока древней нижегородской истории – В.Н. Русинова.

А.В. Абаева знакомит нас с историей садоводства в Нижегородском крае.

В преддверии столетнего юбилея революции 1917 г. сборник украсила статья В.П. Сапона, одного из немногих нижегородских ис-

ториков, чей авторитет признан не только на общероссийском, но и на мировом уровне.

В.Ю. Белоногова сейчас готовит к изданию книгу об Александре Улыбышеве. Для нашего сборника она предоставила материал о родословной этого выдающегося музыкального критика и общественного деятеля. Н.А. Пакшина уже порадовала краеведов книгой о нижегородских корнях математика Ляпунова. Теперь предмет ее изысканий – история рода Демидовых. Л.Ю. Ганюшкина в своей статье раскрывает тайны биографии великого фотохудожника Максима Дмитриева. Тексты В.Ю. Белоноговой, Н.А. Пакшиной, Л.Ю. Ганюшкиной сначала были озвучены на краеведческих чтениях.

Проведение краеведческих чтений – одна из основных форм деятельности общества «Нижегородский краевед». Это наша открытая творческая лаборатория. Здесь ведущие исследователи прошлого родного края щедро делятся со всеми желающими своими маленькими и большими открытиями. Насколько высок уровень читаемых в Белом зале областной библиотеки докладов видно из обзора краеведческих чтений, подготовленного их секретарем Л.Е. Кудриной.

Однако не чтениями едиными живо общество «Нижегородский краевед». Его многосторонняя деятельность отражена в особом разделе сборника.

В целом сборник «Нижегородский краевед» сохранил структуру, намеченную в его первом выпуске. Как и раньше в нем публикуются не только научные статьи, но и источники по нижегородской истории. Так, кроме воспоминаний А.Я. Садовского, подготовленных к печати В.В. Митрофановым, материал для этой рубрики предоставил В.В. Боченков, уже второй год радующий нас уникальными документами по истории старообрядчества. На этот раз В.В. Боченков осветил пребывание в г. Горьком старообрядческого архиепископа Иринарха (Парфенова).

Как и в прошлом выпуске, мы публикуем работы победителей конкурса молодых историков-краеведов.

Заведующая отделом краеведческой литературы НГОУНБ И.Г. Горностаева подготовила список краеведческих изданий, увидевших свет в 2015 г. Ей же составлен список трудов ушедшего в 2016 г. из жизни замечательного нижегородского историка В.В. Няякого.

Ф.А. Селезнев,
заведующий Центром краеведческих исследований
ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
председатель общества «Нижегородский краевед»,
д.и.н., профессор

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В НИЖЕГОРОДСКОМ КРАЕ

Л.И. Шиян, И.Г. Горностаева

В 1760 г. на вопросы анкеты Академии наук, предполагающие представить полную географическую, статистическую, историческую картину края – нижегородские власти ответили кратко: ничего [1, с. 3].

На основании закона от 20 декабря 1834 г. в Нижнем Новгороде в 1835 г. был образован губернский статистический комитет. Согласно утвержденному правительством положению от комитета требовались различные статистические материалы о губернии, одновременно вменялся в обязанность сбор сведений о регионе, нравах и обычаях местного населения.

С деятельностью Нижегородского статистического комитета связано немало ярких страниц в изучении нашего края, а его издания – ценнейший источник краеведческой информации. Усилиями членов комитета был осуществлен ряд важных экономических, исторических и этнографических исследований. Правда, первые несколько лет он, по сути, бездействовал. Наладил его работу П.И. Мельников, который 31 января 1846 г. стал правителем дел Нижегородского губернского статистического комитета. Одновременно будущий знаменитый писатель являлся редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей», где опубликовал большое количество краеведческих статей. П.И. Мельников руководил работой статистического комитета в 1846–1850 и 1853 гг.

Затем, с 1854 г., правителем дел комитета был А.П. Смирнов. При нем включились в работу энтузиасты изучения края: В.Г. Житухин, Н.С. Толстой, А.И. Остроумов и др. Постоянными изданиями комитета являлись «Ярмарочный листок» и неофициальная часть «Нижегородских губернских ведомостей». В 1861 г. вышло Положение о губернских статистических комитетах. Согласно ему председателем по должности являлся местный губернатор. Секретарями Нижегородского губернского статистического комитета работали: А.П. Смирнов (1861–1865), А.С. Гациский (1865–1893), А.И. Звездин (1893–1913). С именем А.С. Гациского связано издание десятитомной серии «Нижегородского сборника» (1867–1890), куда вошли статьи по истории отдельных уездов и населенных пунктов Нижегородской губернии, исследования о знаменательных событиях в истории и жизни Нижегородского края. Значимость их велика и по сегодняшний день. У нас есть полное осно-

вание считать Нижегородский статистический комитет первым центром систематической краеведческой работы [2, с. 307–308].

19 мая 1849 г. в Нижнем Новгороде была организована Временная комиссия по разбору древних актов и рукописей. Инициаторами ее создания стали правитель дел Нижегородского губернского статистического комитета П.И. Мельников, архиепископ Иаков и иеромонах Макарий. Возглавил комиссию губернатор М.А. Урусов, секретарем первоначально стал П.И. Мельников, а членами – П.И. Веселовский и кн. В.А. Трубецкой, сотрудниками – иеромонах Макарий и С.А. Доброторский. В результате обследования архивов местных монастырей, церквей и присутственных мест Нижегородской губернии были найдены многочисленные великокняжеские, царские и патриаршие грамоты, начиная с удельного периода и до середины XVIII в. Сообщения о находках публиковались в «Нижегородских губернских ведомостях». Предполагалось все обнаруженные материалы разобрать и опубликовать в пяти томах. Однако план не был осуществлен. С отъездом из города П.И. Мельникова комиссия свою деятельность практически прекратила [3, с. 180–184].

3 марта 1887 г. состоялось учреждение Нижегородской епархиальной церковно-археологической комиссии. Ее председателем был назначен викарий Нижегородской епархии Дмитрий, членами комиссии являлись протоиерей Иоанн Виноградов, священник Александр Кармазинский, диакон Александр Снежницкий, преподаватели Нижегородской духовной семинарии Аполлон Можаровский и Иван Четверкин.

27 апреля 1887 г. был составлен акт открытия комиссии, который был опубликован в «Нижегородских епархиальных ведомостях». 16 мая 1889 г. был разработан и принят устав, определивший цели работы комиссии: «всестороннее изучение прошедшей жизни местной церкви, начиная от первого появления христианства в пределах Низовской земли и до близкого к нам времени во всех его проявлениях».

Для сотрудников комиссии был открыт доступ в ризницы и архивы при церквях и монастырях Нижегородской епархии. Предполагалось издание Трудов комиссии и Ежегодников. Но вышли только два Адрес-календаря Нижегородской епархии – на 1888 и 1904 гг. Материалы деятельности комиссии печатались в «Нижегородских епархиальных ведомостях» и в виде приложений к ним. С 1906 г. это издание выходило под названием «Нижегородский церковно-общественный вестник».

После 1917 г. сведения о Нижегородской епархиальной комиссии в печати не найдены [4; 5, с. 48–51].

17 (29) октября 1887 г. в Ивановской башне Нижегородского кремля начала действовать Нижегородская губернская ученая архивная комиссия (НГУАК), признаваемая как «преемница статистического комитета по изучению древностей Нижнего». Секретарь комитета А.С. Гациский стал главным организатором и первым председателем архивной комиссии и оставался им до 1893 г. Основное направление деятельности НГУАК заключалось в собирании и обработке местных, уездных, волостных, а также частных старинных архивов. Местом хранения их стали Белая, Тайницкая и Кладовая башни Нижегородского кремля.

Заслуживает внимания работа НГУАК по выявлению, изучению и охране памятников старины в Нижегородской губернии и особенно ее роль в исследовании и сохранении Нижегородского кремля.

С первых же дней существования комиссии туда стали стекаться предметы старины, книги. Это послужило толчком к созданию музея и библиотеки. Особое место занимала пропаганда знаний о крае, публикационная деятельность: 18 томов «Действий НГУАК» в 61 выпусках, отдельно изданные «Журналы и доклады НГУАК» за 1887–1914 гг.; кроме того, было выпущено 24 отдельных издания. В частности, в 1897 г. вышел «Сборник в память А.С. Гациского», в 1899 г. – «Сборник памяти Н.И. Храмцовского», в 1913 г. – сборник «Двадцатипятилетие Нижегородской губернской ученой архивной комиссии».

За время своего существования Нижегородская губернская ученая архивная комиссия привлекла многих талантливых историков, знатоков края.

С 1893 по 1909 г. комиссию возглавлял Александр Александрович Савельев, один из самых авторитетных земских деятелей России. Вместе с А.С. Гациским он стоял у истоков Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, проявил себя и как талантливый организатор, и как незаурядный ученый-архивист.

Выдающимся исследователем истории Нижегородского края стал Александр Яковлевич Садовский. С 1908 по 1918 г. он был председателем НГУАК.

Заметную роль в деятельности комиссии сыграл и писатель Владимир Галактионович Короленко, более десяти лет проживший в Нижнем Новгороде. Он охотно вошел в состав НГУАК и плодотворно в ней трудился.

НГУАК прекратила свою работу в 1918 г. [6, с. 309–314; 7].

Неудивительно, что после своего расформирования комиссия не исчезла бесследно, ее действительные члены не могли сразу отрешиться от своих интересов, творческих наработок и планов. Они стали врас-

тать в создаваемые в 1920-х гг. объединения, целью которых было сохранение исторических и культурных ценностей, разностороннее исследование прошлого и новых реалий жизни своего края.

Ближе всего по духу и направленности локальных интересов ушедшей НГУАК была организованная в 1921 г. Нижегородская археолого-этнологическая комиссия (НАЭК). И председатель ее А.Я. Садовский, и ученый секретарь С.М. Парийский, а также библиотекарь Н.И. Драницын, архивист И.И. Вишневецкий – корифеи НГУАК. Новая комиссия возникла и действовала как станция Академии истории материальной культуры. Устав НАЭК так определял цели своей деятельности:

1) регистрация и научное исследование местных памятников и разработка научных основ их охраны;

2) распространение археолого-этнологических знаний, объединение лиц, научно работающих по археологии, археографии и этнологии губернии.

Работа комиссии развернулась в нескольких направлениях: археологическое и геологическое изучение края, археографические и архивные изыскания, исследование этнических взаимосвязей, фольклора и памятников архитектуры Нижегородского Поволжья.

Одной из форм работы были заседания комиссии, где обсуждались результаты ее деятельности. Начиная с 1926 и вплоть до 1930 г. издавались ежегодные отчеты НАЭК, в которых содержатся краткие выступления участников заседаний, что дает богатый материал для последующих исследователей края.

Нельзя не отметить еще одно издание НАЭК «Памяти А.Я. Садовского» (1928 г.). В сборник вошли сообщения, прочитанные на объединенном заседании научных организаций и учреждений Нижнего Новгорода, посвященном памяти А.Я. Садовского, состоявшемся 20 февраля 1928 г. Он интересен сведениями не только о скончавшемся замечательном ученом-краеведе, но и широким обзором локальных тем, с которыми Александр Яковлевич соприкасался в своей деятельности. Авторы этого сборника – С.И. Архангельский, В.Г.Илларионов, С.М. Парийский, С.С. Станков сами являлись значительными фигурами краеведческого движения.

В начале 1930 г. в адрес НАЭК было направлено письмо заведующего Нижкрайоно с предложением обсудить вопрос о вхождении ее в Нижегородское краевое научное общество краеведения на правах секции истории материальной культуры. По сути это было распоряжением, и в марте НАЭК перестала существовать как самостоятельная организация.

В ноябре 1924 г. открыло свою деятельность Нижегородское научное общество по изучению местного края. Это была инициатива Нижегородского педагогического института, и по своему составу общество являлось просвещенческим – более двух третей профессоров и преподавателей вузов и школ.

Уставная цель – объединение всех, кто интересуется изучением края и научно работает в области краеведения, научная разработка локальных вопросов и распространение знаний о крае. Председателем общества был избран профессор С.И. Архангельский, ставший впоследствии выдающимся ученым-медиевистом, секретарем стала Н.Ф. Ржига, в то время библиотекарь педагогического института, а с 1930 г. она возглавила краеведческую библиографию в областной библиотеке. Ее заслугой было издание трех отчетов общества за 1925, 1926 и 1927 гг. Обстоятельные, хорошо продуманные, они дают полное представление о разносторонней исследовательской работе общества.

Работа членов общества закреплена рядом публикаций, до сего времени не утративших своего значения. Это, прежде всего, «Труды Научного общества по изучению местного края»: том 1-й, состоящий из двух выпусков – исторического (1927 г.) и естественно-исторического (1929 г.), и том 2-й под названием «Нижегородский краеведческий сборник» (1929 г.). Вызывает интерес и методическая работа «Программа описания небольшого района силами местных работников».

27 декабря 1927 г. общество в своей докладной записке Нижгубисполкому выдвинуло предложение о создании в городе Литературного музея имени М. Горького. Обращая внимание на общественную значимость «литературного гнезда» Нижегородчины, оно считало необходимым собрать все о писателях-нижегородцах, как прошлых, так и современных, сосредоточить в одном месте и изучить их творчество, с преимущественным вниманием к изучению жизни и творчества А.М. Горького, заслуги которого перед городом памятны землякам. В докладной записке сообщалось о готовности центральной библиотеки им. В.И. Ленина предоставить для этого помещение. Музей был открыт в мае 1928 г. на первом этаже библиотеки. Первый заведующий музеем, впоследствии известный горьковед А.И. Елисеев состоял в штате библиотеки до переезда музея в собственное помещение. Библиотека стала базой по комплектованию книжного материала для экспозиции, трибуной для широкой пропаганды творчества местных писателей.

Хотелось бы отметить еще один факт в истории общества по изучению местного края. С.И. Архангельский, будучи председателем общества, опубликовал, пожалуй, впервые в нижегородском краеведе-

нии, анализ этого вида деятельности в нашем регионе и ее теоретические проблемы. Это его статьи «Из истории краеведческой идеи в Нижегородском крае» (Краеведение. 1925. № 1–2), где были определены основные этапы изучения края, и «Локальный метод в исторической науке» (Краеведение. 1927. № 2), в которой Сергей Иванович рассматривает краеведение как локальный этап исторического исследования общих процессов, призванный выявить специфику событий в данном регионе.

В числе краеведческих общественных организаций Нижнего Новгорода отметим Нижегородскую ассоциацию по изучению производительных сил при губернской плановой комиссии, успешно действовавшую с 1925 г. в направлении использования научной краеведческой деятельности в интересах народного хозяйства и объединения этой деятельности.

В работе ассоциации участвовали ведущие ученые города – преподаватели университета, среди которых известный ботаник С.С. Станков, геолог Н.М. Романов, археолог Б.С. Жуков и др. В 1927 г. при Нижегородской ассоциации по изучению производительных сил была образована библиографическая комиссия. Она занялась прежде всего учетно-регистрационной библиографией с целью выявления всего, что было написано о местном крае. В этом деле участвовали И.Н. Зеленов (общие вопросы истории края), Н.Ф. Ржига (история края), С.И. Богодин (местная периодическая печать). Ассоциация опубликовала в 1925–1930 гг. 13 выпусков сборника «Производительные силы Нижегородской губернии», в которых помещены материалы по проблемам и итогам изучения полезных ископаемых, почв, растительности и т.п.

29 ноября 1921 г. состоялось первое заседание Нижегородского бюро Истпарта (Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б)), в декабре этого же года оно было преобразовано в отдел губкома партии. Возглавлял Нижегородский Истпарт В.Т. Илларионов, впоследствии доктор исторических наук, профессор Нижегородского университета. Основные направления деятельности этого объединения – работа по собиранию и последующей публикации воспоминаний и других документов личного происхождения участников революционного движения и установления советской власти. Полученные материалы проверялись, сопоставлялись, чтобы добиться более точного отражения исторических событий.

В целях привлечения общественности к своей работе 5 марта 1925 г. был создан кружок содействия Нижестпарту и губархбюро, который принял устав, определяющий характер его деятельности.

Большое значение для изучения истории нашего региона имели изданные Нижегородским Истпартом «Материалы по истории революционного движения в Нижегородской губернии» в 4-х томах под редакцией В.Т. Илларионова, «1917–1920: хроника революционных событий в Горьковском крае» под редакцией А.И. Преображенского, сборники воспоминаний и очерков под редакцией Ю.М. Рюриковой.

Следует отметить, что краеведческие объединения тех лет действовали согласованно, руководствуясь общими ценностными установками на изучение, сохранение и пропаганду памятников прошлого и тем внесли немалый вклад в нижегородское краеведческое движение.

Вместе с тем губернское (областное) партийное руководство стремилось установить контроль над работой обществ, регламентировать и направлять их деятельность. 8 сентября 1927 г. постановлением Совнаркома РСФСР все краеведческие органы, в чьем бы ведении они не находились, были переданы Народному комиссариату просвещения, и установлена необходимость согласования краеведческой работы с органами Наркомпроса.

На первой Нижегородской краевой музейно-краеведческой конференции 2–5 сентября 1929 г. было принято решение о создании единого Нижегородского краевого научного общества краеведения с подчинением ему всех разрозненных, существующих в крае краеведческих организаций и обществ. В ноябре это общество было учреждено. Для руководства был избран президиум: Д.Н. Китаев (председатель), Е.В. Корнеев (заместитель председателя), А.А. Белозеров (ответственный секретарь и казначей).

В июле 1930 г. появился его печатный орган – журнал «Нижегородское краеведение», просуществовавший полтора года. Редактором его стал бывший заведующий Нижегородским Истпартом А.И. Преображенский (1885–1938). Секретарем – писатель-журналист А.А. Белозеров. Основное содержание журнала – исследование методов и задач краеведческого движения, информация о деятельности краеведческих обществ на местах, хроника. Историко-краеведческий материал на страницах журнала появлялся редко. По замыслу Нижегородского крайисполкома при санкции Наркомата просвещения РСФСР в Нижнем Новгороде началась работа по созданию Научно-исследовательского института краеведения. Институт был организован 15 декабря 1931 г. в ведении Крайно и под названием Научно-исследовательский институт методов краеведческой работы (ИМКР) с отделениями: естественно-производительных сил, экономики, социально-культурным и отделом национальностей.

К сожалению, в конце октября 1932 г. директор института вынужден был констатировать, что деятельность института ограничивалась лишь устной и письменной консультативной помощью периферийным краеведам и школьным работникам по различным вопросам познания Горьковского края.

Решением Крайно от 23 февраля 1933 г. институт был ликвидирован. Научно-методическую работу по изучению края поручалось возглавить местному бюро краеведения.

В 1930-е гг. увлечение историческим краеведением было объявлено делом сомнительным, чуждым насущным задачам социалистического строительства и оказывалось небезопасным для краеведа. В последующие десятилетия были утрачены существовавшие традиции краеведческих объединений.

В то же время ученые вузов систематически работали в местных архивах, библиотеках, музеях, изучая исторические документы, вводили в оборот новые факты местной истории.

Нельзя не отметить, что тогда в нашей области существовало несколько общественных объединений, которые в своих уставных позициях имели изучение региональных проблем, охрану и пропаганду культурных и природных ценностей края [8, с. 13–45].

С 1924 г. существовала Горьковская областная организация Всероссийского общества охраны природы. Пропагандируя природоохранные знания, она издала большое количество книг и методических рекомендаций. Руководство в первые десятилетия существования организации осуществлялось профессорами Горьковского университета А.И. Порхунным, С.С. Станковым, И.И. Пузановым [9].

В 1945 г. начал свою деятельность Горьковский отдел Географического общества СССР. Он объединил научных и практических работников, так или иначе связанных с географией, и учителей. «Штаб-квартирой» отдела с самого начала стала географическая кафедра Горьковского педагогического института, а самыми активными членами общества – ее педагоги: Н.М. Шомысов, А.С. Фатьянов, Н.А. Борисоглебский, Л.Л. Трубе.

Особого внимания в развитии краеведческих идей заслуживает секция краеведения Горьковского областного отделения Педагогического общества РСФСР. Ей в дальнейшем и предстояло в течение более 20 лет быть центром организованного краеведческого движения.

В конце 1950-х гг. возросло понимание роли краеведения в общественной жизни, в патриотическом воспитании подрастающего поколения, и в среде нижегородской интеллигенции назрела необходимость создания общественного объединения краеведов.

Эту идею смогли осуществить энтузиасты-краеведы Горьковского отдела Географического общества СССР, в числе которых был и учитель А.А. Крылов. На очередном заседании отдела 7 октября 1960 г. при участии широкого круга знатоков и любителей истории края были заслушаны сообщения главного архитектора научно-реставрационной мастерской С.Л. Агафонова о реставрации Нижегородского кремля и заместителя директора историко-архитектурного музея-заповедника И.А. Кирьянова о краеведческой экспедиции по реке Пьяне. В конце заседания было принято единодушное решение – сделать встречи горьковских краеведов регулярными. Через короткий срок дело в свои руки взяла секция краеведения вновь созданного тогда Горьковского областного отделения Педагогического общества РСФСР. Председателями секции, а одновременно и руководителями вызвавших широкий интерес краеведческих чтений были: доктор исторических наук, профессор Горьковского педагогического института Н.М. Добротвор, кандидат исторических наук Л.С. Келлер, с 1972 г. – кандидат исторических наук, почетный гражданин Нижнего Новгорода И.А. Кирьянов. Местом проведения как краеведческих чтений, так и заседаний бюро секции краеведения стала Горьковская областная библиотека, которая располагалась в здании бывшего Александровского дворянского института.

При этом широко использовались информационные возможности самой библиотеки: оповещение о заседаниях, выставки к выступлениям участников, обзоры новой краеведческой литературы, систематическое извещение о нижегородских знаменательных датах. Заведующие сектором краеведческой литературы библиотеки В.Е. Успенская, И.А. Ефремова, Л.И. Шиян являлись неперенными членами бюро секции краеведения Горьковского отделения Педагогического общества РСФСР.

Бюро секции краеведения сплотило вокруг себя большой общественный актив из выдающихся горьковских краеведов. Душой организаторов чтений от первого заседания и до конца своей жизни был А.А. Крылов (1904–1983), сотрудник Института усовершенствования учителей. Постоянными членами бюро были работники Государственного архива Горьковской области. Особенно памятны Нина Илларионовна Куприянова, которая 20 лет являлась секретарем краеведческих чтений, инспектор по охране памятников городского управления культуры г. Горького Альбертина Васильевна Кессель, учитель-историк Константин Ефимович Зильберг и многие другие.

Краеведческие чтения стали трибуной секции краеведения. Они завоевали широкую известность, стали неотъемлемой традицией куль-

турной и общественно-политической жизни нашего города и области. Многие районные краеведческие объединения стали проводить аналогичные чтения на базе местных библиотек, музеев, школ.

Помимо чтений секция проводила много разнообразных мероприятий, работая в тесном контакте не только с музеями, архивами, вузами, но и с областными отделениями Фонда культуры, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Это позволяло секции активно вовлекаться в творческое освоение самого широкого круга тем, связанных с изучением края.

Особенно насыщенной была ее деятельность в 1960 – начале 1980-х гг., когда состоялось более 10 областных конференций по краеведению, где наряду с подведением итогов работы бюро секции краеведения обсуждались актуальные проблемы изучения края.

По инициативе профессора Н.М. Добротвора секция начала проводить краеведческие симпозиумы. Всего до 1988 г. в разных районах Горьковской области состоялось 22 таких мероприятия. Основным организатором симпозиумом был Игорь Александрович Кирьянов (1918–2007). Здесь уместно сказать несколько слов об исключительной значимости этого талантливого историка и замечательного организатора. Его широкая популярность как знатока края позволяла ему контактировать со всеми, кто мог содействовать в осуществлении краеведческих мероприятий. К концу жизни Игоря Александровича иначе, как «патриархом краеведения» не называли. Поэтому, когда в 1989 г. возникла идея консолидировать разрозненные силы региона и создать общество, объединяющее краеведов, ее поддержали представители большинства культурных учреждений и обществ области.

30 октября 1989 г. в Доме культуры работников просвещения (ул. Большая Покровская, 2) состоялась учредительная конференция общества, по единодушному согласию присутствовавших получившего название «Нижегородский краевед». На конференцию собрались те, кто был серьезно озабочен судьбами краеведения: преподаватели вузов, работники музеев, архивов, библиотек, школ, много было краеведов и из районов области. Доклад о состоянии краеведческой работы и задачах краеведческого общества сделал И.А. Кирьянов. Он дал анализ и оценку краеведческого движения в стране в целом и в нашей области, его места в поисках резервов духовного совершенствования жизни, формирования исторического самосознания. Ученый отметил, что нижегородское краеведение, сохраняя давние традиции, по существу не останавливало своей деятельности даже в эпоху застоя и гонений на краеведческую деятельность, чему свидетельство непрерывающийся поток исследований, авторами которых являлись и ученые вузов, и

сотрудники просветительских учреждений, и краеведы-любители. Краеведческое движение развернулось так широко, что его необходимо организовать, ввести в русло определенных, общезначимых проблем края. В итоге он подчеркнул, что во вновь созданном обществе объединятся около двадцати организаций-учредителей, чтобы решить эту задачу, «не трогая сложившуюся отраслевую работу в организациях, которая сейчас существует, не трогая, а только сохраняя ее» [10, с. 10]. На конференции были обсуждены актуальные вопросы практической деятельности общества, поднимавшиеся в выступлениях. Серьезную озабоченность вызывало состояние школьного краеведения, осуществляемого силами учителей и школьников и используемого в образовательных и воспитательных целях. Прозвучала обеспокоенность заниженным научным уровнем многих краеведческих публикаций, и в связи с этим было выдвинуто предложение организовать координацию исследовательской работы ученых и краеведов-любителей, а также контроль над содержанием исследований, публикуемых в разных источниках печати. Консультации, рецензирование должно осуществлять именно вновь создаваемое общество через свои совет и секции. Директор Государственного архива Горьковской области В.А. Харламов говорил, в частности, о необходимости создания творческой группы для разработки плана публикаций.

У присутствующих вызвало тревогу состояние общественных музеев, отсутствие должного внимания к ним со стороны руководства и, как следствие, утрата ими информационного и просветительского статуса. Об этом говорили на конференции делегаты Воробьев, Улитин и др. Писатель и краевед Ю.А. Адрианов высказал личную точку зрения на членство в обществе – не только наличие публикаций, но и активное отношение к происходящему в крае, отстаивание собственной позиции в вопросах охраны памятников истории, культуры и природы. Он акцентировал внимание краеведов на том, что пропаганда экологии культуры и экологии природы должны вестись целенаправленно и неразрывно одна от другой.

Сотрудник историко-архитектурного музея-заповедника Т.Н. Казанская поддержала тех выступающих, которые подчеркивали необходимость написания истории Горьковской области, и развила эту мысль: учреждаемое общество должно выйти с предложением в издательство по созданию редакционной коллегии, подбору авторов, чтобы не позднее 1995 г. историю области издать.

На конференции не только присутствовали, но и активно высказывались по существу ряда проблем представители районных краеведческих объединений. Они вменяли в обязанность создаваемого обще-

ства организацию подразделений, секций и других структур на местах, привлечение к их формированию широкого круга заинтересованных лиц и, конечно же, организацию методической помощи.

По существу, каждое выступление содержало конкретные предложения – как объединенными усилиями общественности, патриотов-энтузиастов и ученых возвращать людям утраченное, несправедливо забытое, не в полной мере оцененное: имена, события, памятники Отечества. Создание общества «Нижегородский краевед» – реальный конкретный шаг в этом направлении.

С проектом устава общества выступил кандидат исторических наук Юрий Григорьевич Галай (1945–2012). В разделе «Общие положения» были перечислены учредители, среди которых государственные архивы, ведущие музеи города, областная библиотека, Горьковский университет, Горьковский педагогический институт, Областное управление народного образования – всего 20 учреждений и организаций.

«Нижегородский краевед» является общественной организацией, не имеющей прав юридического лица. Членом общества может быть любой гражданин, разделяющий цели, устав и участвующий в его деятельности. Прием членов осуществляется Президиумом общества большинством голосов по письменному заявлению вступающего или по рекомендации районных краеведческих организаций. Действительным членом общества становятся лица, активно участвующие в его работе, выступающие с докладами, публикациями, ведущие научные исследования, создающие музейные экспозиции и краеведческие картотеки, разрабатывающие методику краеведческой работы. Они не платят членских взносов, получают диплом действительного члена общества «Нижегородский краевед», который дает право использовать это звание в своих публикациях.

Организационную структуру общества составляют: Областной совет, Президиум Областного совета, секции по различным направлениям краеведческой деятельности, районные краеведческие организации. В своем постановлении учредительная конференция утвердила образование общества под названием «Нижегородский краевед», избрала его председателем старейшего краеведа, одного из инициаторов создания общества Игоря Александровича Кирьянова, заместителем председателя – Юрия Григорьевича Галая, секретарем – заведующую отделом краеведческой литературы областной библиотеки Ольгу Александровну Кузнецову. Отчет о создании общества и его устав были опубликованы в «Записках краеведов» [11, с. 258–261].

Первоочередными задачами общества была организация районных объединений, секций и других возможных подразделений как областного, так и районного масштабов. При этом рабочий президиум общества, избранный на учредительной конференции, считал целесообразным не ломать сложившейся структуры деятельности краеведов в рамках Педагогического общества, ВООПИК, музеев и библиотек, а также других объединений, но рекомендовал расширить состав их на вневедомственной основе с привлечением всех, реально заинтересованных в развитии и пропаганде разнообразных знаний о крае. В районы были разосланы рекомендации об организации отделений общества «Нижегородский краевед».

На март 1990 г. были зарегистрированы отделения общества в 11 муниципальных образованиях области, в т. ч. в Дзержинске, Сормове, Богородске, Воротынце, Ветлуге и др.

На заседании президиума общества 4 марта 1990 г. были выбраны делегаты на учредительный съезд Всероссийского общества краеведов, который состоялся в Челябинске 26–27 апреля 1990 г. Это были И.А. Кирьянов, Ю.Г. Галай, И.В. Берельковский. Членом Центрального совета краеведческого общества от горьковчан стал председатель общества «Нижегородский краевед» И.А. Кирьянов.

Обстоятельную статью об этом съезде написал Ю.Г. Галай [12].

Надо сказать, что роль Юрия Григорьевича в обществе сильно возросла в связи с нездоровьем И.А. Кирьянова. Он стал практически организатором большинства краеведческих дел, председательствовал на краеведческих чтениях, которые оставались основной формой работы общества.

На заседании 2 октября 1990 г. были учреждены секции:

– архивистов (Государственный архив Горьковской области, Партийный архив Горьковского обкома КПСС) – председатель секции Н.И. Куприянова;

– литературная (Горьковский государственный музей Н.А. Добролюбова, Горьковский государственный музей А.М. Горького) – председатель секции Н.М. Фортунатов;

– топонимическая – председатель Т.А. Исаева;

– библиотечно-библиографическая – председатель О.А. Бабкина (Кузнецова);

– археологическая – председатель Т.В. Гусева;

– археографическая – председатель Т.В. Черторицкая;

– Общество старых нижегородцев – В.Д. Смирнов;

– секция исторического факультета Горьковского государственного педагогического института – председатель В.В. Ниякий;

– географическая – председатель И.К. Орфанов.

Первое почетное звание общества было присвоено И.А. Кирьянову.

Издательскую группу поручили создать И.А. Кирьянову, Ю.Г. Галаю, Н.М. Фортунатову.

Общество принимало активное участие в большинстве крупных краеведческих акций в области. Члены общества публиковали свои исследования в материалах конференций, тематических сборниках. Кстати, на учредительной конференции поднимался вопрос об использовании средств массовой информации для освещения деятельности краеведов и, главное, для публикации результатов их исследовательского труда. Предлагалось издавать журнал «Нижегородское краеведение». Одновременно было высказано пожелание в качестве печатного органа общества издавать сборник «Записки краеведов», выходящий с 1973 г. Так и получилось. Девятый выпуск «Записок», вышедший в 1991 г., был сформирован усилиями членов совета общества «Нижегородский краевед». Они входили в состав общественной редколлегии сборника. Так что можно считать: если связь не завершилась организационно, она осуществилась на деле. К сожалению, лишь после 13-летнего перерыва в 2004 г. вышел в свет очередной, десятый, выпуск «Записок краеведов» стараниями известного издателя, поэта и краеведа О.А. Рябова. Не было бы и этого сборника, если не энтузиазм председателя общества Ю.Г. Галая, действительных членов Л.И. Шиян, Б.М. Пудалова, И.В. Берельковского, Ф.А. Селезнева, В.А. Харламова и др. К сожалению, в 2013 г. увидел свет последний выпуск «Записок краеведов».

Основной же формой работы общества продолжают оставаться краеведческие чтения. Всего проведено около 450 ежемесячных заседаний, заслушано более 1300 сообщений по различным вопросам краеведения – это ценнейший материал по истории, экономике, природе, культуре и искусству края. Организуются также презентации краеведческих книг, обзоры и перспективы деятельности издательств, конкурсы на лучшие краеведческие работы школьников и студентов.

Огромную исследовательскую и публикаторскую деятельность ведут соучредители общества – музеи, архивы, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, НГПУ им. К. Минина. Много сделано отделом краеведческой литературы Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина. Начата серия библиографических указателей «Нижегородские краеведы». Открывают ее указатели, вышедшие в 2001 г.: «Игорь Александрович Кирьянов» (составитель О.Н. Лисятнникова) и «Юрий Григорьевич Галай» (состави-

тель В.А. Митрофанова), «Леонид Леонидович Крайнов-Рытов» (составители: О.А. Кузнецова, Г.А. Ушакова), в 2005 г. издан указатель «Алексей Иванович Елисеев» (составитель Л.И. Шиян), в 2010 г. – второе издание указателя «Юрий Григорьевич Галай» (составители: О.А. Кузнецова, В.А. Митрофанова), в 2016 г. – «Людмила Ивановна Шиян» (составитель И.Г. Горностаева). Несколько лет отдел работает над блоком досье ведущих нижегородских краеведов, членов общества, где помимо их работ, приводятся краткие биографические сведения.

С 1996 г. во главе общества стоял кандидат исторических наук, доктор юридических наук Юрий Григорьевич Галай, разносторонне эрудированный ученый, про таких говорят «ходячая энциклопедия», открытый, доброжелательный, энергичный и очень трудоспособный. К сожалению, 2 ноября 2013 г. Ю.Г. Галай скончался.

Начался новый этап в истории общества «Нижегородский краевед».

Краеведческие чтения 18 декабря 2013 г. имели статус конференции. Был избран новый председатель общества – доктор исторических наук, автор многих книг и публикаций по нижегородскому краеведению, профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского Федор Александрович Селезнев. На протяжении многих лет он принимал активное участие в деятельности общества, сам часто выступал на Краеведческих чтениях и рекомендовал доклады своих студентов и аспирантов.

Федор Александрович ознакомил краеведов с изменениями, внесенными в устав общества «Нижегородский краевед», не менявшийся с 1989 г.

Отчет о работе общества свидетельствует о значительном сдвиге прежде всего в организационной деятельности:

- более чем в два раза возросло число членов общества;
- в целях вовлечения студентов и школьников в дело изучения края проведен конкурс молодых историков-краеведов, в котором приняли участие студенты и аспиранты нижегородских вузов.
- совместно с Центром краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского и Нижегородским филиалом Высшей школы экономики общество выступило организатором Первой научно-практической конференции «Народ и власть: вопросы истории государства и права» (7 ноября 2014 г.), посвященной памяти Ю.Г. Галая. Вторая конференция «Народ и власть: взаимодействие в истории и современности» состоялась 6 ноября 2015 г. По материалам конференций изданы сборники докладов.

Продолжая богатые традиции нижегородского краеведения, общество подготовило новый проект – совместно с Центром краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н.И.Лобачевского в 2015 году вышел в свет сборник научных статей «Нижегородский краевед», который в настоящее время является официальным органом общества. Его главная задача – изучение и пропаганда историко-культурных, социально-экономических и этнографических особенностей и традиций жителей нижегородской земли, а также объединение, развитие и координация деятельности нижегородских краеведов. В редакционную коллегию сборника вошли Ф.А. Селезнев (ответственный редактор), С.М. Ледров, И.Г. Горностаева. Рецензент – начальник отдела историко-культурных исследований НИП «Этнос» А.И. Давыдов.

В сборнике представлены статьи, посвященные истории Нижегородского края с древнейших времен до XX в., а также публикации исторических документов и воспоминаний. Здесь нашли отражение выступления наиболее активных членов нашего общества и участников краеведческих чтений. На страницах сборника опубликованы работы как корифеев нижегородского краеведения, так и молодых исследователей.

Демократическое общественное начало как бы заложено в самой структуре общества «Нижегородский краевед». Все действия общества носят исключительно общественный характер и рассчитаны на самостоятельность и инициативу. И, если вы встречаете публикацию за подписью «Действительный член общества “Нижегородский краевед”», будьте уверены, что автор гордится этим.

Источники и литература

1. От издательства // Записки краеведов. Горький, 1973.
2. *Миронос А.А.* Нижегородский губернский статистический комитет // Нижегородский край: факты, события, люди. Н. Новгород, 1992.
3. *Галай Ю.Г.* Нижегородская временная комиссия для разбора древних актов и рукописей // Отечественная история XIX–XX веков: историография, новые источники: материалы регион. межвузов. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2003.
4. Отчет Нижегородской епархиальной церковно-археологической комиссии с 3-го марта 1883 года по 1 сентября 1890-го года, с краткой предварительной исторической запиской о ней. Н. Новгород, 1890.

5. Нижегородская епархиальная церковно-археологическая комиссия (110 лет со дня учреждения) // Календарь памятных дат Нижегородской области на 1997 год. – Н. Новгород, 1996.

6. *Филатов Н.Ф.* Нижегородская губернская ученая архивная комиссия // Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород, 1997.

7. Двадцатипятилетие Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: заседание 22 октября 1912 года и краткая историческая записка. – Нижний Новгород, 1913.

8. *Шиян Л.И.* Нижегородская областная библиотека в системе нижегородского краеведения (краткий обзор) / Л.И. Шиян, О.А. Кузнецова // Жизнь провинции: материалы и исследования. Н. Новгород, 2012.

9. Горьковская областная организация Всероссийского общества охраны природы в истории природоохранного движения. Горький, 1984.

10. Стенограмма учредительной конференции Горьковского областного общества краеведов. 30 ноября 1989 г. Горький, 1989.

11. *Шиян Л.И.* Создано областное краеведческое общество: хроника краеведческой жизни // Записки краеведов [1991]: очерки, статьи, воспоминания, документы, хроника: [альманах, вып. 9]. Н. Новгород, 1991.

12. *Галай Ю. Г.* Надежды и сомнения: заметки (субъективные) об учредительном съезде краеведов России // Горьковский рабочий. 1990. 18 мая.

К ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ ГОРОДОВ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ

В.Н. Русинов

Как известно, древнейшими русскими городами на территории Нижегородского края являются Городец и Нижний Новгород, хотя возникли они не в одно и то же время. Историей их названий, столь привычных в наши дни, никто всерьез не занимался, и было бы полезно в какой-то степени восполнить этот пробел. Важный и интересный вопрос о происхождении и эволюции наименований обоих городов не может, конечно, рассматриваться вне связи с вопросом о возникновении этих населенных пунктов.

Городец был основан на несколько десятилетий раньше, чем *Нижний Новгород*. Поэтому именно с *Городца* и следует начать. Точной даты или хотя бы года основания *Городца* в источниках не сохранилось. В силу этого вопрос о том, с какого времени следует отсчитывать начало его истории, остается дискуссионным.

Раньше других сложилось мнение о том, что *Городец* был основан в 1152 г. ростово-суздальским князем Юрием Владимировичем (Долгоруким). Основанием для этой точки зрения служит помещенное в Типографской летописи под 1152 г. обобщающее известие о его строительных мероприятиях в Суздальской земле. Следует, однако, иметь в виду, что данное известие, за исключением помещенных в нем сведений о постройке Юрием ряда церквей, перевода Переяславля на новое место и основания Юрьева (Польского), не упоминает ни о каких других его градостроительных деяниях, в том числе об основании *Городца*. Кроме того, имеются основания считать это известие составленным не в середине XII в., а появившимся гораздо позднее в результате предпринятой кем-то задним числом попытки отдать Юрию Долгорукому должное в качестве строителя церквей и городов [1, с. 60–69]. По-видимому, ко времени составления такого известия о градостроительных заслугах Юрия помнилось уже далеко не все, а, может быть, автор не слишком утруждался поиском необходимой информации. Скорее всего, и 1152 г., под которым это известие помещено в Типографской летописи, нельзя считать достоверным. Очевидно, к 1152 г. отнесен явно неполный перечень строительных мероприятий Юрия как к одному из последних лет его пребывания на ростово-суздальском княжении. С учетом этого нельзя исключать, что *Городец* действительно мог быть основан Юрием Долгоруким, но только не обязательно в 1152 г. Насколько известно, после изгнания из Киева в 1151 г. Юрий около трех лет (1152–1154 гг.) находился в Суздальской земле и стремился укреплять ее путем строительства новых городов. Возможно, начало *Городцу* было положено в самом конце этого периода как продолжение градостроительных тенденций ростово-суздальского князя незадолго до его окончательного ухода на княжение в Киев в 1155 году.

Согласно другому мнению, основание *Городца* следует относить к периоду между 1164 г. и 1172 г. [2, с. 92]. Верхняя граница этого периода определяется первым летописным упоминанием *Городца* в рассказе о походе, совершенном зимой 1171–1172 г. группой русских князей против Волжской Булгарии. Нижней границей считается описанный летописями под 1164 г. успешный поход на волжских булгар, организованный великим владимирским князем Андреем Юрьевичем

(Боголюбским). Представляется, что поход 1164 г. должен был побудить Андрея к постройке на берегу Волги выдвинутого на восток его владений укрепленного пункта, каким и стал *Городец*. Сторонники этой точки зрения отвергают возможность основания *Городца* при Юрии Долгоруком в последние годы его ростово-суздальского княжения, указывая на отсутствие признаков восточного направления в его политике. Однако подобные соображения при всей их резонности все же не содержат убедительных доказательств, позволяющих категорически отрицать вероятность возникновения *Городца* еще в княжение Юрия Долгорукого.

Сведения о ранней истории *Городца*, как и многих других русских городов, можно найти в сохранившихся древнерусских летописях. Особенно ценны те летописные известия, упоминающие *Городец*, которые содержатся в самых древних дошедших до нас памятниках летописания. Одним из них является Лаврентьевская летопись, созданная в 1377 г., но повествующая о событиях только до 1305 г. включительно, поскольку Лаврентий, чье имя закрепилось за летописью, переписал кончавшийся этим годом более ранний летописный свод, оригинал которого не дошел до нас. Важно, что в своем составе Лаврентьевская летопись, как и свод 1305 г., передает целый ряд гораздо более древних, но тоже не дошедших до нас в оригиналах летописных памятников владими́ро-суздальского происхождения, включавших упоминания *Городца*. Впервые о *Городце* в Лаврентьевской летописи упоминается под 1172 г. в рассказе о походе нескольких русских князей с участием Мстислава Андреевича, сына Андрея Боголюбского, против волжских булгар: «Бывшую же князю Мстиславу на Городьци...» [3, стб. 364]. Очевидно, что *Городец* назван здесь как уже существующий населенный пункт, который, по всей вероятности, появился раньше 1172 г. Следующее его упоминание Лаврентьевская летопись содержит под 1177 г. в рассказе о княжеской междоусобице из-за владимирского княжения. Согласно рассказу, жители Ростова пригласили к себе в князя Мстислава Ростиславича, занимавшего княжеский стол в Новгороде на Волхове, с такими словами: «Поиди, княже, к нам, Михалка бог поял на Волзе на Городци, а мы хочем тебе, а иного не хочем» [3, стб. 380]. Лаврентьевская летопись упоминает *Городец* и в известиях о событиях более позднего времени, но неизменно именует его *Городцом*. Под этим названием город известен и по многим позднейшим летописям, причем не только в изложении событий XII–XIII вв., но и XIV–XVII вв. То же самое наблюдается и при упоминании *Городца* в актовых и делопроизводственных документах. Вот факты. Из текста грамоты 1401–1402 гг.: «А благословил есмь сына, князя Семена, князя

Ярослава, дал есмь им... Городец на Волзе... А мыт и тамгу дал есмь жоне своей, княгине Олене, на Городце по старои пошлине... А ез дети мои под Городцом затепут со одного, а делят себе наполю» [4, с. 47]. Из текста грамоты 1448–1449 гг.: «А з Городца и с твоее вотчины, чем ты есмь пожаловал, имати ми у тебе во царев выход по описи, по людем... А приставов ми в твои удел... и на Городец... не всылати» [4, с. 157].

Из приведенных данных очевидно, что древнейший русский город, существовавший на территории Нижегородского края с XII в., в ранних источниках обычно фигурирует под названием *Городец*. Лишь иногда его упоминание сопровождается уточнением «на Волзе», то есть «на Волге», чтобы этот населенный пункт нельзя было принять за другое поселение с таким же наименованием, каких на Руси было немало. Однако нет необходимости уподоблять название *Городец* с впоследствии не закрепившимся уточнением «на Волге» обозначению *Городец-на-Волге* по аналогии с наименованиями Комсомольск-на-Амуре, Ростов-на-Дону и т. п. Кроме того, следует учитывать, что слово *городец* (др.-рус. городць) передавало значение «маленькая крепость» подобно тому, как слово *город* (др.-рус. городъ) означало «крепость, укрепление». Следовательно, первые летописные упоминания *Городца*, относящиеся к XII–XIII вв., называют его не собственным, а нарицательным именем. Иначе говоря, собственного имени в точном смысле *Городец* тогда еще не имел. Тот факт, что в опубликованных летописных памятниках слово *городец*, обозначающее этот населенный пункт, в его первых упоминаниях воспроизводится с прописной буквы, указывает лишь на его интуитивное восприятие издателями в качестве имени собственного. Никакой беды в этом, разумеется, нет, поскольку более удобный выход из положения все равно трудно было бы подыскать. Лишь с течением времени нарицательное обозначение *городец* стало настолько привычным, что превратилось в собственное имя *Городец*. Предположительно, это могло произойти уже через несколько десятилетий после возникновения *Городца*, например к середине XIII в.

Теперь необходимо обратиться к одному уникальному свидетельству, заключенному в статье 1216 г. весьма древней (конец XIII в.) Новгородской первой летописи. Здесь помещен составленный новгородским автором рассказ о борьбе между сыновьями великого князя Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо) за владимирское княжение. Конфликтная ситуация, как следует из рассказа, разрешилась в битве на р. Липице, в которой верх с помощью новгородских, псковских и других вооруженных отрядов одержал Константин, старший сын Всеволода. Эта победа над младшими братьями позволила Константину получить владимирский великокняжеский стол, занимаемый до Ли-

пицкой битвы его братом Юрием. Очевидно, по решению победившей стороны Юрий был вынужден перейти на княжение в *Городец*: «И иде Гюрги из Володимиря в Радилев Городьчь» [5, с. 56]. Таким образом, новгородский автор употребил по отношению к *Городцу* уточнение *Радилев*, которое более нигде не приводится Новгородской первой летописью. Впоследствии материалы этой летописи широко использовались при составлении памятников общерусского летописания. Поэтому в них под 1216 г. *Городец* тоже именуется *Радилевым Городцом* или *Городцом Радилевым*. Лишь в тексте Тверского летописного сборника такое название употреблено по отношению к *Городцу* не только под 1216 г. (причем в более пространным, чем по Новгородской первой летописи, изложении событий), но и в начале статьи 1177 г. при упоминании места смерти владимирского князя Михаила (Михалка) Юрьевича: «Преставися благоверный великий князь Михалко на Волзе на Городце на Родилеве июня 20 в субботу на ночь, заходящу солнцу» [6, стб. 259]. Но это сделано, без сомнения, под влиянием упоминания *Радилова Городца* в статье 1216 г. Новгородской первой летописи, каким-то списком которой пользовался составитель Тверского сборника в первой половине XVI в. Естественно, что со временем обозначение *Городец Радилев* вошло в научный оборот. Первоисточником же такого названия, как было показано, стало однократное употребление обозначения *Радилев Городец* в древнем памятнике новгородского летописания. Вместе с тем оказывается, что в разных годовых статьях, за исключением статьи 1216 г., а в Тверском сборнике еще и статьи 1177 г., других летописей, особенно общерусских, город по-прежнему именуется просто *Городцом*. Каково же в таком случае происхождение зафиксированного Новгородской первой летописью уточнения *Радилев* применительно к *Городцу*, и заслуживает ли оно доверия?

Попытку ответить на эти вопросы не так давно предпринял Б.М. Пудалов [7, с. 65–67]. Согласно его предположению, новгородский летописец, которому принадлежит рассказ о событиях 1216 г., недостаточно хорошо знал географию Владимиро-Суздальского края и по ошибке уточнение *Радилев*, предположительно определявшее один из «городцов» в Тверской земле, приложил к нижегородскому *Городцу*. Эта ошибка, как отметил Б.М. Пудалов, не исправлялась впоследствии при создании позднейших летописных сводов, поскольку их создатели тоже не отличались достаточным географическим кругозором, и продолжала укреплять мнение о *Городец* как о *Городец Радилев*. В пользу такого объяснения Б.М. Пудалов сослался на отсутствие каких-либо следов существования на территории Нижегородского края поселений

с названием Радиллов или производными от него, но не преминул указать на их наличие в истории Тверской земли.

Однако существует возможность по-иному взглянуть на ситуацию. Не стоит преувеличивать вероятность того, что новгородский летописец, составивший рассказ о событиях 1216 г., затронувших Владимиро-Суздальскую землю, мог перепутать *Городец* с каким-то тверским населенным пунктом по имени Радиллов. Значение следует придавать другим обстоятельствам. Во-первых, *Городец* возник на Волге, то есть на важнейшем речном пути, хорошо известном новгородцам, и трудно допустить, чтобы его появление не было замечено в Великом Новгороде. Поэтому едва ли новгородский автор, упомянувший в своем рассказе целый ряд географических объектов Владимиро-Суздальского края, не знал о существовании на его территории со сравнительно недавнего времени *Городца*, но до составления рассказа о междоусобице 1216 г. во Владимиро-Суздальской земле мог не знать его первоначального названия. Во-вторых, следует еще раз обратить внимание на то, что с самых первых упоминаний в Лаврентьевской летописи название нижегородского *Городца* не сопровождается никаким притяжательным по смыслу определением, хотя возможность его изначального существования достаточно вероятна. Теперь необходимо вновь коснуться последствий Липицкой битвы. Согласно статье 1216 г. Новгородской первой летописи, владимирский князь Юрий Всеволодич лишился великокняжеского стола и отправился княжить в *Городец*. Вопрос о том, как с Юрием поступить после его неудачи на Липице, несомненно обсуждался в кругу князей-победителей и их приближенных. Можно предположить, что во время обсуждения зашла речь и о *Городце* как о возможном месте ссылки Юрия. Поскольку же в обсуждении принимали участие князья и другие сведущие люди, то среди них вполне мог найтись кто-то, из чьих уст прозвучало наименование *Городец* в сопровождении уточнения *Радиллов*. Автору рассказа о событиях 1216 г. могло стать известно обозначение *Радиллов Городец* от возвратившихся из похода новгородцев. Конечно, такое объяснение может считаться правдоподобным лишь при том условии, если название *Радиллов Городец* или *Городец Радиллов* по каким-то причинам изначально не получило широкой известности и очень скоро оказалось почти забытым. Именно на это как раз и указывают многочисленные факты упоминания *Городца* без уточнения *Радиллов* в источниках самого раннего времени. Впрочем, можно, с чисто умозрительной точки зрения, предложить и более простое объяснение: в Великом Новгороде с первых лет существования *Городца* на Волге знали его первоначальное наименование и держали его в памяти. Ввиду этого не следует ли при-

знать вероятность того, что именно благодаря новгородскому автору XIII в. до нас дошло чуть было не затерявшееся изначально название нижегородского *Городца*? Вопреки доводам Б.М. Пудалова, возможность существования в древности хотя бы одного населенного пункта с названием Радиллов нельзя исключать и на нижегородской территории. По его же данным именовавшиеся так городские поселения раньше существовали на Тверской земле. Но, как выясняется, то же самое имело место и в других областях Руси. К примеру, деревни с названием Радилово и сейчас известны в Судогодском районе Владимирской области, Порховском районе Псковской области, Кимрском и Торжокском районах Тверской области. Среди подобных регионов в древности вполне могла оказаться и Нижегородская земля, особенно если учесть, что от тех времен далеко не все сохранилось.

Если первоначальное название *Городца* действительно звучало, как *Радиллов Городец* или *Городец Радиллов*, то притягательное прилагательное *Радиллов* указывает на ту или иную связь поселения с неким человеком, чье имя было *Радил* или *Радило*, а слово *городец* сначала употреблялось в этом обозначении с чисто нарицательным значением. Ничего конкретного о *Радиле* сказать невозможно, так как источники не содержат о нем никаких данных, кроме упоминания в названии *Радиллов Городец*. Можно считать его либо основателем и строителем *Городца*, либо воеводой, возглавлявшим гарнизон возведенной крепости, а, возможно, человеком, имевшим прямое отношение и к тому, и другому. Понятно, что в своей деятельности он был подчинен воле великого князя, по всей вероятности, Юрия Долгорукого. Может быть, скорое забвение первоначального наименования *Городца* как-то связано с дальнейшими перипетиями судьбы *Радила*, оставившего след в начальной истории города. Возможно, этот человек рано покинул возведенную им на Волге крепость, поскольку вынужден был последовать за Юрием Долгоруким после того как тот в 1155 г. утвердился на киевском княжении. Именно этим может объясняться последующее закрепление за городом названия *Городец* без уточнения *Радиллов*.

Должен быть поставлен вопрос о правомерности высказанного Н.Д. Русиновым мнения, согласно которому *Городец* в древности мог именоваться *Городом Радилловым* или просто *Городом* [8, с. 52; 9, с. 50–51, 143]. Как представлялось исследователю, на это указывает форма *городском* вместо ожидаемой *городецком* в записи Лаврентия, которую он поместил по завершении своего летописного труда. В этой записи Лаврентий упоминает о том, что созданием летописи он занимался в 6885 (1377) г. «при благоверном и христолюбивом князи великом Дмитрии Костантиновичи и при епископе нашем христолюбивем свя-

щенном Дионисье суждальском и новгородском и городском» [3, стб. 487–488]. Другой подобный факт Н.Д. Русинов указал в тексте одного из списков Нижегородского летописца, памятника XVII в. Этот пример отражен и в недавно вышедшей публикации разных списков Нижегородского летописца, подготовленной М.Я. Шайдаковой: «А нижегородское и городское княжение пошло от Суздаля» [10, с. 258]. Как видно, допущение Н.Д. Русинова основано всего лишь на двух примерах из источников, а это плохо согласуется с тем, что в летописных и других текстах *Городец* никогда не упоминается под названием *Город*. Вопрос, однако, разрешается, если учесть обычные в источниках случаи употребления прилагательного *гороховский* вместо *гороховецкий*, производного от названия Гороховец. Вот ряд примеров. Из текста грамоты 1406–1417 гг.: «Што мое село Старковское в Гороховском уезде...» [11, с. 467]. Из текста грамоты 1445–1446 гг.: «А волостели наши Гороховские и мешчерские... к тем людем не въезжают» [11, с. 471]. Из текста грамоты 1595 г.: «Пожаловали есмя к пустыне Живоначальные Троицы, что в Гороховском уезде...» [12, с. 100]. Из текста грамоты 1618 г.: «Писал ты... в Муромской и в Гороховской уезд...» [13, с. 51]. Из текста Нижегородского летописца под 1687 г.: «Прислан с Москвы... столник... государское жалованье давал нижегородским и муромским, и гороховским помещикам» [10, с. 168]. Очевидно, что продемонстрированные на этих примерах случаи замены прилагательного *гороховецкий* прилагательным *гороховский* отражают то же самое явление, которым вызвано употребление прилагательного *городской* вместо *городецкий*. Оно заключается в следующем. При образовании слов *гороховецкий* или *городецкий* возникало стечение суффиксов *-ец-* и *-ск-*, которое в древности для восточных славян представляло определенное неудобство с точки зрения артикуляции (произношения). Чтобы устранить его, язык в подобных случаях шел по пути отсечения суффикса *-ец-*, что и приводило к соответствующим упрощениям. Поэтому единичные случаи употребления в источниках слова *городской* вместо *городецкий* не дают никаких оснований считать изначальным названием *Городца* обозначение просто *Город*, равно как и *Радилов Город* или *Город Радилов*, а не *Радилов Городец* или *Городец Радилов*.

В отличие от многих древнерусских городов, возникновение которых относится к XI–XIII вв., *Нижнему Новгороду* повезло в том смысле, что год его основания сохранился благодаря дошедшим до нас источникам. Так, в составе Лаврентьевской летописи среди извещений за 1221 г. имеется такая запись: «Того же лета великий князь Гюрги, сын Всеволожь, заложил град на устьи Оки и нарече имя ему Новъград»

[3, стб. 445]. Это свидетельство требует пояснений с точки зрения его происхождения. Выше было отмечено, что Лаврентьевская летопись отражает древнейшие владими́ро-суздальские летописные своды. К одному из них, как можно с уверенностью полагать, и восходит зафиксированное Лаврентьевской летописью свидетельство о начале *Нижнего Новгорода*. Логично допустить, что запись об этом событии сделал вскоре после закладки города летописец, прославлявший деяния великого владимирского князя Юрия Всеволодича. Переписывая в 1377 г. текст летописного свода, заканчивавшегося 1305 г., Лаврентий добросовестно скопировал находившиеся в нем известия о событиях княжения Юрия, в том числе и упоминание о закладке им *Нижнего Новгорода* в 1221 г. Таким образом, самым ранним сохранившимся источником, сообщающим об этом факте, является Лаврентьевская летопись. Некоторые краеведы, одержимые идеей во что бы то ни стало удревнить основание *Нижнего Новгорода*, пытались поставить под сомнение приводимое Лаврентьевской летописью указание года закладки города. Однако можно утверждать, что никаких реальных оснований для этого не существует. Более того, заключенные в Лаврентьевской летописи свидетельства о ранней истории *Нижнего Новгорода* вполне согласуются с 1221 г. как датой его основания Юрием Всеволодичем.

Если судить по указанию Лаврентьевской летописи, то Юрий при закладке города «на усть Оки» дал ему имя *Новград*. Это название, в отличие от древнерусского *Новгород*, является церковнославянским. В древности на Руси, где церковнославянский язык был хорошо известен, можно было без какой-либо натяжки город назвать градом и, следовательно, вместо *Новгород* сказать или написать *Новград*. Скорее всего, обозначение *Новград* по отношению к основанному Юрием Всеволодичем в 1221 г. городу употребил составивший первоначальную запись об этом деянии своего князя владимирский летописец. Впоследствии из какого-то владими́ро-суздальского свода это внесенное под 1221 г. обозначение перешло в свод 1305 г., а Лаврентий воспроизвел его в тексте своей летописи. Следует обратить внимание на то, что название *Новград* применительно к заложенному Юрием рядом с устьем Оки городу Лаврентьевская летопись приводит только в цитированном выше известии о его основании. Во всех остальных случаях, когда лаврентьевский текст упоминает об этом городе, применяется название *Новгород*, а если речь заходит о его жителях, то они именуются *новгородцами*. К примеру, под 1229 г. Лаврентьевская летопись сообщает о нападении на *Новгород* отряда мордвы во главе с Пургасом и об отражении этого нападения жителями города: «В лето 6737 (1229) месяца

априля придоша мордва с Пургасом к Новугороду, и отбишася их новгородци» [3, стб. 451]. Таким образом, привычным наименованием древнерусского города, появившегося в месте слияния Оки с Волгой, стало все-таки *Новгород*, и это совершенно естественно. Что же касается названия *Новград*, то не так часто оно встречается и в древнерусских или старорусских текстах позднейшего происхождения. За этим обычно стоит желание того или иного автора украсить имя города, употребив его в церковнославянской, следовательно в более высокой, чем нейтральное обозначение *Новгород*, форме.

Известие об основании Юрием Всеволодичем «на усть Оки» города *Новгорода* побуждает к рассмотрению еще некоторых вопросов. Почему город был основан в 1221 г. и почему его закладка была произведена в месте слияния Оки с Волгой? Великие владимирские князья во второй половине XII – начале XIII в. стремились к распространению своего влияния в восточном направлении. К этому периоду относится возникновение *Городца* на Волге и Гороховца на Клязьме. Тем самым под влиянием владимирских правителей переходили соответствующие восточные области Волго-Окского междуречья. Его крайней восточной точкой, в которой сходились крупнейшие водные пути всего региона, было место слияния Оки и Волги. Как известно, Юрий Всеволодич надежно утвердился на владимирском княжении лишь в 1218 г. Спустя непродолжительное время, в 1220 г., он организовал вооруженный поход на Волжскую Булгарию, оказавшийся весьма удачным. Уверенное обладание владимирским княжеским столом и военные успехи Юрия в борьбе с волжскими булгарами создали условия для того чтобы место впадения Оки в Волгу было поставлено под контроль владимирского князя. Основание города в этом месте стало необходимым и неизбежным в самое ближайшее время после успешного похода на булгар.

Чем же мог быть обусловлен выбор названия *Новгород* для заложенного здесь в 1221 г. населенного пункта? Исходя из самого наименования, которое по воле Юрия Всеволодича было присвоено городу при его закладке, исследователи обычно полагают, что обозначение *Новгород* подразумевает «строительство города на новом, еще не обжитом месте» [2, с. 97]. Это мнение кажется вполне справедливым и должно быть принято. Однако заслуживает внимания и тот факт, что имя основанного Юрием «на усть Оки» города совпало с названием древнего севернорусского Новгорода на Волхове. В случайность данного обстоятельства поверить довольно трудно, но и дать ему какое-то рациональное объяснение затруднительно. Лишь в виде осторожного допущения можно предположить, не связано ли это с последствиями битвы на Липице в 1216 г., проигранной Юрием Всеволодичем и его

младшими братьями? Именно для Юрия поражение оказалось наиболее чувствительным, хотя не он, а действия его брата Ярослава вызвали поход на Владимирскую землю войск нескольких князей при определяющей роли новгородцев из Великого Новгорода. В результате поражения Юрий вынужден был уступить владимирский стол своему старшему брату Константину и отправиться на княжение в далекий *Городец*, то есть в унизительную ссылку. По-видимому, особенную досаду вызывало у Юрия деятельное участие новгородцев во владимиро-суздальских делах. Согласно данным Новгородской первой летописи, именно новгородцы посадили Константина на владимирское княжение: «И посадиша новгородци Костянтина в Володимири на столе отни. Костянтин же одари честью князи и новгородьци бещисла» [5, с. 56, 257]. Правда, уже в известиях за 1217 г. Лаврентьевская летопись упоминает о Юрии как о суздальском князе. Казалось бы, после унижений, которые Юрию Всеволодичу пришлось испытать после Липицкой битвы, о наречении *Новгородом* закладываемого рядом с устьем Оки города не могло быть и речи. Но следует учитывать, что Юрий мог рассуждать совершенно иначе: если древний и авторитетный Новгород на Волхове никогда не был в полной мере подвластен владимирским князьям, то почему не может именоваться *Новгородом* город, основанный владимирским князем «на усть Оки», нареченный им и подконтрольный ему? В этой связи можно вспомнить ростово-суздальского князя Юрия Долгорукого, приходившегося Юрию Всеволодичу дедом. Он, в частности, известен тем, что подчас копировал наименования южнорусских городов, когда присваивал имена новым городам, основывая их в своей земле. Как не без основания полагают, дорогие Юрию Долгорукому южнорусские названия и на северо-востоке ласкали ему слух. Возможно, из таких же соображений и его внук Юрий Всеволодич повторил имя северного Новгорода на Волхове в наименовании основанного рядом с устьем Оки города.

Можно высказать еще одно соображение. Нельзя исключать, что основание крепости при впадении Оки в Волгу было задумано гораздо раньше, чем осуществилось в реальности. Ведь в период развития Владимиро-Суздальского княжества и активной градостроительной деятельности на его территории место слияния Оки с Волгой еще с XII в. должно было считаться перспективным с этой точки зрения. В таком случае Юрий Всеволодич мог просто реализовать давний план своих предшественников на владимирском княжении.

В сохраненном Лаврентьевской летописью известии о закладке *Новгорода* в 1221 г. не содержится ясного указания на место его основания. Согласно летописи, город был заложен Юрием Всеволодичем

«на усть Оки», но имелось в виду место, на котором правый горный берег Оки смыкался с правым горным берегом Волги. Ввиду этого каких-либо пояснений относительно места закладки города трудно было бы ожидать по объективным причинам. По всей вероятности, перед владимирским летописцем, которому принадлежит первоначальное известие об основании *Новгорода* на слиянии Оки и Волги, даже не возникало вопроса, окским или волжским должен считаться заложенный Юрием город. Если древняя Лаврентьевская летопись донесла до нас сообщение о его закладке в первоначальном или близком к первоначальному виде, то в позднейшей летописной традиции оно могло подвергаться различным изменениям. Это связано с тем, что под пером позднейших летописцев записи о событиях далекого прошлого не только копировались, но по мере необходимости и редактировались при создании новых летописных сводов. В некоторых из них встречаются уточнения как раз по поводу места, на котором Юрий Всеволодич заложил *Новгород*. Например, в составе Летописного свода 1518 г. известие о закладке Юрием в 1221 г. *Новгорода* сопровождается уточнением: «на усть Оки, у Волги» [14, с. 206]. В тексте Тверского летописного сборника соответствующее известие уточняется словами: «на реце Оке» [6, стб. 334]. Таким образом, *Новгород*, основанный Юрием Всеволодичем, впоследствии мог рассматриваться либо как волжский, либо как окский город. Этот разнобой объясняется, безусловно, недостаточно определенным свидетельством первоначальной записи о месте закладки *Новгорода*. По мнению В.А. Кучкина, город, появившийся при владимирском князе Юрии Всеволодиче в месте слияния Оки с Волгой, должен считаться Новгородом на Оке [2, с. 97]. Разрешить возникший вопрос помогает другое свидетельство той же Лаврентьевской летописи. В ней под 1239 г. помещен некролог Юрию Всеволодичу, согласно которому одной из его особых заслуг было сооружение *Новгорода* на Волге в устье Оки: «Паче же Новьгород вторыи постави на Волзе усть Оки» [3, стб. 468]. Следовательно, местом закладки города считалась все-таки Волга, а указание «на усть Оки» должно было уточнять, где именно. Такой взгляд соответствует и славянскому продвижению в восточном направлении вниз по течению Волги. Очевидно, что в приведенном отрывке *Новгород* назван *вторым* относительно более древнего Новгорода на Волхове.

Основанный в 1221 г. на правом берегу Волги при впадении в нее Оки город именовался *Новгородом* в течение сравнительно длительного времени после своего возникновения. По словам В.А. Кучкина, он сохранял это название даже в грамотах Константинопольской патриархии конца XIV в. [2, с. 97]. Однако следует учитывать, что ис-

точники византийского происхождения не могли со всей достоверностью отражать явлений, связанных с изменениями в названии древнерусского населенного пункта. Во всяком случае и в конце XIV в. он мог оставаться для византийцев *Новгородом*, поскольку под таким именем мог фигурировать в имевшихся у них более ранних документах. Поэтому следует обратиться к источникам отечественного происхождения, в которых отражена, хотя и не во всех деталях, сложная и продолжительная история эволюции названия *Новгород* применительно к городу на слиянии Оки и Волги.

Для наблюдений прежде всего необходимо привлечь наиболее ранние памятники письменности, сохранившиеся в подлинниках или в достаточно ранних списках и проливающие свет на рассматриваемый вопрос. Как правило, это документы не старше первой половины XV в. Вот, например, отрывок из текста грамоты 1401–1402 гг.: «А что ся остало на Новегороде на Нижнем долгу старого ... а то ми, господине, тебе дати по выходу по розочту» [4, с. 44]. Из текста грамоты 1406–1407 гг.: «А даст бог сыну моему, князю Ивану, держати Новгород Нижнии... ино княгине моеи из Новагорода половина пошлин новгородских» [4, с. 56]. Из текста грамоты 1423 г.: «А сына своего, князя Василья, благословляю Новымгородом Нижним со всем... А из Новагорода княгине моеи половина пошлин моих всех. А что есмь еи подавал село в Новегороде или что ее примысл, а то еи и есть» [4, с. 61]. Из текста грамоты 1433 г.: «Благословение Ионы епископа... в Новгород в Нижнеи... в Печерский монастырь» [11, с. 332]. Из текста грамоты 1430-х гг.: «И тем людем всем монастырским не надобе никоторыи дела, ни пошлыны, ни Володимеря города рубити, ни Новагорода Нижнего» [11, с. 119]. Из текста грамоты 1448–1449 гг.: «А што будет у тебе ярлыков старых на Суждаль и на Новгород на Нижнеи... и тебе, князю Ивану, те ярлыки отдати мне, великому князю... А хотя которой царь ярлыки свои каковы даст на Новгород и на Суждаль... и тебе и те ярлыки все отдати мне, великому князю» [11, с. 156].

На основании данных, приведенных выше из древнерусских актов источников первой половины XV в., можно сделать такие выводы. При обозначении города на слиянии Оки и Волги в этих документах могло употребляться как первоначальное его название *Новгород*, так и начавшее распространяться наименование *Новгород Нижний*, в котором уточнение *Нижний* обычно находилось в постпозиции, то есть занимало положение непосредственно за словом *Новгород*. Скорее всего, это объясняется тем, что определение *Нижний* возникло позднее, а потому и присоединялось после главного слова *Новгород*. Оба названия (*Новгород* и *Новгород Нижний*) в первой половине XV в. были еще

достаточно обычны. Однако имеются признаки того, что название *Новгород Нижний* уже начинает доминировать: именно оно употребляется при первом упоминании города в том или ином конкретном документе, а при его последующих упоминаниях, если они имеются в тексте данного документа, определение *Нижний* может опускаться как подразумеваемое и привычное. Можно не сомневаться в том, что обозначение *Новгород Нижний* возникло гораздо раньше первой половины XV в. Однако соответствующие документы, в которых отразилось бы его зарождение и постепенное распространение, к сожалению, не сохранились, как и подавляющая часть древнерусских актовых источников. Дело еще и в том, что название *Новгород Нижний* как факт языка возникло несомненно в устной речи, а этот процесс не мог быть отражен никакими письменными источниками.

Необходимо также принять во внимание свидетельства памятников летописания, включающих известия о событиях XIV – середины XV в., когда город на слиянии Оки и Волги начинает все чаще фигурировать в летописных статьях. Следует только иметь в виду, что летописи сохранились почти исключительно в позднейших списках и могут отражать не первоначальные записи о событиях, а их позднейшие редакционные обработки. Это может касаться и названий, употребляемых по отношению к городу на Волге, расположенному близ устья Оки. Вот несколько примеров из летописных памятников. Из текста статьи 1340 г.: «Сына же его не бысть на провожении отца своего, бяше бо был в то время в Новегороде в Нижнем» [15, стб. 53]. Из текста статьи 1371 г.: «Того же лета в Новегороде в Нижнем у Святаго Спаса колокол болшии прозвонил сам о себе трижды. Того же лета князь Дмитрии Костянтинович заложи Новгород камен» [15, стб. 100]. Из текста статьи 1375 г.: «И поидоша... к Новугороду к Нижнему, и в Новегороде много же зло учиниша» [16, с. 449]. Из текста статьи 1377 г.: «И одолевше татарове... поидоша изгоном без вести к Нижнему Новугороду» [17, с. 193]. Из текста статьи 1388 г.: «И со всеми сими поидоша к Новугороду к Нижнему на своего дядю на князя Бориса, и придоша к Нов[у]городу... в великое говение» [15, стб. 154]. Из текста статьи 1406 г.: «Того же лета по Петрове дни в волости Нежного Новгорода бысть буря и вихорь страшен зело» [17, с. 234]. Из текста статьи 1410 г.: «Того же лета князь Данилеи Борисович, Нижняго Новгорода отчиць старьи, взя столный град Володимир» [5, с. 402]. Из текста статьи 1443 г.: «А татарове... поидоша к Мурому, оттоля к Новугороду к Нижнему... Того же лета... царь Махметь и з детми своими и со всею Ордою своею поидоша из Новгорода к Курмышу» [17, с. 263]. Из текста статьи 1445 г.: «И князь Василеи Ярославич... пришед бо сел в Но-

вегороде в Нежном старом... Царь же слышев то взвратися з бегом к Новгороду» [18, с. 32].

Наблюдения над летописными свидетельствами, относящимися к событиям XIV – середины XV вв., дополняют картину по части употреблявшихся тогда обозначений города, расположенного у впадения Оки в Волгу. Совершенно очевидно, что в памятниках летописания того времени, в отличие от актовых источников соответствующего периода, находилось в ходу не только его старое название *Новгород* и более новое *Новгород Нижний*, но также *Нижний Новгород*, в котором определение *Нижний* занимало препозитивное положение, то есть предшествовало слову *Новгород*. Возникновение обозначения *Нижний Новгород* указывает на его подчинение характерной для древнерусского языка тенденции помещать определение перед определяемым словом. Одновременно это свидетельствует также о том, что смысловой «центр тяжести» в наименовании *Нижний Новгород* смещался на определение *Нижний*, так как его начальное положение в составе обозначения позволяло быстрее уяснить, о каком городе идет речь. Характерно, однако, что если название *Нижний Новгород* употреблялось при первом упоминании города в той или иной летописной статье, то при его последующих упоминаниях в той же самой статье определение *Нижний* могло для краткости опускаться. Правда, название *Нижний Новгород* по употребительности тогда еще обычно уступало обозначению *Новгород Нижний*. Следует также обратить внимание на зафиксированные в летописных известиях рассматриваемого периода интересные факты, которые указывают на то, что распространявшееся в то время наименование *Нижний Новгород* не сопровождалось одновременным возникновением терминов *нижегородец* и *нижегородский*. Вместо них первоначально употреблялись громоздкие словосочетания. Вот примеры. Из текста статьи 1372 г.: «Того же лета новгородци Нижняго Новагорода побиша послов Мамаевых» [15, стб. 106]. Из текста статьи 1411 г.: «Сташа же на костех князи новгородьскии Нижняго Новагорода» [15, стб. 186]. Употребление подобных неуклюжих выражений для передачи понятий «нижегородец» или «нижегородский» свидетельствует о том, что название *Нижний Новгород* в то время, хотя и было возможным, еще не стало достаточно привычным.

Давно стало ясно, что определение *Нижний* начали когда-то употреблять после слова *Новгород*, а позднее и перед ним с тем чтобы в документах или в летописных текстах *Новгород* на Волге нельзя было перепутать с Новгородом на Волхове, иначе Великим Новгородом. По словам В.А. Кучкина, *Новгород* при впадении Оки в Волгу начал называться *Нижним* «с 40–50-х гг. XIV в., когда стал важным полити-

ческим и экономическим центром — столицей крупного Нижегородского княжества на Востоке русских земель» [2, с. 97]. Однако едва ли стоит возникновение определения *Нижний* ставить в прямую зависимость от возрастания политической и экономической роли *Новгорода*, основанного на слиянии Оки и Волги. Ведь и без этого возникала необходимость дифференцировать *Новгород* на Волге и Новгород на Волхове. Поэтому нельзя исключать, что название *Новгород Нижний* возникло в более ранний период, чем представлялось В.А. Кучкину.

Должен быть также поставлен вопрос и о том, на какой территории обозначение *Новгород Нижний* зародилось изначально. Можно лишь предположить, что это должно было произойти там, где при каких-то обстоятельствах необходимость различать *Новгород Нижний* и Новгород на Волхове приобрела особую остроту.

Большой интерес вызывает и вопрос о том, почему *Новгород* на Волге стал называться *Нижним*, а не как-то иначе. Здесь нет необходимости рассматривать давно отвергнутую наукой гипотезу, исходящую из его расположения ниже так называемого Старого городка на Оке и не очень доказательное мнение о его нахождении на Волге ниже возникшего несколькими десятилетиями раньше *Городца Радилова*.

Давно высказана и получила широкое распространение точка зрения, согласно которой *Новгород* стал называться *Нижним*, поскольку находился в Низовской земле. Так в древности на Руси именовали Московскую, Владимиро-Суздальскую, Нижегородскую и некоторые другие земли в северо-восточной части Руси, лежащие к юго-востоку от Русского Севера. Недавно это, самоочевидное, на первый взгляд, мнение напомнил В.А. Кучкин [2, с. 97]. Однако оно нуждается в уточнении, поскольку неясно, почему от обозначения Низовская земля произошло наименование не Новгород Низовский, а *Новгород Нижний*. Разобраться в этом помогают данные древнерусских летописей. Так, в Ипатьевской летописи под 1147 г. территория Смоленского княжества названа Верхней землей [19, стб. 359]. И это объясняется несомненно тем, что Смоленск с принадлежащими к нему областями находится на верхнеднепровских землях. Следовательно, территории, расположенные ниже по течению Днепра, должны были считаться Нижней землей. В известиях Иоасафовской летописи и Московского летописного свода конца XV в. за 1471 г. по отношению к верхнекамским областям употребляется название Верхняя земля, а территории, расположенные на Каме ниже, именуются Нижней землей [18, с. 79–80; 17, с. 296]. С учетом этих данных вполне можно допустить, что обозначение *Новгород Нижний* произошло все-таки от названия Нижняя земля, а не Низовская земля, поскольку город располагается на

Волге гораздо ниже прочих верхневолжских областей. Какую-то роль могло сыграть и то обстоятельство, что *Новгород* оставался самым нижним на Волге русским городом до тех пор, пока в 1523 г., то есть через 300 лет после возникновения *Нижнего Новгорода*, не был основан Васильсурск. Кстати говоря, эти соображения практически исключают зависимость между названием *Новгород Нижний* и расположением города на Волге ниже *Городца Радилова*: *Новгород* стал именоваться *Нижним*, скорее всего, по отношению ко всем русским городам, расположенным на Волге выше.

С возникновением названий *Новгород Нижний*, а затем и *Нижний Новгород* история обозначений *Новгорода* при впадении Оки в Волгу отнюдь не завершилась. Об этом свидетельствуют актовые и летописные источники второй половины XV–XVI в.

Для наблюдений в первую очередь должны быть привлечены подлинники документов актового характера соответствующего периода или их не слишком поздние списки. Вот показания такого рода источников. Из текста грамоты 1478 г.: «Се аз Геронтеи, митрополит всеа Руси, пожаловал есм[ь] архимандрита Сергеа своих монастырей: Благовещенского в Новегороде в Нижнем и Костянтино-Еленского в Володимери» [20, с. 181]. Из текста грамоты 1481–1482 гг.: «Лета девять десятого. Книги ключа Новагорода Нижняго писма Федора Киселева» [20, с. 207]. Из текста грамоты 1496 г.: «Что у них церковь Святого Василия Кесареискаго... в десятине Нижнего Новагорода» [21, с. 527]. Из текста грамоты 1500 г.: «Божиею милостию се яз смиреннии Симон, митрополит всеа Руси, пожаловал есмь Богородицкого Кузмина монастыря игумена Протасья и его братью... ослободил есмь им церковные... и свои митропольские воды ловити в Нижнем Новегороде» [20, с. 207]. Из текста грамоты 1538 г.: «От великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии в Новгород в Нижнои... Пожаловал есмя Троецкого Сергеева монастыря игумена Иасафа з братею... в Новгороде в Нижном рыбною ловлею на Волге... Да в Новегороде на посаде дали есмя им место на двор» [22, с. 11–12]. Из текста грамоты 1548 г.: «От царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии в Нижней Новгород Семену Дмитреевичу Пешкову Сабурову... да ключником нашим Федору Апраксину да Ивану Веревкину, или хто по вас в Нижнем Новегороде иные наши воеводы... и ключники будут» [23, с. 100]. Из текста грамоты 1561 г.: «От царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии в Нижней Новгород откупным таможником Михалку Карпову... с товарищи или по вас в Нижнем Новегороде иные таможники на вере или в откупу будут. Бил нам челом богомолец наш Троицкого Сергиева монастыря архимандрит Елфереи з братею, а сказывает, что де у них была

наша грамота от таможников и ото всяких пошлинников... и та де у них наша грамота утерялас[ь], и ныне де их монастырским старцам и слугам приходит в судех в Новгород в Нижней и на Низ ходити в Казан и на Свягу... не по чему... И в лете 7060 пятом году в книгах написано: дана грамота в Нижнии Новгород... по челобитю... прежнего троецкого игумена Иосафа з братаю. Учнут монастырские старцы и слуги приежжати в Нижней Новгород и на Низ в судах... и с тех их монастырских старцов и с слуг... таможенных и иных никоторых пошлин имати не велели никоторыми делы... А учнут те их монастырские старцы и слуги в Нижнем Новегороде товар какои ни буди или рыбу продават[и], и вы бы... таможенные пошлины имали по тому же, как с торговых людей». Запись на обороте данной грамоты: «В Нижнем з запасов тамги не платит» [22, с. 20–21]. Из текста грамоты 1595 г.: «От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в Нижней Новгород воеводе нашему Левонтию Ивановичу Аксакову да дьяку нашему Ивашке Шарапову. Бил нам челом новокрещен Захареи Федоров... и за ним деи поместья в Нижнем 16 чети» [12, с. 83].

Вышеприведенные текстовые фрагменты из актовых источников второй половины XV–XVI в. позволяют сделать следующие заключения. При обозначении *Новгорода*, расположенного на слиянии Оки и Волги, название *Новгород Нижний* по употребительности начало заметно уступать названию *Нижний Новгород*, а название просто *Новгород* становится довольно редким. В то же время начинает изредка встречаться обозначение *Нижний*, а это указывает на постепенное превращение названия *Нижний Новгород* в привычное обозначение. Если в более раннее время в названии *Новгород Нижний* при определенных условиях могло опускаться уточнение *Нижний*, то теперь в обозначении *Нижний Новгород* при определенных условиях могло опускаться слово *Новгород*. Следует обратить внимание на еще одно показательное явление. Актовые источники фиксируют употребление слова *нижегородец* только со второй половины XVI в. Вот примеры. Из текста грамоты 1575 г.: «И деи на тот свои монастырской двор призвали иных крестьян нижегородцов для монастырского промыслу» [22, с. 56]. Из текста грамоты 1595 г.: «Бил нам челом нижегородец сын боярской Семейка Ефимов сын Девятого» [12, с. 92]. Это тоже можно считать показателем привычности обозначения *Нижний Новгород*. Разумеется, отмеченное явление зарождалось в устной речи, а затем распространилось и в письменности.

Теперь необходимо обратиться к летописным известиям за вторую половину XV–XVI в., отраженным в сохранившихся памятниках летописания. Вот ряд примеров. Из текста статьи 1468 г.: «А князь ве-

лики[и] розослал по городом заставы, в Муром и в Новгород Нижнеи» [17, с. 279]. Из текста статьи 1535 г.: «Тое же зимы приходили татаровя казанские к Нижнему Новгороду и на Балахну» [24, с. 170]. Из текста статьи 1547 г.: «И поиде царь... из Володимеря... и прииде в Нижнеи Новгород, а из Новагорода поиде на своего недруга... и начевал на Ельне, от Нижнево Новагорода 15 верст» [24, с. 183–184]. Из текста статьи 1552 г.: «Того же дни государь пошел Волгою к Василию городу и к Новугороду к Нижнему, и пригреб государь в Нижнеи Новгород» [25, с. 111]. Из текста статьи 1561 г.: «Много множество разыдеся людеи из Можанска и из Волока на Рязань и в Мещеру, и... в Нижнеи Новгород» [26, с. 291]. Из текста статьи 1569 г.: «Положил князь велики[и] гнев свои на брата своего... и посла его на службу в Нижнеи» [24, с. 191]. Из текста статьи 1597 г.: «Лета 7105-го году в Нижнем Новегороде, в Печерском монастыре, бысть потресение монастырю» [27, с. 146].

Летописные известия за вторую половину XV–XVI в. свидетельствуют о том, что при обозначении *Новгорода* на слиянии Оки и Волги возрастает употребительность наименования *Нижний Новгород*, а использование названий *Новгород Нижний* и просто *Новгород* сокращается. Кроме того, начинается употребление названия *Нижний*. Этот вывод подтверждает результаты наблюдений, полученные на материале актовых документов того же периода.

Для наблюдений должны быть привлечены также источники XVII в., причем как акты, так и делопроизводственные. Вот примеры. Из текста грамоты 1618 г.: «А будет вы к государю к Москве не пойдете, и вы б шли все на государеву службу к нам в Нижней, а как в Нижней придете, и по государеву указу учнем мы вам государево денежное жалованье и корм давати» [13, с. 50]. Из текста грамоты 1622 г.: «Ставитися ему, Ивану, за нашу порукою в Нижнем Новегороде у судные избы... и из Нижнево ему не съехати» [13, с. 62]. Из текста грамоты 1631 г.: «И вели, государь, мне, холопу твоему, дать в Нижней свою государеву грамоту, чтоб мне, холопу твоему, в Нижнем из твоих государевых изо всяких доходов деньги дали» [13, с. 77–78]. Из текста грамоты 1644 г.: «В нынешнем в 153-м году по государеву указу послан из Нижнево Новагорода... таможенной целовальник» [13, с. 92]. Из текста грамоты 1654 г.: «И в Нижнем, государь, Новегороде... около города заставы учинены... и от Москвы в Нижней и от Нижнего к Москве никого пропускать мы, холопы твои, не велели» [13, с. 122]. Из текста грамоты 1661 г.: «От царя и великого князя Алексея Михайловича... в Нижней стольнику нашему и воеводе князю Ондрею Михайловичу Сонцову Засекину» [13, с. 151]. Из текста грамоты 1671 г.: «А мы, богомольцы твои... из обители ночью убегли лесами в Нижней

Новгород» [13, с. 210]. Из текста грамоты 1679 г.: «А в той де их воровской челобитной было написано: как де он, вор Стенька, будет под Нижней Новгород, и им де было город здать и воровать заодно с ним, Стенькою» [13, с. 237]. Из текста грамоты 1693 г.: «В Нижнем, государь, Новегороде каменной город, башни и стены, и своды, и каменные мосты во многих местех обрушились и осыпались» [13, с. 266].

Вышеприведенные данные из документов XVII в. показывают, что в это время, как и следовало ожидать, для обозначения *Новгорода* при впадении Оки в Волгу употребляются только два наименования: *Нижний Новгород* и *Нижний*. Таким образом, тенденция, явственно обозначившаяся в предшествующий период, получила логическое завершение. Следует обратить внимание на тот факт, что теперь название *Нижний* могло употребляться в тексте документа даже при первом упоминании города. Как показывают подсчеты, наименование *Нижний* в документах XVII в. по употребительности ничуть не уступало наименованию *Нижний Новгород*. Это объясняется тем, что название *Нижний* стало тогда не только привычным, но к тому же было и самым кратким. Однако данное обстоятельство не могло, конечно, привести к вытеснению названия *Нижний Новгород*, преимущество которого заключалось в его полноте и официальности. Вместе с тем нельзя не отметить, что в одном документе начала XVII в. отражено, как отголосок древности, единичное употребление слова *новгородский* в значении *нижегородский*: «А емлет протопоп... тот хлеб и соль... у нижегородских у приказных людей, а рубль ружной протопоп емлет... у таможников у новгородских по грамоте» [13, с. 41].

Для наблюдений над летописными и другими повествовательными источниками XVII в. более всего подходят те их разделы, которые посвящены событиям того времени. Вот факты. Из текста 280-й главы Нового летописца: «Бысть в Нижнем Новегороде мужу, именем Григорью, и спящу ему на одре своем, и виде он видение страшное» [28, с. 115]. Из текста Рукописи Филарета: «В то же время муж некий в Нижнем Новегороде убогою куплею питаетца, сиречь продавец мясу и рыбы в требование людем, имя ему Козма, сын Минин» [29, с. 407]. Из текста 283-й главы Нового летописца: «Они же ко князю Дмитрею приидоша и биша ему челом, чтоб в Нижней шол, не мешкая. Он же поиде в Нижней... а смольяном повеле итти в Нижней» [28, с. 117]. Из списка Хронографа по списку Столярова: «И в 120 году в осень... пошли из Арзамаса в Нижней Новъгород, а из Нижнево Новагорода посацкие люди к ним присылали, чтоб к ним в Нижней пришли» [30, с. 353]. Из текста статьи 1618–1619 гг.: «В том же году в Нижней Новгород пришел боярин князь Борис Михайлович Лыков для разбору и

верстанья... и в Нижнем острог и башни вновь поставил и выкопал ров» [10, с. 158]. Из текста статьи 1634 г.: «Прислан в Нижней Новгороде в сылку боярин князь Семен Васильевич Прозоровской з женою и з детми, и был в Нижнем недолгое время» [10, с. 159]. Из текста статьи 1653 г.: «Того же году в Нижнем Новгороде был Борис Григорьев сын Теряев для татиных и разбойных дел и тюремных сидельцов, указ чинить по вине их. Которые довелис казнити, с тех имал посул... И в том на него, Бориса, довод был... Отсекли ему, Борису, голову в Нижнем. А после... приехал в Нижней Михайла Петрович для татиных и разбойных дел» [10, с. 161]. Из текста статьи 1672 г.: «Того же году в Нижнем Новгороде хлеб был дорог, четверть купили по рублю» [10, с. 165]. Из текста статьи 1685 г.: «Ноября в 29 день пришел в Нижнии Новгород меретинской царевич с царицею и з детми. И присланы ему с Москвы в Нижней царские кореты... А в Нижнем он был две недели, а из Нижняго пошел к Москве сухим путем» [10, с. 167]. В некоторых повествовательных источниках XVII в., посвященных событиям Смутного времени, город, возникший в месте слияния Оки с Волгой, именуется не только *Нижним*, но и *великим*. Вот факты. Из текста Повести князя И.М. Катырева-Ростовского: «Той же Козма, слышав о нем, посылает послов своих и молит его, дабы ехал в великий Новград Нижней» [31, с. 613]. Из текста Рукописи Филарета: «Той ж Козма, слышав об нем, и посылает послов своих и молит его, дабы ехал в великий Нижний Новград» [29, с. 407]. Не может быть никаких сомнений в том, что здесь определение *великий* по отношению к *Нижнему Новгороду* употреблено в знак преклонения перед деятелями Нижегородского ополчения 1611–1612 гг., то есть слово *великий* невозможно рассматривать как часть названия города.

Данные, полученные на материале летописных и других повествовательных источников XVII в., полностью соответствуют результатам наблюдений над актовными и делопроизводственными документами того же периода. В обеих группах источников город, находящийся при впадении Оки в Волгу, почти всегда именуется либо *Нижним Новгородом*, либо просто *Нижним*, причем оба названия близки по употребительности.

Как известно, такое положение сохранялось до переименования *Нижнего Новгорода* в *Горький* в 1932 г. Впрочем, и после этого привычные названия *Нижний Новгород* и *Нижний* по вполне понятным причинам довольно долго были в ходу у населения СССР, особенно при устном общении. Точно так же с возвращением *Горькому* в 1990 г. его исторического наименования *Нижний Новгород* жители страны, в особенности представители старшего поколения, отнюдь не сразу пе-

рестали употреблять название *Горький*. Однако к настоящему времени обозначения *Нижний Новгород* и *Нижний* вновь стали привычными и ныне употребляются большинством населения России.

Источники и литература

1. *Русинов В.Н.* Древнерусский город «Клещин»: историческая реальность или историографическая фикция? // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы: сб. науч. трудов. Н. Новгород, 2014.

2. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

3. Летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Изд. 2-е. Т. I. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Пг., 1927 (репринт: М., 1962; М., 1997).

4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. –Л., 1950.

5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. –Л., 1950.

6. Тверской летописный сборник // ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863 (репринт: М., 2000).

7. *Пудалов Б.М.* Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Н. Новгород, 2003.

8. *Русинов Н.Д.* Этимологические заметки по русской лексике // Лексика, терминология, стили: Межвуз. науч. сб. Вып. 2. Горький, 1973.

9. Русская ономастика и ономастика России. Словарь. М., 1994.

10. *Шайдакова М.Я.* Нижегородские летописные памятники XVII в. Н. Новгород, 2006.

11. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М., 1964.

12. *Антилогов Г.Н.* Нижегородские документы XVI в. М., 1977.

13. Н. Новгород в XVII в.: Сборник документов. Горький, 1961.

14. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. XXVIII. М. –Л., 1963.

15. Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. Изд. 2-е. Вып. 1. Пг., 1922 (репринт: М., 2000).

16. Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2000.

17. Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. XXV. М. –Л., 1949.
18. Иоасафовская летопись. М., 1957.
19. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Изд. 2-е. Т. II. СПб., 1908 (репринт: М., 1962; М., 1998).
20. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. I. М., 1951.
21. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. II. М., 1958.
22. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (далее – НГУАК). Т. XIV. Отдел III. Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып.3. Н. Новгород, 1913.
23. Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506 – 1613 гг.). Л., 1983.
24. Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978.
25. Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 1965.
26. Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 1965.
27. Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. XXXI. М., 1968.
28. Новый летописец // ПСРЛ. Т. XIV. СПб., 1910 (репринт: М., 1965).
29. Действия НГУАК. Т. XI. Памятники истории нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611–1612 гг. Н. Новгород, 1912.
30. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал А. Попов. М., 1869.
31. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т.13. СПб., 1891.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ, ПРОФЕССИИ И НИЖЕГОРОДСКОМ ДОМЕ КУЗЬМЫ МИНИНА

Ф.А. Селезнев

О жизни Кузьмы Минина до 1611 г. нам известно очень мало. Историки по крупицам собирают сведения, которые могут пролить свет на этот период биографии народного героя. Где родился Минин? Кто были его отец и мать? Документально подтвержденных ответов на эти вопросы все еще нет.

Достоверные сведения о родне создателя Нижегородского ополчения нам дают синодики – церковные собрания записей для поминовения усопших. Каждая такая запись имеет заголовок: «род такого-то». Род «Козмы Минича» вписан в синодик Нижегородского Вознесенско-го Печерского монастыря (хранится в Центральном архиве Нижегородской области) и Спасо-Преображенского собора в Нижнем Новгороде (находится в отделе редких книг и рукописей Нижегородской областной научной библиотеки). А.Я. Садовскому в свое время удалось скопировать запись о роде Нефеда Минина (сына героя) из списка XVIII в. с исчезнувшего синодика Михайло-Архангельского собора Нижегородского кремля. Род Нефеда был помещен и в синодик Успенского собора Московского кремля. Это недавно выяснил В.Б. Перхавко: он обнаружил соответствующие записи в двух списках Успенского синодика.

Запись появлялась в синодике, когда кто-либо делал в храм вклад в виде каких-то ценностей, чтобы во время церковной службы поминали его усопших родственников. Точно известно имя одного вкладчика, поминавшего Кузьму Минина. Это его вдова Татьяна. Она «по душе его и по родителям его» передала после 1635 г. в Спасо-Преображенский собор «на вечное поминовение» лавку в Большом Шапочном ряду нижегородского торга. Эту запись о роде «думного дворянина Космы Минича» в синодике Спасо-Преображенского собора открывает имя «Косма». Далее назван инок Мисаил. Первое женское имя в данном списке – Домника [1, л. 74 – 74 об].

Перечень родных «Козмы Минича» в синодике Печерского монастыря начинается с имен инока Мисаила и Домникеи [2, с. 539]. Запись о роде «Нефодия Минина» из синодика Михайло-Архангельского собора открывается именем «схимонаха Мисаила». Первое женское имя здесь также Домника [3, с. 13]. Имя «Мисаил» присутствует и в записи о роде «Нефеда Козмина сына Минина» в списках с Успенского синодика [4, с. 320].

А.Я. Садовский предположил, что Мисаил – это монашеское имя Мины, отца Кузьмы (поскольку при постриге выбиралось имя, начинающееся с той же буквы, что и мирское), а Домникеей звали его мать [3, с. 13–14; 5, с. 21]. Никаких следов пребывания Мины и Домникеи в Нижнем Новгороде нет. Поэтому А.Я. Садовский поставил вопрос: кто был Минин – «коренной нижегородец, балахонец или даже новгородец, как думали некоторые» [5, с. 21]. Под «некоторыми» маститый краевед имел в виду своего предшественника Н.И. Храмцовского. В своей книге тот написал, что по преданию Минин с отцом пришел в Нижний из Великого Новгорода, в возрасте 12 лет [6, с. 101].

Разбирать новгородскую версию А.Я. Садовский не стал. Вероятно, она выглядела в его глазах недоуверенной. А вот над балахнинским вариантом всерьез размышлял. Ведь в этом городе люди, звавшиеся Миниными, согласно документам, жили с XVII в. Легенда о балахнинском происхождении Кузьмы Минина была известна еще П.И. Мельникову. Но тот ей не доверял. В 1850 г. П.И. Мельников писал: «В Балахне утверждают, что Козьма Минин был Балахонец и что потомки его родственников до сих пор существуют в этом городе, как фамилии Мининых. Об этом несколько раз говорили и печатно. Но все это несправедливо» [7, с. 43]. Позиция Мельникова объясняется его убежденностью в том, что родовой дом Минина был в Нижнем Новгороде. Однако Садовский, в отличие от первого нижегородского краеведа, возможностью происхождения Минина из Балахны не пренебрегал. В 1913 г. под редакцией А.Я. Садовского вышла Писцовая книга города Балахны 1674–1676 годов. Все Минины выделены в ее тексте курсивом [8].

Первым уверенно назвал создателя Нижегородского ополчения балахнинцем Д.Н. Смирнов, чье легкое перо пробудило интерес к истории родного края не у одного поколения нижегородцев. В разгар Великой Отечественной войны в Горьком вышел сборник «Великое дело Минина и Пожарского». Биографический очерк о Минине в книге принадлежал Д.Н. Смирнову. Легендарный краевед написал: «Многочисленные в городах Нижнем Новгороде и Балахне устные предания утверждают: отец Кузьмы Минина Мина Сухорукий был уроженец города Балахны» [9, с. 42].

Двадцать лет спустя (в 1965 г.) другой выдающийся историк-краевед И.А. Кирьянов сравнил имена Мининых из Писцовой книги Балахны и из синодиков. Обнаружилось два совпадения – Григорий и Михаил. Их Кирьянову показалось достаточно для вывода о связи «сведений о семействе балахнинских Мининых с имеющимися данными о Кузьме Минине и его роде». Родоначальника балахнинских Мининых, богатого солепромышленника Мину Анкудинова, И.А. Кирьянов на этом основании определил в качестве вероятного отца Кузьмы Минина [10, с.144–146].

Кирьянова в 1973 г. поддержал авторитетный московский историк В.А. Кучкин [11, с. 209]. Позднее к ним присоединились известнейший исследователь Смуты Р.Г. Скрынников [12, с.7] и нижегородские историки Н.Ф. Филатов [13, с. 24] и В.П. Макарихин [14, с. 7]. Но недавно Б.М. Пудалов усомнился в происхождении Кузьмы Минина из Балахны. Первый из его основных доводов таков: из двадцати одного мужского имени в поминальной записи Нефедя Минина в Михайло-Архангельском синодике соответствие с именами балахнинских Ми-

ниных обнаруживают лишь три (Григорий, Михаил, Иван). Они очень распространены в России, поэтому делать какие-либо выводы на основе этого совпадения некорректно [15, с. 187]. Этот аргумент разумен и, конечно, должен быть принят.

Менее убедителен второй довод Б.М. Пудалова. Суть его в том, что отъезд такого платежеспособного налогоплательщика как Мина Анкудинов в Нижний неминуемо бы вызвал протесты посадской общины Балахны и «длительную тяжбу, сопровождаемую обширной перепиской». Между тем ее следов нет – значит, не было и переезда Мины Анкудинова [15, с. 188]. Однако предположим, что Мина уехал в Нижний, чтобы там принять монашеский постриг. Тогда его имущество и налоговая нагрузка перешли бы к его наследникам, оставшимся в Балахне. Соответственно и повода для протестов в отношении отъезда Мины из Балахны у местного посадского мира не имелось бы. А ведь уход отца Кузьмы Минина в монастырь является фактом. Поэтому второй аргумент Б.М. Пудалова недостаточно весом.

Ну а ссылка названного автора на авторитет «видного московского историка В.И. Буганова» просто вводит читателя в заблуждение. Б.М. Пудалов уверяет, что Буганов к балахнинской версии «отнесся с сомнением, сочтя не недоказанной» [15, с.193–194]. А на самом деле В.И. Буганов был уверен: «Минины были родом из Балахны». С некоторой настороженностью (и то не выраженной прямо) московский историк отнесся лишь к тому, что фамилия купцов Мининых, живших в Балахне в XIX в. происходила от одного из братьев Кузьмы Минина [16, с. 94, 102]. Но это уже совсем другой вопрос, не имеющий отношения к биографии руководителя народного ополчения.

В целом общий вывод Б.М. Пудалова (версия о происхождении Кузьмы Минина из Балахны или о балахнинских корнях его рода «остаётся недоказанной, а потому не может быть принята даже как гипотеза» [15, с. 188]) представляется излишне категоричным. Более приемлема позиция С.В. Сироткина: известные «на сегодняшний день источники не позволяют разделить точку зрения ряда историков о родстве семьи Кузьмы Минина и его якобы “братьев” – балахонцев Федора и Ивана Мининых», детей Мины Анкудинова [17, с. 148].

С.В. Сироткин – автор солидного исследования о роде Мины Анкудинова. Оно опирается на близкие ко времени жизни создателя Нижегородского ополчения источники. В том числе список с Дозорной книги Тимофея Исканского и подьячего Семена Копылова 1617/1618 гг. и список с Писцовых книг Балахны писцов Захария Быкова и подьячего Дружины Скирина 1628 года. Там, как и в других, привлеченных

С.В. Сироткиным документах, нет никаких упоминаний о родстве детей Мины Анкудинова с Кузьмой Мининым.

Вот скажем купчая 1602/1603 гг. на продажу 50 бадей рассола в соляной трубе Каменке Большой. Продавцами выступают вдова Мины Анкудинова, Матрена, и ее сыновья Федор и Иван. «При этом имя предполагаемого старшего сына и брата Кузьмы отсутствует», – пишет С.В. Сироткин [17, с. 147].

Впрочем, ниоткуда не следует, что Кузьма был старшим сыном Мины. Вполне он мог быть и младшим. И не получить долю наследства в этой соляной трубе. А вот обнаружение С.В. Сироткиным имени жены Мины Анкудинова – Матрены, то есть предполагаемой матери Кузьмы Минина – это действительно важное открытие, по сути разрушающее концепцию И.А. Кирьянова. В поминальной записи Минина имени Матрена нет. А, если бы Кузьма был сыном Мины Анкудинова, оно бы там присутствовало обязательно.

Впрочем, это не означает, что отец Минина не мог быть балахнинцем. В Балахне, на месте современного Дома культуры НИГРЭС, когда-то стояла каменная Благовещенская церковь, построенная в XVIII в. купцом Я.П. Латухиным. Ей в XVI–XVII столетиях предшествовал Ильинский храм с приделом святого Мины [18, с. 444]. Поэтому в XVI–XVII вв. имя названного великомученика в этом городе было достаточно распространено. С.В. Сироткин называет четырех людей, имевших отца с указанным именем и живших в Балахне в начале XVII века. Это Ларион Минин сын Соколов, Гавриил и Антон Минины дети Редозубовы, священник Маркел Минин [17, с. 139].

Нельзя исключить, что кто-то из этих людей приходился братом народному герою. Если бы удалось выяснить, что у кого-то из них мать звали Домникея, то можно было бы говорить об этом с уверенностью. В остальном сравнение имен в синодиках и балахнинских делопроизводственных документах мало что может нам дать. Родственники Минина, значащиеся в синодиках как «убиенные» (надо думать в годы Смуты, когда Балахна несколько раз захватывалась врагами) или умершие в младенчестве наверняка не попали в Писцовые книги, составлявшиеся после Смуты. И, наоборот, родные народного героя, указанные в Писцовых книгах, на момент составления синодиков, могли быть еще живы, и мы напрасно будем искать там их имена. К тому же, вовсе необязательно вдова Минина стала бы вписывать в поминальную запись всех своих деверей, а тем более их детей.

Больше результатов может дать изучение Писцовых книг в плане поиска балахнинских связей Дмитрия Пожарского. Известно, что в 1620-е – 1630-е гг. князь имел деловые интересы в местном соляном

промысле. И если в Балахне жила родня Минина, то, конечно, его легендарный соратник, прежде всего, должен был соприкоснуться с близкими людьми своего боевого друга.

С этой точки зрения большой интерес представляет балахнинское семейство Мины Редозубова. С его детьми, Гавриилом и Антоном Миниными, Пожарский являлся совладельцем рассола, поднимаемого из соляных труб Андреевской и Лукинской (Лунитской) [8, с. 138–139, 145; 19, с. 61]. Предполагаемая племянница Гавриила и Антона, Федосья Михайлова дочь Редозубова тоже имела здесь долю, причем в Балахнинской писцовой книге она названа крестьянкой вотчины «боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского» [8, с. 139]. Еще одна показательная деталь: упомянутый выше Антон Минин сын Редозубов (по нашему предположению брат Кузьмы Минина) назвал своего сына Кузьмой [8, с. 145].

По мнению краеведа И.А. Макарова, изучавшего историю этого рода, скорее всего «значально Редозубовы были крепостными Троице-Сергиевой лавры» [19, с. 532]. Это вполне возможно. Обитель святого Сергия имела немало владений в прилегающих к Балахне и Нижнему Новгороду местах. Как сообщает Макаров, в первой половине XVIII в. Андрей Семенов сын Редозубов, женившись на дочери нижегородца, перебрался из Балахны в Нижний Новгород, где торговал мясом и шкурами [19, с. 533]. Похоже, за сто лет до этого та же история произошла с Кузьмой Мининим. Попробуем, опираясь на данные доступных источников представить, как это могло быть.

Начнем с того, что, в конце XVI в. в Балахне жил бывший крестьянин Троице-Сергиева монастыря, солепромышленник Мина Редозубов. Супругу его звали Домникея. У них родилось много детей. Старшие – Гавриил, Антон, Никита, Феофан – останутся в Балахне. Этот ряд сыновей Мины выведен нами из Писцовой книги Балахны. Младшим – Кузьме, Софье, Дарье, Бессону, Сергею – будет суждено оставить родной город.

Наличие у Минина сестры Софьи открыл С.В. Сироткин. Она надолго пережила своего знаменитого брата и в 1654 г. являлась старицей Московского Зачатьевского женского монастыря. Ее мирское имя неизвестно. Сергей упоминается в поминальных записях рода Мининых и в связанных с ним документах. Бессон Минин по косвенным признакам тоже относится историками к братьям Кузьмы. [17, с. 138]).

В 1838 г. историк Н.А. Полевой опубликовал выписку из письма служителя Московского главного архива Коллегии иностранных дел Д.Н. Бантыш-Каменского, в котором тот сообщал своему старшему коллеге А.Ф. Малиновскому, что познакомился в Нижнем Новгороде с

Михаилом Подсевальщиковым – правнуком сестры Минина, Дарья [20, с. 28]. Д.Н. Бантыш-Каменский (1788–1850) живо интересовался историей Смуты. Письмо датировано 18 апреля 1807 года, а незадолго до этого молодой архивист опубликовал историческое сочинение «Россиянин при гробе патриарха Гермогена». Отвергать сведения Бантыш-Каменского у нас нет оснований. Поэтому можно допустить, что у Мины Редозубова была еще дочь Дарья Минична.

Среди многочисленных детей Мины один (Кузьма) имел врожденный телесный недостаток – сухорукость. Поэтому он получил прозвище «Сухорук». «Козма Минин, рекомый Сухорук» называет его такой авторитетный источник, как «Новый летописец» [21, с. 432]. Сведениям «Нового летописца» можно, безусловно, доверять, поскольку составители этого исторического труда черпали сведения у Д.М. Пожарского [22, с. 230; 23]. Если бы не сухорукость, то Кузьму Минина называли бы Кузьма Минин сын Редозубов. Но личное прозвище – Сухорук – вытеснило прозвище деда.

Р.Г. Скрынников относил время рождения Кузьмы Минина к третьей четверти XVI в., то есть ко времени с 1550 по 1575 г. [12, с. 326]. По обоснованным расчетам Б.М. Пудалова Минин «мог родиться в 1570-е гг.» [15, с. 189]. У него были младшие сестры – Дарья и та, что в иночестве получила имя Софья, а также братья Бессон и Сергей. Правда, нельзя, исключить, что Бессон и Сергей – это одно и то же лицо. Ведь на Руси помимо обиходного имени-прозвища (Бессон, Третьяк, Неждан и т.д.) у человека всегда было имя крестильное.

По нашему предположению Сергей был последним сыном Мины: при родах или вскоре после них Домникая скончалась. Это случилось, вероятно, около 1585–1590 годов. Потеря жены подвигла Мину Редозубова уйти в монастырь. Он принял постриг под именем Мисаил в одной из нижегородских монашеских обителей. Какой неизвестно. Не исключено, что в Вознесенском Печерском монастыре, в синодик которого был вписан род Кузьмы Минина. Но учитывая, какое большое значение имело для Кузьмы имя преподобного Сергия, вероятнее всего это был Сергиевский монастырь (ныне здесь находится церковь Сергия Радонежского).

Перед уходом в монахи Мина Редозубов разделил свое имущество между сыновьями. Старшие получили дом в Балахне и доли в соляных трубах. При них остались жить младшие братья и сестры, включая Кузьму. Повзрослев, Кузьма Минин начал помогать старшим братьям в делах. «Плач о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства в пользу и наказание послушающим» называет его «купец коровей» [24, с. 391]. Это значит,

что он закупал на сельских базарах коров. Приобретал Кузьма и телят. Потом он пригонял этот гурт в город: в Балахну или Нижний Новгород. Там коровы шли на убой, а телята нагуливались Мининым до нужного веса, а потом продавались или забивались. Мы можем это утверждать на основе данных Хронографа 1617 года, где написано, что Минин «художествомъ бяше преже говядарь» [25, с. 352]. О.В. Творогов переложил это на современный русский язык так: «занимался прежде торговлей скотом» [25, с. 353]. Указанный перевод глубокого знатока древнерусской литературы полностью соответствует точке зрения специалистов-филологов на значение слова «говядарь». Так в словаре русского языка XI–XVII вв., подготовленного учеными Института русского языка АН СССР, приводятся два его объяснения – пастух, пасущий крупный рогатый скот, и торговец скотом. Причем, в качестве примера второго значения, как раз указывается на фразу о Минине [26, с. 54]. По Далю говядарь – это «гуртовщик, прогонщик, нагульщик скота и скотопромышленник» [27, с. 342]. Гуртовщиком, прогонщиком называли хозяина или пастуха гурта – стада скота «в отгон, на продажу на убой». Нагульщик откармливал скот на подножном корму, пастьбой.

Забой скота происходил в животинных бойницах. В Нижнем Новгороде такое заведение находилось у мясного ряда и принадлежало Богдашке Сухорукову [28, стб. 199]. Оно обслуживало всех желающих. Поэтому самому колоть скот Минину не было необходимости. Он пригонял скот, потом забирал мясо после убоя и продавал его. «Имеяше торговлю мясную», – сообщает о нем «Новый летописец» [21, с. 432].

Из «Летописной книги» (1626 г.) мы узнаем, что Минин торговал не только мясом, но и рыбой. Автор-аристократ этого произведения, возможно, чтобы уколоть Нефеду Минина, причастного к придворной борьбе 1620-х гг., дал такую характеристику его отцу: «человек некий в Нижнем Новгороде убогою куплею питаюся, сиречь продавец мясу и рыбе в требания и в снесь людемъ, имя ему Кузма» [29, с. 414].

Люди, занимавшиеся одновременно продажей и мяса, и рыбы в XVIII–XIX вв. назывались прасолами. Согласно словарю Ожегова прасолы вели оптовую скупку «скота и разных припасов (обычно мяса и рыбы)» [30, с. 499]. Академический словарь 1847 г. сообщает: прасол – это «скупающий гуртом рыбу или мясо, и солящий их на продажу» [31, с. 423]. По Далю прасол – скупщик мяса и рыбы для соленья, «для розничной мелочной распродажи» [32, с. 310].

Понятие «прасол» происходит от слова «соль». С XII в. так называли торговцев солью, ездивших по разным местам. Постепенно,

некоторые из них в счет платы за соль стали принимать разные продукты и потом перепродавать их. Поэтому примерно с XVI в. это слово стало обозначать перекупщика сельскохозяйственной продукции вообще. Во времена Минина оно употреблялось с прилагательным, указывавшим на определенный вид товара, основной для данного торговца. В источниках XVI–XVII вв. упоминаются прасолы «мучные», «животинные», «хлебные». [33, с. 372]. Например, в Писцовой книге 1621–1622 гг. по Нижнему Новгороду записаны «соляные прасолы» и «рыбные прасолы» [28, стб. 116, 153].

Подобные словосочетания в начале XVII в. не были принадлежностью литературного языка. Поэтому, как мы видели, создатель Хронографа 1617 года, чтобы назвать первоначальное «художество» Минина использует церковнославянское слово «говядарь», а прочие авторы прибегают к описательным выражениям («купец коровой», «имеяше торговлю мясную», «продавец мясу и рыбе в требания и в снеть людемь»).

Иностранцу все эти тонкости понять было трудно. Для него продавец мяса представлялся мясником. Именно так назвал Минина польский дипломат Ян Гридич на переговорах с русскими послами в 1614 г.: («Кузьма Минин, мясник из Нижнего Новгорода») [34, с. 46].

Мясником стал видеться Минин и потомкам. Ведь «мясную торговлю», о которой писал автор «Нового летописца», можно было толковать и как продажу сырого мяса. Отсюда недалеко до логического умозаключения о том, что Минин был мясником. Указанный шаг сделал келарь Троице-Сергиевой лавры Симон Азарьин. Для этого незаурядного писателя было характерно стремление к осмыслению имеющихся в источниках сведений. Видимо, развивая показания «Нового летописца», в «Книге о новоявленных чудесах преподобного Сергия» (1654 г.) Азарьин написал про Минина: «ремеслом же мясник» [35, с. 479].

Что касается прямого свидетельства Хронографа 1617 года о том, что Минин был говядарем, то историки XIX–XXI вв. постепенно стали воспринимать это церковнославянство, как синоним слова «мясник». Так историк XIX в. Н.И. Костомаров еще чувствовал разницу между указанными понятиями. Он писал про Минина: «ремеслом он был “говядарь” (быть может, мясник, или, скорее – торговец скотиной)». [36, с. 722]. Но в XX–XXI вв. историки уже безоговорочно (прямо или по умолчанию) стали отождествлять говядаря с мясником.

Между тем это две разные профессии, характерные каждая для своего типа личности. Причем целый ряд поступков и деталей биогра-

фии Минина необъясним, если считать его мясником, и естественен для говядаря.

Как мог мясник, не имеющий опыта проведения денежных операций, так блестяще организовать финансовую сторону деятельности Ополчения, как это сделал Минин? Гораздо в большей степени это оказалось бы под силу перекупщику-говядарю.

Вспомним, как в августе 1612 года под Москвой Минин возглавил конную атаку на поляков. Мяснику негде и незачем было постигать искусство верховой езды. Другое дело ковбой-говядарь. Сопровождая гурт скота, он часами не слезал с седла. Род занятий неизбежно делал из него лихого наездника.

На беспокойных дорогах начала XVII в. говядаря везде подстерегала опасность. Этот труд был по плечу только смельчаку. Именно таким был Минин. «Смел дерзновением», – с уважением говорит о нем автор «Иного сказания» [37, с. 402]. Побывав во многих переделках, человек этой профессии приобретал хладнокровие и расчетливость. Эти качества в 1611–1612 гг. Минин проявил в полной мере. Как мужа «смыслом мудра» характеризует его «Хронограф 1617 года» [25, с. 352]. Но частые стрессы и нерегулярное питание, обычные при этом роде занятий, не прошли бесследно для здоровья Минина. Уже осенью 1611 года Кузьма стал чувствовать боль в животе: «всему чреву его изгнетену быти, и ходя, болезнуя чревом» [35, с. 479–480]. Судя по симптомам, у него образовалась язва двенадцатиперстной кишки или желудка.

Труд говядаря требовал большой эмоциональной отдачи. Чтобы заключить выгодную сделку, приходилось вести трудные переговоры, убеждать людей. Минин прекрасно умел это делать. Талант находить подход к каждому собеседнику позволил ему обзавестись полезными связями. Биограф Пожарского Ю.М. Эскин считает, что Минин был знаком со многими крупными и средними землевладельцами – «товарный скот могли поставлять только крупные хозяйства». «Не лишено вероятия», – полагает историк, что он «вел торговые дела» и с Д.М. Пожарским, крупным вотчинником соседних уездов. [38, с. 61]. Это было тем более, возможно, добавим мы, поскольку Пожарский владел двором в Нижнем Новгороде [28, стб. 64].

Разумеется, деловыми партнерами Минина были и нижегородские купцы. Один из них, по имени Семен, выдал за оборотистого говядаря свою дочь Татьяну. Очевидно, что тесть Кузьмы был богатым и влиятельным человеком. Иначе Минин, будучи приезжим, никогда не стал бы земским старостой. Это была очень важная для горожан должность. Земский староста вершил судебные дела в посадской среде и

осуществлял раскладку между плательщиками тягла – совокупности платежей и повинностей в пользу государства. Иначе говоря, он определял, сколько каждый обязан внести в казну. Спрашивало государство за сбор налогов тоже с земского старосты. В случае недостачи, он отвечал своим имуществом. Если же староста оказывался неплатежеспособен, расплачиваться приходилось его помощникам-поручителям – земским целовальникам. А если бы и они не набрали нужную сумму, то туго пришлось бы всей посадской общине. Поэтому посадские люди всегда были очень внимательны при выборах земского старосты. Ошибка могла дорого обойтись каждому избираемому.

Как правило, на должность земского старосты выдвигали богатого купца, обладателя большой недвижимости. Но многие из них неохотно брались за эту хлопотную службу. Она была неоплачиваемой, а сил и времени отнимало много. Иногда выбранный на подобную должность человек просил общину разрешить ему передать отправленные службы своему близкому родственнику. В данном случае тесть Семен видимо убедил посадский мир сделать земским старостой своего зятя, Кузьму Минину.

Кто же, однако, был тестем Минина? В Писцовой книге 1621–1622 гг. значится только один Семен, принадлежавший к посадской верхушке Нижнего Новгорода. Это Семен Голубков. Он записан как «лучший человек» и один из крупнейших налогоплательщиков («в тягле с осми денег»). У Семена имелись двор с огородом и садом у Почайнского моста, осадный двор в кремле (недалеко от Михайло-Архангельского собора), амбар и лавка около Гостиного двора, лавка «идучи в мясной ряд», пол-лавки в холщевом и ветошном рядах [28, стб. 58, 94, 205, 211, 245, 252]. Семен Голубков по возрасту вполне годился в тестя Минину: его сын Третьяк Голубков (судя по имени – третий) в Писцовой книге 1621–1622 гг. выступает как самостоятельный дворовладелец, лучший человек, отправляющий общественные службы.

Богатый тесть, конечно, помог зятю с жильем. В XVII в. приезжие обычно селились на западной окраине города, в районе Гребешка. Говядарю жить там было удобнее всего. Рядом начиналась дорога на Муром, куда пригоняли много скота из заволжских степей. Поблизости располагалась Телячья слободка, где держали нагуливавших вес телят. По Коровьему взвозу можно было согнать гурт к Оке, на водопой и на прибрежные заливные луга. Именно в этой части города, в приходе церкви Похвалы Пресвятой Богородицы по преданию и стоял дом Кузьмы Минина. Около Похвалинской церкви Минин будто бы был похоронен, и только при царе Алексее Михайловиче его останки перенесли в Спасо-Преображенский собор в кремле [39, с. 13].

Источник этого предания известен. О местонахождении дома создателя Нижегородского ополчения слышал «от ближайших родственников» и старых прихожан Похвалинской церкви ее дьякон Михайло Петров. Он рассказал указанную историю своему племяннику Петру Александрову, священнику того же храма, дожившему до первой четверти XIX в. Александров, лично пересказал эту историю автору «Сведений о потомстве Козьмы Минина по косвенной линии и о прочем».

Названный текст сохранился в бумагах П.С. Гурьянова, считавшего себя потомком сестры Минина Дарьи Миничны. После кончины Гурьянова эти документы попали в Нижегородскую губернскую учебную архивную комиссию и были исследованы ее председателем А.Я. Садовским.

Садовский полагал, что «Сведения о потомстве Козьмы Минина по косвенной линии и о прочем» были составлены «или Переpletчиковым или Андрониковым» [39, с. 12]. Первый из названных нижегородским архивистом людей – это Федор Петрович Переpletчиков. Известный предприниматель и благотворитель, он трижды занимал должность городского головы и в этом качестве в 1834 г. встречал в Нижнем Новгороде Николая I. Царь тогда оказал большое уважение памяти Минина и поручил Переpletчикову узнать о потомках героя. Городской голова принялся собирать сведения по этому предмету. Помогал ему письмоводитель при Нижегородской городской думе Михаил Андроников, тоже питавший глубокий интерес к личности Минина [40, с. 124–128]. Скорее всего, именно Андроников и составил «Сведения о потомстве Козьмы Минина по косвенной линии и о прочем». Как мы помним, они содержат рассказ священника Похвалинской церкви. Андроников же был прихожанином этого храма [40, с. 123].

Рассказ о погребении Минина в «Сведениях о потомстве Козьмы Минина по косвенной линии и о прочем» изложен автором в форме его ответов на вопросы «Московского телеграфа», помещенных в № 14 указанного журнала за 1833 г. [39, с. 12–15]. Это еще один аргумент в пользу авторства Андроникова: Переpletчиков начал искать потомков Минина на год позднее – с 1834 г.

Редактором «Московского телеграфа» тогда был писатель, критик и историк Н.А. Полевой (1796–1846). По происхождению купец, он всегда старался подчеркнуть гражданскую честность, заслуги перед престолом и патриотизм своего сословия. Минин, как олицетворение этих качеств, естественно, был его любимым героем. Полевой стремился сделать нижегородского торговца, освободившего Москву от поляков, примером для молодых предпринимателей. С этой целью ис-

торик прочел лекцию о Минине на торжественном акте Московской практической коммерческой академии, изданную в 1833 г. отдельной брошюрой [41]. Тогда же Полевой начал собирать разного рода сведения о Минине, обращаясь за ними, в том числе, к нижегородцам. Он предполагал опубликовать их во втором выпуске сборника «Русская вивлиофика», первый том которого был издан Полевым в 1834 году. Однако столкновения с цензурой сначала привели к закрытию «Московского телеграфа», а затем убедили Полевого в невозможности продолжить выпуск «Русской вивлиофики». Поэтому он предложил имеющиеся у него сведения о Минине «Сыну Отечества». Они были помещены в этом журнале в 1838 г. под заголовком «Материалы для истории Козьмы Минина».

Основную часть в этой подборке занимает письмо к Н.А. Полевому протоиерея Рождественской церкви села Богородского Нижегородской губернии Тимофея Рожанского от 18 апреля 1834 г. Селом Богородским в 1613 г. был пожалован Минин, и Рожанский письменно ответил на вопросы Полевого, связанные с судьбой земельных владений героя. Затрагивает Рожанский и вопрос о нижегородском доме Минина. Приведем соответствующий отрывок из его письма. «Церковь Похвалы Пресвятыя богородицы, каменная, и ныне в Нижнем Новгороде существует, однако в ней никаких памятников и записей о Козьме Минине, ни прикладных вещей от дома Мининых нет, и где был дом его, неизвестно. Только молва от досуга ходит по приходу Похвалинскому и по Нижнему, и рассказывает, что Козьма Минин жил, скончался и погребен в сем приходе, но доказательств на подтверждение этого никаких не предъявляется. О записях и прикладах вообще заключают, что они в бывшие пожары, как и сама церковь деревянная, сгорели» [20, с. 25].

Завершает публикацию Полевого упоминавшаяся выше выписка из письма Д.Н. Бантыш-Каменского к А.Ф. Малиновскому от 18 апреля 1807 года. Бантыш-Каменский, как уже говорилось, сообщал, что познакомился в Нижнем Новгороде с правнуком сестры Минина Дарьи – Михаилом Подсевальщиковым. Потомок Дарьи Миничны поведал, что Минин «жил в Благовещенской слободе» Нижнего Новгорода [20, с. 28].

Следует сказать, что для нижегородца середины XIX в. приход Похвалинской церкви и Благовещенская слобода (современные улицы Черниговская и Гаршина) – это два разных места города. Народная молва связывала погребение Минина с первым из них. Именно Похвалинскую церковь, как писал в 1842 г. в «Отечественных записках» П.И. Мельников, показывали приезжим любителям старины, уверяя «что при ней жил и был погребен избавитель России» [42, с. 499].

Доверился легенде и сам Мельников. Он ввел ее в свой рассказ о Минине, который был опубликован в журнале «Отечественные записки» за 1840 г., в составе «Дорожных записок» – первого увидевшего свет произведения писателя [43, с. 522]. Однако, много занимаясь нижегородской стариной, Мельников пришел к выводу, что церковь Похвалы Богородицы была построена позже кончины Минина. Следовательно, создатель Нижегородского ополчения не мог жить в ее приходе.

Отвергнув вариант с Похвалинской церковью, Мельников начал прорабатывать возможность нахождения дом Минина в Благовещенской слободе. Он начал искать подтверждение этой версии в источниках XVII в. и, как ему показалось, нашел. Речь идет о документах, относящихся к печальной истории царской невесты Марии Хлоповой. Молодой государь Михаил Федорович в 1616 г. собирался жениться на ней. Но дядя Марии поссорился с влиятельным боярином Михаилом Салтыковым. Тот оклеветал бедную девушку перед будущей свекровью, сказав, что Мария больна и не может иметь детей. Несчастную по воле царской матери отослали на жительство в Тобольск. Но Михаил продолжал думать о своей нареченной. Какое-то время спустя, он распорядился перевести ее в Нижний Новгород. Там по царскому указу «дан был двор на житье Марье Хлоповой». Причем, что было крайне важно для Мельникова, «прежь де сего тот двор был Кузмы Минина» [44, с. 322]. Марья разместилась в нем с бабушкой и дядьями.

Затем царь отправил в Нижний большую комиссию во главе с боярином Федором Шереметевым, чтобы выяснить правду о здоровье Хлоповой. Материалы этого расследования были напечатаны в 1822 г. Там среди прочего упоминалось, что духовником Марии в Нижнем Новгороде был «Предтеченский поп Герасим» (то есть священник церкви Иоанна Предтечи). Он часто навещал бывшую царскую невесту [45, с. 264]. Отсюда следовало, что храм Иоанна Предтечи находился недалеко от местожительства Марии Хлоповой, то есть от дома Минина. П.И. Мельников знал, что в Благовещенской слободе была церковь Иоанна Предтечи. Это позволило историку сделать вывод о том, что дом Кузьмы Минина «до 1612 года находился в Благовещенской Слободе, на берегу Оки, выше Благовещенского монастыря, в приходе Рождества Иоанна Предтечи» [42, с. 500].

Эта логическая конструкция молодого учителя Нижегородской гимназии надолго закрепилась в исторической литературе. Первым ее повторил Н.И. Храмцовский в своей книге по истории Нижнего Новгорода, сославшись на публикацию Мельникова в «Отечественных записках» [6, с. 100]. Но затем авторство Мельникова забылось, и его гипотеза стала подаваться как народная легенда. Так нижегородский

краевед А.Я. Садовский в 1916 г. сообщал: «Нижегородские предания утверждают, что дом Кузьмы Минина был в приходе Рождества Иоанна Предтечи, то есть где-то около Благовещенской слободы» [3, с. 8].

Конечно, историкам хотелось точнее установить это место. Первую догадку высказал Н.И. Храмцовский, написавший, что, «как полагают», Минин жил там, где стоит дом Ненюковых [6, с. 100]. (Ныне это улица Черниговская). Кто так «полагает» Храмцовский не указал. Без сомнения, это было его собственная идея, основанная на мысли П.И. Мельникова о том, что духовником Марии Хлоповой был священник храма Иоанна Предтечи в Благовещенской слободе. Но гипотеза Мельникова была ошибочной. Если мы перелистаем страницы Писцовой книги 1621–1622 годов по Нижнему Новгороду, то легко убедимся, что двор Предтеченского попа Герасима, духовника Марии, находился не в Благовещенской слободе, а рядом с другим храмом Иоанна Предтечи, а именно с тем, который стояла у Ивановской башни кремля (нынешняя площадь Народного Единства) [28, стб. 125]. Соответственно, где-то недалеко, следует искать и двор Минина, где жила Хлопова.

Разумеется, это не мог быть тот дом, который принадлежал Кузьме Минину ранее 1613 г. Михаил Федорович надеялся сочетаться с Марией Хлоповой законным браком – вернувшийся из плена отец, патриарх Филарет, поддерживал его в этом. Поэтому невозможно представить, чтобы царь поместил свою будущую жену, да еще с бабушкой и дядьями в мужицкой избе. Конечно же, Хлопова жила в кремлевском дворе Кузьмы Минина. Это «государево дворовое место» находилось рядом со Спасо-Преображенским собором [28, стб. 45]. Оно, как считала, Н.И. Привалова, в 1613 г. было пожаловано создателю Нижегородского ополчения за его подвиги [46, с. 185].

Н.И. Куприянова возражала ей, отметив, что грамотой о пожаловании К. Минину дома в кремле историки не располагают. Поэтому, по мнению Куприяновой, этот дом мог быть дан не Минину, а его сыну Нефеду, служившему при дворе Михаила Романова [46, с. 188]. Однако в данном случае следует согласиться с Н.И. Приваловой, поскольку Н.И. Куприяновой осталась неизвестна царская грамота от 31 марта 1633 г. нижегородскому воеводе Коржбоку-Столпину прямо свидетельствующая о том, что «тот двор был Кузьмы Минина» [44, с. 322]. (Едва ли не сам Нефед предложил Михаилу Федоровичу этот дом для размещения Марии Хлоповой и ее близких. Ведь, услужив будущей царице, он мог значительно упрочить свое положение при Дворе).

Исходя из всего вышеизложенного, следует отвергнуть гипотезу о том, что дом Минина находился в приходе церкви Рождества Иоанна

Предтечи в Благовещенской слободе. Кстати, и сам автор этого предположения, Мельников, от своей идеи скоро отказался, поскольку нашел другое и, как ему показалось, документально зафиксированное местоположение двора, принадлежавшего Минину.

Из исторических источников П.И. Мельникову было известно, что Кузьма Минин имел прозвище «Сухорук» и вел мясную торговлю. И вот Мельников в поисках мясной лавки Минина стал вчитываться в Нижегородскую сотную грамоту. В ней при перечислении лавок в мясном ряду была названа лавка Богдана Кузьмина и Михаила Игнатьева Сухоруковых. Имена указанных людей говорили о том, что они являются родственниками Кузьмы Сухорука! Мельников решил, что этот Сухорук, конечно, и есть Минин. Не могли же в Нижнем Новгороде начала XVII в. одновременно жить два сухоруких мясника по имени Кузьма! «Не в этой ли лавке торговал Минин? Не перешла ли она после возвышения Минина к его родственникам, может быть двоюродным братьям Богдану Кузьмичу и Михаилу Игнатьевичу?», – для порядка спросил нижегородский учитель у читателей «Отечественных записок» [42, с. 505]. Но для себя он уже ответил на заданный вопрос утвердительно.

Вскоре в руки пытливого историка попала нижегородская Книга купчих записей начала XVII века. В нее заносились все сделки с недвижимостью. В результате одной из них, состоявшейся в 1602 г., был продан двор с садом и огородом над рекой Почайной на Никольской стороне (то есть около Никольской церкви – в районе современного театра драмы). В договоре указывались границы владения, причем хозяин сообщал: «А в межах тот мой двор подле Кузьмы Захарьева сына Сухорука...». Эта драгоценная находка указывала Мельникову не только на точное местонахождение дома Минина, но и на отчество героя – Захарьев сын. Мельников направил копию сенсационного документа в журнал «Москвитянин». При этом от себя добавил в текст слово «Минин». Получилось: «А в межах тот мой двор подле Кузьмы Захарьева сына Минина Сухорука...» [47, с. 7–11].

Так Мельников нарушил неписанный закон всех историков, заступающий добавлять что-либо от себя в публикуемый документ, иначе как с оговоркой и в квадратных скобках.

Своей вставкой П.И. Мельников ввел в заблуждение несколько поколений ученых. Кузьму Минина стали величать Захарьевичем в научных трудах и энциклопедиях [48, с. 6]. Знаменитый драматург А.Н. Островский написал пьесу «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» [49].

Но вот настал XX век. Было торжественно отмечено 300-летие подвига Минина. При подготовке к юбилею под руководством предсе-

дателя Нижегородской губернской ученой архивной комиссии А.Я. Садовского издали сборник документов, относящихся к деятельности Нижегородского ополчения, замечательный по своей полноте. Еще раньше, в 1896 году напечатали Писцовую книгу 1621–1622 годов по Нижнему Новгороду, на основе которой составлялась известная Мельникову Сотная грамота. В Писцовой книге перечислялись все дворы и торговые помещения Нижнего Новгорода того времени.

А.Я. Садовский, располагая таким богатым комплексом исторических источников, имел возможность приступить к исследованию раннего этапа жизни Кузьмы Минина (приближалось трехсотлетие кончины героя). В ходе работы нижегородский архивист с удивлением обнаружил, что Минин имеет отчество «Захарьев сын» только в одном документе – опубликованной Мельниковым купчей 1602 года. Во всех других текстах XVII в. создателя Нижегородского ополчения называли Кузьма Минин, Кузьма Минин «рекомый» (называемый) Сухорук или Кузьма Минич.

Миничем, подобно знатым людям, народный герой стал величаться после того как Михаил Федорович возвел его в думные дворяне. Отчество Минич прямо указывает на то, что имя его отца было Мина, а не Захарий.

Свои выводы А.Я. Садовский опубликовал в 1916 г. в статье «Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин Сухорук». В ней он убедительно показал, что человек, названный в купчей 1602 года Кузьма Захарьев Минин Сухорук и создатель Народного ополчения Кузьма Минин – разные люди. Причем Мининым Кузьма Захарьев назван только в купчей 1602 года. В других документах он Кузьма Захарьев или Кузьма Захарьев Сухорук (Сухоруков) [3, с. 9–10].

Точку в этой истории поставил современный историк А.Ю. Хачко. Он просмотрел Книгу купчих записей, которой пользовался Мельников и не обнаружил в соответствующем месте слова «Минин» [47, с. 9–10]. Стало окончательно ясно, что около Никольской церкви – в районе современного театра драмы – находился дом не Кузьмы Минина, а другого человека – Кузьмы Захарьева Сухорука.

Таким образом, на сегодняшний день единственное не опровергнутое показание источника о месте дома Минина до 1613 г. – это рассказ дьякона Похвалинской церкви Михайлы Петрова о том, что Минин жил и был погребен в приходе этого храма. При этом священнослужители Похвалинской церкви даже указали точное расположение дома Минина: «на месте его теперь находится дом мещанина Красносельцева» [39, с. 13]. («Теперь» – это не позднее 1833 г.).

В XIX в. мещане Красносельцевы действительно проживали в Нижнем Новгороде недалеко от Похвалинской церкви. В Нижегородском архиве сохранился план участка на Похвалинском съезде «с показанием под литерой А. места принадлежащего Павлу Ивановичу Красносельцеву». В 1854 г. он просил построить здесь «деревянные на каменном фундаменте дом и надворные службы» [50, л. 1]. Рядом с местом предполагаемого строительства на плане обозначен уже существующий дом. Как мы полагаем, он в 1833 г. принадлежал отцу Павла Красносельцева – Ивану. Соответственно здесь и стоял в XVII в. двор Кузьмы Минина. От Ивана Красносельцева дом перешел к его сыновьям – Петру и Павлу. Павел, как мы видели, в 1854 г. решил возвести для себя отдельное жилище, а хозяином отцовского дома стал Петр Красносельцев. В 1879 г. он продал его балахнинскому купцу Н.Н. Нестерову [51, л. 313–315]. Поэтому в списке нижегородских домов за 1884 г. мы видим на Похвалинском съезде рядом дома Павла Красносельцева (№ 10) и Нестерова (№ 12) [52, с. 34]. На плане 1899 г. дом Павла Красносельцева уже имеет № 9 [53, л. 1 об.]. Далее девятый дом на Похвалинском съезде перешел в собственность Нестерова [54, с. 69]. В 1959 г. на этом месте построили трехэтажный многоквартирный дом. Его современный адрес – Гребешковский откос, д. 9а. Ниже расположен Благовещенский монастырь.

В начале XVII в. земля над ним, «на горе на всполье», согласно Писцовой книге тоже являлась монастырской. Здесь на «полом» (пустом) месте, как зафиксировали писцы в 1621–1622 гг., «ставятца ново» монастырский воловий двор и двory «новоприхожих людей» – монастырских бобылей и крестьян. Эта территория будет записана в Писцовую книгу как «Благовещенского монастыря слоботка» [28, стб. 349, 352]. И если дом Минина прежде находился здесь, то про его хозяина вполне можно будет сказать, что он «жил в Благовещенской слоботе», как это и сделал упомянутый выше Михаил Подсевальщиков в разговоре с Д.Н. Бантыш-Каменским [20, с. 28]. Таким образом, поместив двор Минина на Гребешковский откос, мы согласуем сообщения Подсевальщикова и рассказ дьякона Похвалинской церкви Михайлы Петрова.

Следует особо отметить, что хотя дом Минина находился на земле Благовещенского монастыря, это не означает, что он был зависимым от монастыря человеком. Ведь, согласно Писцовой книге, в начале XVII в. в слободках Благовещенского монастыря и на монастырской земле имелись и двory посадских людей. В этой связи укажем, что именно на Гребешке расположила дом Минина такая вдумчивая и эрудированная исследовательница средневекового Нижнего Нов-

города как Н.И. Привалова (к сожалению не объяснив цепочки своих умозаключений). Свой известный очерк о семье национального героя она начала словами: «В Нижнем Новгороде, на посаде Благовещенской слободы, “что на горе на всполье” (теперь Гребешок) находился дом говядаря Кузьмы Минина, выборного земского старосты» [46, с. 185].

Правда П.И. Мельников, как мы помним, отверг предание о том, что Минин жил в приходе Похвалинской церкви на том основании, что она не упоминалась в Сотной грамоте 1621 года [42, с. 500]. Не принял эту легенду и архимандрит Макарий, писавший: «нет причины думать, чтобы во времена Минина была Похвалинская церковь, потому что о ней не упоминается в сотной грамоте Нижнего Новгорода, составленной в 1621 году...» [18, с. 336]. Н.И. Храмцовский с подобной логикой не согласился, указав случай, когда одна церковь (Происхожденская в Происхожденском монастыре) существовала на момент составления Сотной грамоты, но в нее не попала [6, с. 274].

Сам по себе пример Храмцовского неудачен. Ведь хотя о Происхожденской церкви нет сведений в Сотной грамоте, но она занесена в Писцовую книгу 1621–1622 годов [28, стб. 26], с которой делалась Сотная грамота. А храма Похвалы нет ни в Сотной грамоте, ни в Писцовой книге. Но мысль нижегородского историка о том, что какая-то церковь, о существовании которой в определенную эпоху точно известно, тем не менее, могла не попасть в писцовые книги, заслуживает внимания.

Подобное могло иметь место в нескольких случаях. Один возможный вариант: храм сгорел и во время работы писцов еще не был восстановлен. Другой вариант: служба в нем почему-либо не велась. Что-то похожее, видимо, и произошло с Похвалинской церковью.

В Переписной книге 1678 года по Нижнему Новгороду она не упомянута. Однако в той части города, где этот храм сейчас находится, в Переписной книге названы двор «Похвалинского попа Филипа Лукоянова» и изба «Похвалинского дьячка Федотки Козмина». Итак, есть Похвалинский священник, есть Похвалинский дьячок, но нет Похвалинской церкви. В то же время тут же, на дворе гостя Михаила Гурьева, записана «церковь каменная во имя Богоявления Господня», больше ни в каких источниках не упоминаемая. На том же дворе, что и Богоявленская церковь стояли «полаты каменные» и в них жил «тое жь церкви панамарь». [28, стб. 432–434]. Про священника Богоявленского храма в документе никаких известий нет, зато, как уже было сказано, рядом записан двор «Похвалинского попа».

Попробуем восстановить запутанную историю Похвалинского храма. Он, по нашему мнению (здесь автор согласен с Н.Ф. Филато-

вым) стоял в этой части города еще во времена Минина [13, с. 48]. Храм здесь должен был наличествовать обязательно, поскольку близлежащая Сергиевская церковь тогда являлась не приходской, а монастырской. В приходе Похвалинской церкви, на нынешнем Гребешковском откосе, находился двор Минина. Получив в 1613 г. дом в кремле и увезя супругу Татьяну с сыном Нефедом в Москву, Минин, вероятно, отдал свое старое жилище кому-то из братьев, например Сергею. В 1616 г. по пути из Казани Кузьма Минин скончался. Поскольку его жена в это время была в Москве, погребением занимался Сергей. Вполне естественно, что он похоронил брата в приходе Похвалинской церкви. Во время опустошительных пожаров 1617 и 1618 гг. Похвалинская церковь и дом Минина в ее приходе сгорели. Поэтому они не обозначены в Писцовой книге 1621–1622 годов. Позднее Похвалинская церковь была восстановлена. Это произошло до 1651 г. поскольку 1 марта указанного года в нее, как выяснила М.Я. Шайдакова, сделал вклад (печатную Минею служебную) гость Семен Задорин [55, с. 153].

Где-то в третьей четверти XVII в. около Похвалинской церкви поставил каменные палаты приехавший в Нижний Новгород гость Михаил Гурьев – один из богатейших людей России. Этот легендарный предприниматель известен тем, что на свои деньги построил каменную крепость в устье реки Урал на Каспийском море. Речь идет о Яицком городке (позже – Гурьев). Ныне это областной центр в Казахстане. Конечно, человеку такого уровня было неудобно ходить вместе с другими жителями городской окраины в, наверное, не очень просторную деревянную Похвалинскую церковь. Поэтому он возвел на своем дворе каменный храм Богоявления Господня. Службу там, как мы полагаем, вел поп Похвалинской церкви.

Соседом Михаила Гурьева в Переписной книге 1678 года по Нижнему Новгороду назван еще один знаменитый предприниматель – Григорий Дмитриевич Строганов [28, стб. 432]. Нижегородским дворовладельцем он стал незадолго перед этим, не ранее 1673 г., когда в семнадцать лет ему пришлось вступить во владение одной третью фамильных имений. Дом Строганова стоял рядом с погостом Похвалинской церкви, где покоился прах Кузьмы Минина. Строгановы в свое время были с ним близки и сыграли большую роль в финансировании Нижегородского ополчения. Поэтому, по нашей догадке, Григорий Строганов, только что ставший хозяином дома у Похвалинского погоста, стал инициатором перенесения останков Минина в Спасо-Преображенский собор.

События видимо развивались в такой очередности. В 1652 г. в Нижегородском кремле для названного выше древнейшего храма

Нижнего Новгорода построили новое здание. Старый храм тоже сохранили. В 1672 году в Нижнем Новгороде учреждается митрополичья кафедра. Занял ее митрополит Филарет. Он, как повествует архимандрит Макарий, «по приезде своем в Нижний Новгород, усмотрев опасную ветхость старого собора, приказал перенести из него гробницы великих князей, а вскоре велел разобрать и самый собор» [18, с. 248]. Между тем в старом здании храма находилось захоронение Нефедя Минина. Его тоже переместили в новый собор. Естественно сразу встал вопрос и о новом месте погребения самого Кузьмы Минина. Вот тогда Григорий Строганов, возможно, и обратился к митрополиту Филарету с просьбой перенести останки героя с Похвалинского погоста в кафедральный Спасо-Преображенский собор.

То, что Строганов и Филарет были знакомы лично не вызывает сомнений. Известен дар Строганова митрополиту Филарету – архиерейский посох «серебряный финифтяный». Много сделал Строганов и для украшения Спасо-Преображенского собора. Среди его вкладов – четыре шитых золотом пелены, на одной из которых имелась надпись «Сия пелена строение Григория Дмитриевича Строгонова» [18, с. 282, 285, 286].

Не исключено, что вопрос о перенесении останков Минина окончательно решался самим царем. Ведь так было в другом случае расширения мемориальной части нового Спасо-Преображенского собора (построенного, как мы знаем, «государевой казною»). В 1672 г., сообщает «Нижегородский летописец», царь Алексей Михайлович «изволил з Городца взять гроб великого князя Бориса Константиновича Нижегородскаго и Городецкаго, и тот гроб принесень бысть в Нижней Новъгородъ в соборную церковь боголепного Преображения...» [56, с. 164, 208]. Так или иначе, в народной памяти предание о том, что при царе Алексее Михайловиче тело Минина было перенесено в Спасо-Преображенский собор вследствие особого царского указа, сохранялось до XIX в. [42, с. 499]. Отметим в этой связи, что в 1674–1675 гг. Г.Д. Строганов очень близко общался с царем Алексеем Михайловичем и неоднократно обедал у него [57, с. 60].

Когда в 1834 г. было построено новое здание Спасо-Преображенского собора, гробницы Кузьмы Минина и Нефедя Минина перенесли туда, установив на левой стороне собора, между погребениями нижегородских архиереев [18, с. 268].

Что касается Богоявленской церкви, то в 1670-е гг. Михаил Гурьев разорился. Его нижегородский дом запустел. Причт храма, как мы полагаем, вернулся в деревянную Похвалинскую церковь. В 1715 г. и она, и Богоявленская церковь на дворе Гурьева, сгорели. Потом (в 1742 г.) Похвалинскую церковь восстановили в камне. Но, несмотря

на все эти перемены, духовенство и прихожане Похвалинской церкви бережно хранили предание о том, что на ее погосте когда-то был похоронен Кузьма Минин, а рядом находился его дом.

Источники и литература

1. Отдел редких книг и рукописей Нижегородской государственной универсальной научной библиотеки имени В.И. Ленина. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 26.
2. Синодик Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря 1595 года. Синодик архимандрита Трифона. Н. Новгород, 2010.
3. *Садовский А.Я.* Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин Сухорук // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. XV. Вып. IX. В память 300-летия царствования дома Романовых. Н. Новгород, 1916.
4. *Перхавко В.Б.* Первые купцы российские. М., 2004.
5. *Садовский А.Я.* Новые документы о Мининых // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. Н. Новгород, 2012.
6. *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 1998.
7. *Мельников П.* Балахна. Уездный город Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1850.
8. Писцовая книга города Балахны 1674–1676. Репр. воспроизведение изд. 1913 г. Н. Новгород, 2012.
9. *Смирнов Д.Н.* Кузьма Минин // Велико дело Минина и Пожарского / сб. под ред. Н.М. Добротвора. Горький, 1944.
10. *Кирьянов И.А.* О Кузьме Минине (Новые материалы к биографии) // История СССР. 1965. № 1.
11. *Кучкин В.А.* О роде Кузьмы Минина // История СССР. 1973. № 2.
12. *Скрынников Р.Г.* Минин и Пожарский. М., 2011.
13. *Филатов Н.Ф.* Подвиг во имя России: Козьма Минин и Дмитрий Михайлович Пожарский. Н. Новгород, 1996.
14. *Макарихин В.П.* Кузьма Минин. Страницы биографии // Мининские чтения: Материалы докладов научных конференций, проводившихся в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского 22 мая 1998 г., 21 мая 1999 г. и 21 мая 2000 г. Н. Новгород, 2001.

15. Пудалов Б.М. К биографии Кузьмы Минина // Мининские чтения. Н. Новгород, 2007.
16. Буганов В.И. «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин // Вопросы истории. 1980. № 9.
17. Сироткин С.В. «Братья» и сестры Кузьмы Минина: генеалогический этюд // Мининские чтения. Н. Новгород, 2010.
18. Макарий, арх. Памятники церковных древностей. Н. Новгород, 1999.
19. Макаров И.А. Карман России. Н. Новгород, 2006.
20. Материалы для истории Козьмы Минина // Сын Отечества и Северный Архив: Журнал словесности, истории и политики. 1838. Т. I.
21. Из Нового летописца // Подвиг Нижегородского ополчения. Т. 1. Н. Новгород, 2011.
22. Назаров В.Д. Что мы празднуем 4 ноября? // Мининские чтения. Н. Новгород, 2007.
23. Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004.
24. Из «Плача о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства в пользу и наказание послушающим» // Подвиг Нижегородского ополчения. Т. 1. Н. Новгород, 2011.
25. Из Хронографа 1617 года // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987.
26. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. (Г – Д). М., 1977.
27. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 1: А – З. М., 2007.
28. Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду. Репр. воспроизведение изд. 1896 г. М. – Н. Новгород, 2011.
29. Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987.
30. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1985.
31. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. Том III. СПб., 1847.
32. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. Т. 3: П – Р. М., 2007.
33. Перхавко В.Б. Прасолы // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: В 2 тт. Т. 2. М., 2008.

34. *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. История России с древнейших времен / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1990.

35. Из «Книги о новоявленных чудесах преп. Сергия, творения Симона Азарьина» // Подвиг Нижегородского ополчения. Т. 1. Н. Новгород, 2011.

36. *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования. М., 1994.

37. Из «Иного сказания» // Подвиг Нижегородского ополчения. Т. 1. Н. Новгород, 2011.

38. *Эскин Ю.М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013.

39. *Садовский А.Я.* О потомстве сестры Минина Дарьи Минишны. Н. Новгород, 1910.

40. *Галай Ю.Г.* Минин в памяти нижегородцев. Н. Новгород, 2012.

41. *Полевой Н.* Козьма Минин Сухорукой, избранный от всея земли русския человек: Чтение на торжественном акте Москов. Практической коммерческой академии. М., 1833.

42. *Мельников П.И.* Исторические заметки // Полное собрание сочинений П.И.Мельникова (Андрея Печерского). Т. 7. СПб., 1911.

43. *Мельников П.И.* Дорожные записки (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь) // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. 7. СПб., 1911.

44. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. III. № 218.

45. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. М., 1822.

46. *Привалова Н.И.* Семья Кузьмы Минина // Записки краеведов / сост. Н.И.Куприянова. Горький, 1979.

47. *Хачко А.Ю.* Как звали Минина. Купчая 1602 г. // Мининские чтения. Н. Новгород, 2003.

48. Минин // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 29. М., б.г.

49. *Островский А.Н.* Козьма Захарьич Минин-Сухорук: драм. хроника в 5-ти действиях в стихах. М. – Л., 1950.

50. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 30. Оп. 38. Д.5696.

51. ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35. Д. 1192.

52. Список домов г. Н. Новгорода с показанием части, квартала, улицы и NN. Н. Новгород, 1884.

53. ЦАНО. Ф. 30. Оп. 39а. Д. 695.

54. Нижегородский край на 1901 год. Издание Нижегородского губернского правления. Год второй. Н. Новгород, 1901.

55. *Шайдакова М.Я.* Новые факты о нижегородском госте Семене Задорине (XVII в.) // Городецкие чтения: Материалы научно-практических конференций VI Городецкие чтения (6 декабря 2008 г.) и II Александро-Невские чтения (27 февраля 2009 г.). Городец, 2009.

56. *Шайдакова М.Я.* Нижегородские летописные памятники XVII в. / под ред. В.А.Кучкина. Н. Новгород, 2006.

57. *Купцов И.В.* Род Строгановых. Челябинск, 2005.

СЪЕЗЖАЯ ИЗБА В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ДВОРЦОВЫМИ ЗЕМЛЯМИ РОССИИ XVII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДВОРЦОВЫХ ВОЛОСТЕЙ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ)

Л.Ю. Варенцова

Цель данного исследования – выявить значение съезжей избы в системе местного управления царскими доменальными землями. Географические рамки исследования определяются дворцовыми волостями Нижегородского Поволжья – Толоконцевской, Городецкой и Заузольской волостями Балахнинского и частично Юрьевец-Повольского уездов.

Центром воеводского или приказного управления в дворцовых городах, волостях, селах являлась съезжая или приказная изба, в которой производились следствие, суд и расправа, сосредотачивалось все делопроизводство.

В XVII в. съезжая изба имела множество названий. В крупных городах ее обычно называли «приказной палатой» [1, с. 387]. Съезжую избу в дворцовой Заузольской волости Балахнинского уезда именовали «судной избой» [2, л. 1]. В дворцовой Городецкой волости Юрьевец-Повольского уезда был «мирской съезжий двор» [3, л. 17 об.] иногда именуемый «мирским схожим двором» [3, л. 50]. Встречается для его обозначения и термин «братский двор» [4, с. 199].

Выразителем взглядов и настроений мира был мирской сход. Он собирался по мере надобности в приказной избе, которая иногда потому так и назвалась схожей или съезжей избой [5, с. 75].

Инициатором созыва схода являлся староста. На мирском сходе могли решаться вопросы принципиального характера, например, о дополнительном обложении в случае экстренных расходов.

Сохранились описания съезжих изб в различных дворцовых селениях России. В конце XVII в. мирской схожий двор Городецкой волости Юрьевец-Повольского уезда располагался в Верхней слободе [3, л. 28]. При нем имелась «огороднишная земля», которой пользовались местные крестьяне, из своего тягла [3, л. 28].

В «Переписной книге дворцовой Городецкой волости Балахнинского уезда 1719 года» указывается, что приказная изба состояла из двух комнат и сеней [6, л. 18]. В подклете приказной избы размещались две тюрьмы [6, л. 18]. В помещении приказной избы был «стол судейской, а на нем сукно красное» [6, л. 18]. В обязательном порядке имелся печатный экземпляр Соборного Уложения 1649 г., «в кожаном переплете, в досках», а также писцовые и переписные книги [6, л. 18].

Для сравнения можно привести описание приказной избы в дворцовом подмосковном селе Измайлово, которое дается известным русским историком И.Е. Забелиным: «Горница на подклете, перед нею сени рублены в пристене, а в ней девять образов, шестилистовых неокладных; на столе три аршина сукна красного; стол дубовой, два стола сосновых; чулан казенной забран досками; четыре окошка, в них окончины стеклянные ветхи; печь муравленая зеленая; у чулана двери на крюках железных, замок нутряной; у горницы двери и у окошек окончины на крюках железных; два крыльца приезжих. Приказная изба и сени, и на них кровля и крыльца все ветхо» [7, с. 548].

Съезжая изба являлась присутственным местом воеводы или приказчика. В 1672 г. съезжую избу дворцовой Зауольской волости Балахнинского уезда возглавляли ее воевода Иван Саввинович Романчуков и подьячий Кирьян Грязнов [2, л. 1]. Дьяк (подьячий) отвечал за все делопроизводство съезжей избы (канцелярии). Наряду с этой официальной функцией на них фактически лежала негласная обязанность наблюдать за деятельностью воевод и доносить о неурядках в Москву. На этой почве между воеводами и дьяками происходили конфликты [1, л. 387]. В некоторых крупных населенных пунктах делопроизводство распределялось между отделами приказной избы – «столами», каждый из которых ведался особым подьячим («хлебный стол», «денежный стол» и т.д.). В приказной избе обязательно имелась печать [2, л. 1].

В съезжей избе могло быть несколько приставов. Они использовались для посылок, для привода в съезжую избу крестьян или посадских людей на допросы [5, с. 73]. Функции приставов исполняли десят-

ские [5, с. 73]. Приставы Городецкой волости жили непосредственно на съезжем дворе [3, л. 28].

При съезжей избе нередко использовался караул из стрельцов, которые сторожили колодников, посаженных в тюрьму под избой [5, с. 74].

Строилась приказная изба «миром» [6, л. 18], то есть силами и средствами мира, крестьянской или посадской общины. На «братском дворе» весьма часто, большей частью по воскресеньям, сходились или съезжались из общины «лучшие люди» для решения экономических вопросов, судебных дел, а также для выборов [4, с. 199].

На мирских сходах в присутствии воеводы или приказчика крестьяне выбирали от каждых десяти дворов десятника, от полусотни дворов – пятидесятников, от сотни дворов – сотников. Выбирались, как правило, «добрые люди», т.е. состоятельные [8, с. 311].

Представители местного самоуправления – старосты, сотские, пятидесятские и десятские – обязаны были смотреть за тем, чтобы в их участках не проживали преступники, а также не было посторонних людей.

Посторонние люди, появившиеся в общине, в обязательном порядке должны были представляться десятскому теми жителями, в чьих домах они остановились. Десятский представлял их пятидесятскому, а последний – сотскому. Если приезжий не давал о себе сведений, то задерживался как подозрительный, до тех пор, пока не поступали результаты дознания. Это делалось с целью, чтобы «всяким людем у себя воров и татей и разбойников держати было неповадно, а воровом бы, татем и розбойником нигде прибежища не было» [9, с. 240]. В случае отсутствия компрометирующих сведений по итогам проверки подозреваемый освобождался. При облиховании его следовало выдать губному старосте.

Десятские следили, «чтобы корчемного продажного никакова питья, вина и пива, и меду, и табаку, и неявленного питья и всякого воровства ни у кого не было» [9, с. 240].

На мирских сходах выбирались старосты, целовальники из числа лучших, бесподозрительных крестьян. Крестьяне, избранные на эти должности, освобождались от податей и работ в пользу дворца. Их долю уплачивала община.

Жители дворцовых волостей делились на сотни. Существовало понятие «тутошние сотенные люди» [10, с. 243], то есть к сотне относившиеся [11, с. 224]. Среди них выбирался «сотский», выполнявший функции полицейского надзирателя [11, с. 224]. Его выбирали на определенный срок. Население всегда могло переменить выборных [4, с. 196].

О полномочиях сотника свидетельствует «Наказ Борису Васильеву по должности сотского дворцовой волости Бору Иванова», данный царем Федором Алексеевичем 30 июня 1679 года [10, с. 243]. «Быть ему сотскому у государевых всяких дел в той волости на Иванове Бору и сыскивать накрепко воров и разбойников, убийцов (убийц – прим. авт.) и зажигальщиков, винопродавцов и табатчиков (табачников, курильщиков – прим. авт.), и всяких лихих людей проведывать» [10, с. 243].

Сохранился и воеводский наказ о должности волостного сотского 1683 года, составленный стольником и воеводой Иваном Артемьевичем Мартюхиным для крестьянина Белозерского уезда дворцовой Никольской волости Михаила Захарова [12, с. 178–179]. В наказ включена «память» (памятка – прим. авт.) о функциях волостного сотского. Он должен был «воровских людей» сыскивать и «с поличным имать» [12, с. 179].

Сотского могли позвать «на след за татми (ворами – прим. авт.) и за разбойники, и за всякими воровскими людьми» [10, с. 243]. В качестве помощников он использовал сотенных и посторонних людей. В случае захвата воров он мог их приводить в город для расправы к воеводе «беспенно» (без упрека – прим. авт.) [10, с. 243]. В дворцовом городе Белоозеро их можно было доставлять и на Государев рыбный двор [10, с. 243]. По царскому наказу 1679 года сотский и его помощники, поставлявшие воров и разбойников для расправы, не должны были бояться «язычной молки», то есть людской молвы, какого-либо осуждения [10, с. 243].

Сотский обеспечивал порядок. Он тщательно следил, чтобы среди его сотни не оказалось скрывавшихся от властей воров и разбойников, убийц, зажигальщиков, виноторговцев, табачников, а также ворованных вещей, корчемного вина, табака. Сотский смотрел, чтобы среди дворцовых крестьян «лихие люди» не находились постоянно и даже не находили временного приюта. Сотский тщательно следил за умонастроениями дворцовых крестьян, чтобы среди его сотни «ни в чем ни в каком воровстве не норовили» [12, с. 179].

Если же вопреки запретам волостные крестьяне скрывали преступников «по свойству или по дружбе», то сотский попадал в опалу от великого государя, что означало «быть ему в пене и в жестком наказанье без пощады» [10, с. 243]. В случаях плохого исполнения своих обязанностей сотский подвергался штрафным санкциям, его имущество подлежало конфискации, «животы его отдавались в исцо-вы иски» [10, с. 243].

Из указа царя Федора Алексеевича 1682 г. следует, что в каждой дворцовой волости имелся староста [13, с. 212–213]. В их адрес поступали государевы указания – «памяти», конкретные поручения по хо-

зайственной деятельности в дворцовых вотчинах. В случаях недобросовестного выполнения поручений, а также причинения убытков царской казне, старосты дворцовых волостей жестоко наказывались.

Например, в «Памяти старостам дворцовых волостей Бору Иванова и Никольской 1682 года» ставится вопрос об охране рыбы, выловленной про государев обиход. Сторожами «его великого государя погонные живые рыбы» были целовальник И. Васильев и солдат С. Назарьев. Указанным старостам с каждой волости предписывалось приставить к сторожам дополнительно по одному человеку из числа «добрых людей», чтобы беречь рыбу «накрепко, днем и ночью» [13, с. 212–213]. Они же, в свою очередь, приставили к сторожам детей, по документу – «робят малых», которые «от сторожи рыбы отходят прочь» [13, с. 212–213]. Из данного царского указа следовало, что старосты должны усилить охрану государевой рыбы: «Если государевой живой рыбе учинится какая поруха, то вам от великого государя царя Федора Алексеевича быть в пене и в жестоком наказанье, без пощады, и та государева уловная рыба направлена будет на вас, старостах, и на крестьянех» [13, с. 212–213].

На мирском сходе старосту избирали из числа лучших, пожилых, добрых людей. Выбирали, прежде всего, тех, «кому меж себя верят» [5, с. 80]. Староста был первым лицом сельской общины, занимал видный, но ответственный и хлопотливый пост, на который выбирались особенно надежные люди. Выборы старосты на сходе происходили при более многочисленном стечении избирателей, которые сходились не на один день для обсуждения выставленных кандидатур. Такое обсуждение проходило не всегда спокойно. Избрание старосты закреплялось приговором, в котором перечислялись имена избирателей, как людей ответственных за достоинства избираемого, и перечислялись обязанности нового старосты. Главной задачей старосты было «служить и о государских, и о всяких мирских делах радеть» [5, с. 92]. Определялись взаимоотношения старосты и мира: «во всем его, старосты слушать и по наряду на сходы ходить» [5, с. 93].

Мир крепко держался своего права выбирать старосту, так как имел все основания опасаться ставленников администрации. Старостой утверждали того, «кому они всем миром во всяких государских делах верят и в своих мирских делах поверили» [5, с. 93]. Староста выбирался ежегодно с 1 сентября, с началом новолетия.

Общественная работа занимала у старосты все время. Через старосту объявлялись царские указы, распоряжения приказа. От него власти получали нужные сведения, касающиеся жителей города или волости. Староста подавал сведения о жителях.

Во многих случаях староста был агентом власти полицейской или финансовой. Он вел предварительный допрос задержанного преступника или буяна, при дальнейшем разбирательстве дела фигурировал в качестве свидетеля [5, с. 95]. К старосте приходили дворцовые крестьяне и посадские люди со своими заявлениями и жалобами, и староста должен был все это записывать для дальнейшего судопроизводства. Староста обязывался следить за противопожарным состоянием селений, а в случае пожара организовывал совместно с жителями его тушение.

На старосту возлагалась обязанность следить, чтобы в селениях не появлялись посторонние люди без явки в съезжей избе. Староста с приставами совершал ночные обходы, чтобы удостовериться в отсутствии чужих людей [5, с. 96].

Старосте поручалось производить взыскание по искам. За долги он производил продажу имущества неисправного должника, движимого и недвижимого, при продаже двора на воротах делалась соответствующая надпись. Староста следил, чтобы дворцовые крестьяне и посадские люди не покидали царской вотчины, наоборот, чтобы она пополнялась новыми жильцами [5, с. 98]. Староста заведовал сбором и расходованием мирских денег. Приняв от своих предшественников окладные книги, он составлял для мирских сборщиков сборные выписи из этих окладных книг. На собираемые с мира деньги содержалась съезжая изба, покупались дрова, бумага, чернила, свечи, платили жалованье подьячему и приставам, тем жителям, которые состояли на дворцовых службах, отвлекавших их от основных занятий. Крупной статьей расходов были подношения «начальным людям» [5, с. 99].

Десятники, пятидесятники и сотники несли ответственность перед управителем за повседневную жизнь крестьянской общины, чтобы никто из крестьян не принимал у себя беглых, не вел запретных торгов, не занимался корчемством, чтобы все исправно посещали церковь. Обо всем выборные давали управителю еженедельные отчеты [8, с. 311]. Старосты вместе с приказчиками и воеводами наблюдали за всеми видами вотчинных работ. Старосты с целовальниками собирали деньги на различные волостные расходы. Целовальники вели ужиномолотные книги. Им же поручалось вести финансовый учет – «сборные книги» [14, с. 815]. Выборные от крестьянства занимались сбором податей. В дворцовых селениях, где были кабаки и торги, из крестьян выбирались таможенные и кабацкие сборщики.

Наблюдение за выполнением повинностей и их раскладку вели выборные от крестьянского мира «окладчики». В каждой из дворцовых волостей имелись выборные люди, ответственные за те или иные

направления дворцового хозяйства. За дворцовыми лугами наблюдали выборные из крестьян «лужники», за посевами – «польники», за конюшнями – «конюшенные подрядчики», за скотными дворами – «скотские» [8, с. 312].

На съездем дворе дворцовой Городецкой волости Балахнинского уезда выбирались крестьяне, которые вместе с земским старостой были ответственны за поставку рыбы «про государев обиход» [15, с. 1369]. 20 ноября 1668 года из приказа Тайных дел была послана «память» земскому старосте Ивану Яковлеву и крестьянину М. Чернышеву о поставке в Москву живой рыбы по первому зимнему пути на крестьянских подводах [15, с. 1369].

Крестьянская община несла ответственность за тех дворцовых крестьян, которые призывались и на государевы работы. В делах Тайного приказа значится, что в августе 1667 года крестьяне дворцовой Городецкой волости, перевозившие на стругах государев хлеб, сбежали [14, с. 815]. Их «поручниками» выступила крестьянская община, собравшая по указу царя Алексея Михайловича деньги за ущерб, нанесенный государеву делу и на наем рабочей силы, в количестве 429 рублей 16 алтын 4 денег [14, с. 815].

В помощь вотчинному аппарату управления привлекалось крестьянство. Вотчинные чиновники использовали крестьян для сборов всевозможных платежей [8, с. 311]. Зажиточная часть крестьянства была заинтересована в своевременном внесении платежей, в случае неуплаты их бедняками, «доимки» раскладывались на имущих. Институт выборных оправдывал себя.

Мирской сход, как правило, выносил только те решения, которые были выгодны для небольшой группы «лучших людей» [5, с. 105]. Мирской сход представлял собой местное самоуправление. Мир мог объявлять приговоры, обязательные для всех тягловцев, мог подавать челобитные во все инстанции, получать особые права и льготы [5, с. 74]. Нередко мир мог действовать как юридическое лицо, мог заключать коммерческие сделки, владеть недвижимостью, брать обязательства, оформляя их на имя старосты [5, с. 74].

Выборные лица посадской и волостной тяглых общин вместе со всем «миром» производили разверстку повинностей между отдельными плательщиками, так называвшийся «разруб повинностей» [1, с. 389]. Все выборные представители выполняли свои обязанности исправно, входили в контакт с вотчинной администрацией. Крестьянская община находилась в руках зажиточного крестьянства. Мирской крестьянский сход защищал собственные интересы, раскладывал подати и повинно-

сти, «смотря по пожиткам», что в определенной степени спасало бедняцкую часть от полного разорения.

Воевода (приказчик) контролировал деятельность мирских выборных властей. «Мир» не был однороден и не противостоял воеводе как нечто целое. Внутри «мира» происходила острая борьба богатых людей со средними и беднейшими.

В приказной избе решались насущные вопросы местного населения. В 1672 г. в судную избу Заузовской волости Балахнинского уезда и в приказную избу дворцового города Балахны обращались архимандрит Иосиф и келарь старец Дионисий из Нижегородского Печерского монастыря. Они добивались разрешения на пользование лесами дворцовых Толоконцевской и Заузовской волостей и на сбор «полесной пошлины» с нижегородских посадских людей, на условии ежегодной уплаты оброка «по осемнадцати рублев з гривною» [2, л. 1]. В результате к прежней данной памяти воевода Заузовской волости И.С. Романчуков «печать приложил»: было дано воеводское согласие на право пользования Печерским монастырем лесами Заузовской и Толоконцевской волостей «от Нижнего Новгорода по Волге, на низ до реки Керженца, и вверх до реки Линды, про монастырский их, и монастырских их крестьян, про обиход всякой угодной лес, и дрова рубить, и вывозить до срока за тем же оброком по 181 (1673) год» [2, л. 1].

В ноябре 1679 г. «в приказной избе у Николы на Бору» (у Никольско-Знаменского храма) дворцовой Толоконцевской волости Балахнинского уезда обсуждались вопросы о взаимоотношениях с властями Нижегородского Печерского монастыря и запрете «безъявочно», самовольно вступаться «монастырским слугам, крестьянам, бобылям в леса Толоконцевской волости, пользоваться бревенным и дровяным лесом и всякими лесовыми припасами» [16, с. 242–243].

Во время проведения переписи Городецкой волости в 1680–1684 гг. писцом Алексеем Давыдовым и подьячим Михаилом Протопоповым на съезде двора принимались челобитья от волостных жителей. В частности, к ним обратились священники церкви Живоначальной Троицы и некоторые прихожане с просьбой строить церковь теплую каменную [3, л. 17 об.].

В приказной избе решались судьбы дворцовых крестьян. В феврале 1696 года в приказную избу Толоконцевской волости, что в селе у Николы на Бору, к воеводе стряпчему Кормового дворца Ивану Матвеевичу Волученинову обратился крестьянин деревни Содомово (той же Толоконцевской волости) Ф. Лазарев, пожелавший выдать замуж свою сестру М. Лазареву за крестьянина В. Ортемьва из деревни Святица Нижегородского уезда из вотчины Макарьевского монастыря [17, л. 1].

Воеводой Толоконцевской волости Балахнинского уезда была дана «выводная память», и «выводные деньги» взяты [17, л. 1].

В приказной избе проводились разбирательства по разбоям, убийствам, грабежам, совершенным дворцовыми крестьянами. Так, в мае 1708 г. в приказную избу дворцовой Толоконцевской волости поступило челобитье от властей Макарьевского монастыря, согласно которому «неведомые воры разбили деревню монастырскую Нижний Красный Яр и крестьянина Федосея Терехихина изрубили досмерти, и крестьянские всякие пожитки пограбили без остатку» [18, л. 1].

Таким образом, съезжая изба являлась основным правительственным учреждением в дворцовых городах, волостях и селах. Здесь решались спорные и судебные дела населения. Приказная изба служила местом сбора крестьянской или посадской общины.

Источники и литература

1. *Богоявленский С.К., Веселовский С.Б.* Местное управление // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. Под редакцией А.А. Новосельского, Н.В. Устюгова. М., 1955.

2. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 579. Оп. 589. Д. 364.

3. ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 26.

4. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Пг. – Киев, 1915.

5. *Богоявленский С.К.* Научное наследие. М., 1980.

6. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Д. 15651.

7. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. 1. М., 1918.

8. *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964.

9. Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков: В 9 тт. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985.

10. 1679 г. июня 30. – Наказ Борису Васильеву по должности сотского дворцовой волости Бору Иванова // Дополнения к Актам Историческим, собранным и изданным Археографической комиссией (далее – ДкАИ). Т. 8. СПб., 1862.

11. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 тт. Т. 11. М., 2003.

12. 1683 г. сентября. – Воеводский наказ Николаевской дворцовой волости крестьянину Михайлу Захарову, о должности волостного

сотского // Акты Исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. СПб., 1842.

13. 1682 года апреля 7. – Память старостам дворцовых волостей Бору Иванова и Никольской, о назначении исправных сторожей к наловленной живой рыбе // ДкАИ. Т. 9. СПб., 1875.

14. Дела Тайного приказа // Русская Историческая Библиотека, издаваемая Императорской археографической комиссией (далее – РИБ). Т. 23. Кн. 3. СПб., 1904.

15. Дела Тайного приказа // РИБ. Т. 21. Кн. 1. СПб., 1907.

16. 1679 года ноября 20 д. – Память путного ключника Кругликова архимандриту Варлааму о том, чтобы крестьяне монастырские безъявно в леса Толоконцевской волости не ездили // Титов А. Акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. М., 1898.

17. ЦАНО. Ф. 998. Оп. 588. Д. 417.

18. ЦАНО. Ф. 998. Оп. 588. Д. 655.

ТУРУНОВ ОБРАГ

А.В. Данилов

Самое раннее описание территории Нижнего Новгорода содержит Писцовая книга 1621–1629 годов (далее – Писцовая книга), где среди прочих назван ныне забытый нижегородский топоним «Турунов враг». Примечательно, что упоминается он только в описи острогов, которая представляет собой независимое включение в общий текст этого письменного памятника.

«Да в Нижнем же Новгороде острог стоячей ..., от Егорьевской каменной башни по Егорьевской стороне, а от Егорьевской стороны к Черному пруду, а от Черного пруда к Почайне и через Почайну поперег Ямское улицы и к Турунову врагу и по Турунову врагу на низ по гребени и по берегу Оки реки мимо Степановской двор Хохолкова и до Волги реки» [1, стб. 15]. «А около того острогу на верхнем посаде, съ-Егорьевской от уголки проезжие башни до Почайны, а от Почайны до Турунова врага выкопанъ ров большой в ширину сажени в четыре, а в глубину в две сажени, инде болши, инде менши» [1, стб. 16].

В историографии топоним «Турунов враг» отдельно никогда не рассматривался. Краткие упоминания о нем встречаются исключительно в исследованиях, описывающих деревоземляные укрепления нижегородских острогов XVI–XVII вв. Представляется, что этот топоним может скрывать массу ценной информации, способной пролить свет на

ранее неизвестные страницы истории нашего города. В данной статье мы попытаемся определить его точное местоположение и выяснить происхождение названия.

До публикации Писцовой книги по Нижнему Новгороду в 1896 г. упоминания о «Турунове враге» нигде не встречаются. Возможно, впервые этот топоним называет С.М. Парийский, пытаясь определить местоположение внешнепосадских укреплений Нижнего Новгорода, ошибочно связывая его расположение с Похвалинским съездом и «Старым острогом» [2, с. 150].

Местоположение «Турунова врага» длительное время оставалось неопределенным, перемещаясь в зависимости от умозаключений авторов относительно их представлений, где должны были находиться периметры нижегородских острогов. И.А. Кирьянов определил место выхода линии стен «Нового острога» (переименованного им в «Малый») у «Турунова врага» в конце ул. Урицкого (современная ул. Сергиевская), полагая, что «на месте существовавшего здесь рва развился небольшой отрог оврага» [3, с. 40]. Возможные причины таких метаморфоз проясняет В.Ф. Черников, который, полемизируя с Кирьяновым по проблеме «старого городка», увязывает «Турунов враг» со «старинной осыпью» в основании «Нового острога» и самим «старым городком» [4, с. 108, 113]. То есть не «Турунов враг» определял местоположение «Нового острога», а, наоборот, овраг подгонялся под представления о том, где должны были проходить периметры внешних дерево-земляных укреплений в привязке к проблеме «старого городка». Вероятно, поэтому его и отодвигали как можно дальше от кремля и истинного местоположения указанного в Писцовой книге.

XXI в. ознаменовал собой новый всплеск интереса к проблеме нижегородской средневековой фортификации и исторической топографии. Наиболее яркой работой по этой теме, стала вышедшая в 2010 г. книга С.М. Шумилкина, иллюстрированная новым картографическим материалом, который представляет большую ценность [5, с. 19, 20, 22, 30, 31]. Здесь мы обнаруживаем наиболее точное отражение большинства топографических указаний Писцовой книги. «Турунов враг» обозначенный на рис. 10, находится там, где он и должен быть [5, с. 30]. В тексте исследования автор не дает никаких пояснений, по каким причинам на карте расположен тот или иной топоним, включая и интересующий нас объект. Высокая точность иллюстративного материала (на сегодняшний день, это самые лучшие карты по исторической географии Нижнего Новгорода), заставляет предполагать очень тщательную проработку данных Писцовой книги, которые, к сожалению, остались за кадром.

Точное местоположение Турунова врага можно определить несколькими разными способами, опираясь на сведения рассматриваемого письменного памятника:

1) По соотношению Ильинских ворот «Нового острога» с прилегающими территориями.

Например, в столбце 160 («верхний посад») говорится: «Едучи из-Ыльинских ворот, из Нового острогу, Большою ж Ильинского улицею на право к Петушкову в первой переулоч...» [1, стб. 160].

Исходя из данных этого указателя, можно определить, что линия стен у Ильинской проездной башни «Нового острога» не охватывала район «Петушково». Единственным оврагом отделяющим «Петушково» от той части Ильинской горы, что была защищена «Новым острогом», был современный Почтовый съезд (бывший Успенский съезд). Следовательно, это и есть искомый «Турунов враг». Повернуть «на право к Петушкову» с Ильинской улицы можно только при движении к «Старому (Большому) острогу» (т.е. повернувшись спиной к кремлю) от перекрестка с современным Почтовым съездом, вблизи с которым, скорее всего и стояли проездные «Ыльинские» ворота «Нового острога».

2) По упоминаниям стен «Нового острога» при описании торговых рядов и «зарядья».

1. «По берегу Оки ж реки, подле нового острогу, а отъ нового острогу по за-рядью к Большой Кузмодемьянской улице» [1, стб. 124].

2. «От нового острогу по Почайне вверх...» [1, стб. 269].

3. «Да по конец ряду к новому острогу, от земские избы по правой стороне, избы харчевные...» [1, стб. 271].

4. «за Новым острогом на пойме лавочные места» [1, стб. 274].

5. «Да за Новым же острогом за Почайнскими острожными вороты по песку харчевни» [1, стб. 275].

6. «Да за новым острогом на берегу Волги реки по песку анбарыки, и лавочки, и шелаши...» [1, стб. 272].

7. «в Лоточном ряду ис полого места подле Нового острогу» [1, стб. 274].

8. «в Лоточном же ряду подле самого Нового острогу...» [1, стб. 274].

9. «за Новым острогом на пойме лавочные места...» [1, стб. 274].

Применительно к современной планировке по ул. Рождественской «Новый острог» упоминается только вдоль Нижне-Волжской набережной на участке между ул. Широкая и переулком Вахитова. К западу от современного Речного вокзала (что напротив Почтового съезда) в направлении Благовещенского монастыря, какие-либо отсылки на это прибрежное укрепление в Писцовой книге отсутствуют. Кос-

венно это указывает на то, что вся западная половина современной ул. Рождественской в прошлом находилась за пределами «Нового острога». Будет правильным предположить, что и «Турунов враг» должен был находиться в районе современного Почтового съезда. Примечательно, что «опись торговых рядов» и «зарядья» изобилует отсылками на прибрежные стены острога, когда в «описи острогов» его якобы «вымыло болшою вешнею водою» [1, стб. 16].

3) По соотношению двора и амбара Олексея Маслухина с «Новым острогом».

Среди объектов, располагавшихся «Против новые острожные стены», значится амбар «посадцкого человека Олексея Маслухина, а поставлен на дворовом месте для запасу» [1, стб. 114]. Сам этот «двор с огородом и с садом» располагался на «Успенской улице» [1, стб.105], вблизи церкви «Успенья Пречистые Богородицы» [1, стб. 104], что на Ильинской горе.

Примечательно, что рядом с дворовым местом Маслухина в «Успенском враге» было сосредоточение амбаров (в количестве десяти) [1, стб. 278–279], которые вошли в отдельную опись «солоданных амбаров и мыльных поварен» на «дворах посадских и всяких людей» [1, стб. 277–282]. Пять из этих десяти дворов с амбарами отмечены в указателе между подворьем Свяжского монастыря, что на Гремячем ручье и «Новым острогом», что на нижнем посаде на «Большой улице на вымле» [1, стб. 172–173]. Применительно к современной застройке здесь явно подразумевается квартал при спуске с Почтового съезда по левой стороне до пересечения с ул. Рождественской. Это означает, что под термином «овраг» следует понимать достаточно обширную прилегающую к съезду территорию до совр. ул. Рождественской. Исходя из этих данных, следует, что линия стен «Нового острога» проходила в непосредственной близости от современного Почтового съезда (Успенского оврага).

4) по двору Богдана Суботина.

Соседом Олексея Маслухина на Успенской улице был посадский человек Богдан Суботин, двор которого был «взят под новой острог» [1, стб. 105, 174]. Та же участь постигла его избу «на Большой улице против нового острогу» (т.е. на перекрестке современных ул.Рождественской и Почтового съезда), что стояла рядом с дворами вышеописанных солодеников, чьи амбары локализованы, как находящиеся в «Успенском враге» [1, стб. 278]. Благодаря этим данным тождественность «Турунова» и «Успенского» оврагов не вызывает сомнения. Здесь же обнаруживается разновременность отдельных отрывков описания дворовой застройки на Успенской улице и прилегающей

территории нижнего посада, часть из которых явно была сделана еще до постройки «Нового острога» в 1618 г.

5) По соотношению линии стен «Нового острога» с дворами Степана Хохолкова и Ивана Кириллова с Козьмодемьянской церковью.

В описи острогов указано прохождение периметра стен и нижнепосадской проездной башни вблизи одного очень примечательного дворового места:

1. «Да на нижнем посаде подле Степановского двора Хохолкова башня рубленая с верхним и с нижним боем, а в ней ворота проезжие» [1, стб. 15].

2. «и по берегу Оки реки мимо Степановской двор Хохолкова и до Волги реки» [1, стб. 15].

Значение фразы «по берегу Оки» раскрывает указатель в стб. 112 («нижний посад») – «По берегу Оки реки по Большой Кузмодемьянской улице, от новых от острожных ворот идучи к Кузмо-Демьяну и в ряд: дворик Нижегородца сына боярского Ивана Кирилова сына Степанова, взято было под острог, а от острогу полторы сажени, а по скаске старинное его место» [1, стб. 112]. То есть под «берегом Оки» следует понимать Нижний посад, а не речную береговую кромку.

Приблизительное местоположение Козьмодемьянской церкви нам известно, оно и послужит ориентиром [5, с. 30]. Между «новых острожных ворот», что на «Большой Кузмодемьянской улице» (современная ул. Рождественская) и этой церковью располагались три двора (Ивана Кирилова, Петрушки Яковлева, Пашки Фомина) [1, стб. 112]. Используя указания размеров обычного двора в самой Писцовой книге – 16 сажень, что составляет около 35 метров (указания на размеры дворов содержатся в стб. 59, 81, 90, 91, 110, 119, 120, 127, 128, 164), мы можем вычислить расстояние от Козьмодемьянской церкви до «новых острожных ворот». Умножив 35 на 3, получим 105 метров. Приложив начальную точку отсчета от южного части современного здания «Теплоэнерго» (где, приблизительно, когда-то стояла Козьмодемьянская церковь), пересекая пл. Маркина, мы получим достаточно точное местоположение проездной башни рядом с домом 24в по ул. Рождественской, около трамвайной остановки «пл. Маркина» у фонтана, не доходя около 50 метров до достопримечательного «Доходного дома Блинова» и современного проезда, соединяющего ул. Рождественскую с Нижне-Волжской набережной. Памятник героям Волжской военной флотилии и главный вход в здание Речного вокзала должны находиться почти на одной линии со стенами старинного укрепления (см. рис.). Разумеется, необходимо учитывать некоторую степень погрешности в определении

расстояния от Козьмодемьянской церкви до «новых острожных ворот», которую можно оценить в 20–50 метров. В любом случае, это западная часть современной площади Маркина. Несмотря на все условия, приведенные расчеты убедительно доказывают, что «Турунов враг» мог находиться только на месте современного Почтового съезда (Успенского оврага).

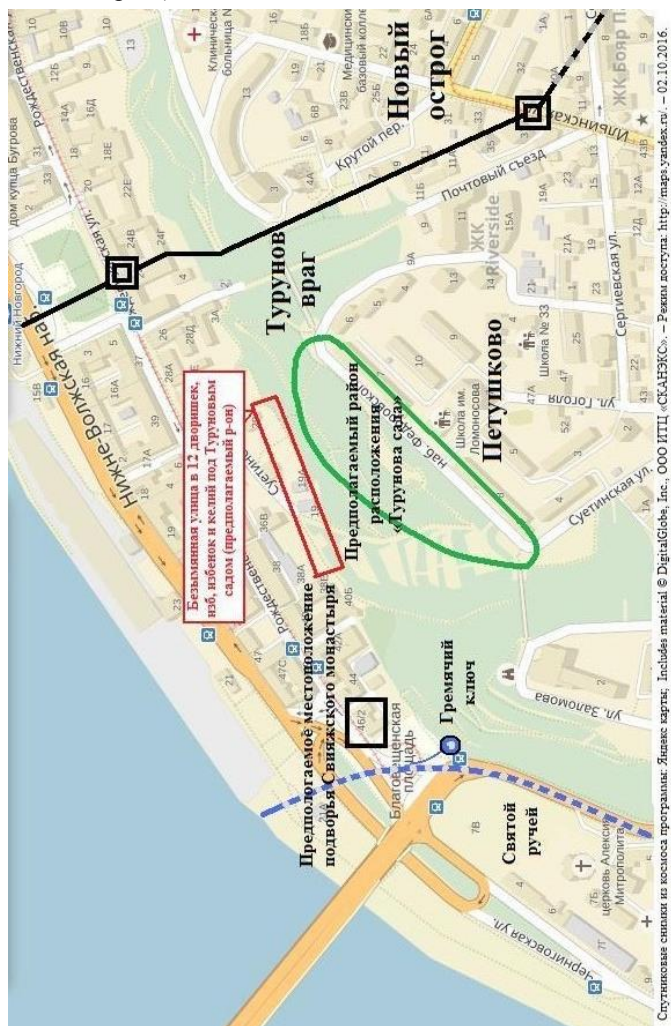

Рисунок. Предполагаемое расположение Турунова оврага на современной карте Нижнего Новгорода

Рядом с «башней рубленой с верхним и с нижним боем, а в ней ворота проезжие» находился «Степановский двор Хохолкова» [1, стб. 112]. Этот двор не случайно привлекает особое внимание. Дело в том, что в Писцовой книге он упоминается лишь дважды, и оба раза в острожной описи, в той ее части, которая касается «Нового острога». В основном тексте Писцовой книги двор Степана Хохолкова больше нигде не встречается. Однако при описании нижнего посада «подле самого острогу по левой стороне от ворот» писцы указали двор «посадцкого человека Логинка да Пашки Степановых детей Хохолкова, з денги, молотчие» [1, стб. 112]. Очевидно, что в качестве владельцев двора указаны уже сыновья того самого Степана. Из чего мы можем предположить, что текст острожной описи относится к более раннему времени, когда владельцем этого знакового для нас двора был сам Степан Хохолков. Новый острог был построен в 1618–1619 гг. Предположительно тогда же и была составлена «острожная опись». К 1621–1622 гг. (времени работы писцов под руководством Дмитрия Васильевича Лодыгина) Степан Хохолков, надо полагать, уже умер. Это очень важная хронологическая зацепка, которая позволяет объяснить некоторые логические и хронологические нестыковки текста Писцовой книги, которая в изобилии содержит разновременные включения приправочного материала из более ранних писцовых книг и других документов. Списки и указания на такие включения приправочных материалов обнаруживаются на страницах рассматриваемого письменного памятника (писцовая книга Григорья Заболотцкого 1565 года, «новые» писцовые книги Василия Борисова, да подьячего Третьяка Обрамова 1588 года; нижегородские посадские книги, сделанные с книг дьяка Семейки Сумарокова 1591 года; платежные книги Нижегородского уезда и др.) [1, стб. 81, 82, 87, 137, 148, 164, 183, 192, 193, 210, 222, 226, 255, 299, 305–310, 311, 317].

Использование писцами лодыгинской группы в 1621–1622 гг. так называемых «приправочных книг» имеет один очень важный аспект. Из контекста «росписи сошному письму» следует, что перед писцами была поставлена задача не просто упорядочить налогообложение в Нижнем Новгороде, но представить данные до и после «Московского разоренья». Возможно, это было необходимо для проведения сравнительного анализа последствий «Смутного времени» на хозяйственное состояние жителей города, сыгравшего одну из ключевых ролей в изгнании интервентов и освобождении Москвы [1, стб. 191–192]. Исходя из чего мы можем предположить, что «приправочный» объем очень значителен. Этим и объясняются многие аномалии дублирующих упоминаний одних и тех же людей и объектов. Используя повторы описа-

ния одних и тех же дворовых мест, которых в тексте Писцовой книги удалось насчитать более пятисот, можно определить и местоположение двора Степана Хохолкова. Его соседом был посадский человек «Митка Романов, с полушки худ» [1, стб. 112]. В следующем указателе, близ церкви «Козмы и Дамьяна через Большую улицу в переулок, что позади Большие улицы, к новому острогу» мы находим двор Кузьмодемьянского попа Микиты Романова, по скаске изстари бывало тяглое место [1, стб. 113]. Разница в написании имен не должна смущать, поскольку в Писцовой книге подобное встречается часто. Вероятно, это один и тот же человек, но в разном налоговом состоянии. Еще один двор, возможно, того же Митки Романова вписан в блок из 29 стрелецких, посадских и иных мест как бы противолежащих четырем кузницам близ Ильинской церкви (с размерами одной кузницы «вдоль и поперек две сажени») [1, стб. 108]. Разумеется, что такое количество жилых строений не могло уместиться на столь маленьком участке и по большей части являются разновременными повторными включениями. Даже с учетом такой неопределенности, по карте вычисляем, что Ильинская церковь отстояла от Козьмодемьянской примерно на 250 метров, благодаря чему можно уверенно локализовать место проживания соседа Степана Хохолкова – Митки Романова в обозначенном квадрате. Эта территория располагается к востоку от современного Почтового съезда, что подтверждает вышеозначенную версию о расположении «Турунова врага».

В описи «солодьянных амбаров и мыльных поварен» [1, стб. 277–282] в отношении дороги, проходившей на месте современного Почтового съезда, писцы использовали уже другое название – «Успенский враг» [1, стб. 278]. С полной уверенностью мы можем утверждать, что происхождение второго названия оврага связано с располагавшимся здесь монастырем, который между 1606 и 1621 гг. был преобразован в приходскую церковь Успения Божией Матери. На последнее обстоятельство указал еще Н.И. Храмцовский: «В тарханной грамоте, данной от царя Василия Ивановича Шуйского, соборам Преображенскому и Архангельскому августа 19-го 1606 года, между прочим говорится: “А с соборными спасским и архангельским протопопы и с братиею служити обедни и панихиды пети, вместе, Печерскаго монастыря архимандриту, да Успенскому да Семеновскому игуменом и проч.”; но в 1621 году монастырь уже не существовал» [6, с. 282].

Надо полагать, что название «Успенский враг» (будущего Успенского и Почтового съезда) в 20-х гг. XVII в. пришло на смену «Турунову», и это проявилось благодаря разновременным включениям приправочного материала в тексте Писцовой книги.

Особое внимание привлекает название оврага – «Турунов». При первом рассмотрении возникает соблазн пуститься в романтически-умозрительные лингвистические исследования происхождения слова «Турунов», которые в силу огромной вариативности не дают никакого положительного результата. Более прозаичный ответ нашелся в самой Писцовой книге. В описи нижегородских посадов наименование «Турунов враг» более не встречается, зато там указан «Турунов сад» [1, стб. 166]. Было бы странным ожидать в фискальном документе XVII в. лирических отступлений на ландшафтные темы. Все упоминаемые там сады и огороды имели своих владельцев и шли в привязке к дворовым владениям. Следовательно, нужно искать хозяина «Турунова сада» в описи дворовой застройки нижнего посада вблизи от «Турунова врага».

Человека с фамильным прозвищем «Турунов» или «Турун» в тексте Писцовой книги не значится, но это не значит, что его не было. Порой имена искажались до неузнаваемости [7, с.154–163].

Например, среди владельцев «солодянных амбаров», стоявших в «Успенском враге» на «дворах посадских и всяких людей» [1, стб. 278–279], только четверо повторно описаны под своими прежними именами. Фамильные прозвища остальных шестерых искажены. Немчин Иван Бейрад назван как «Немчин Иван Барнар», Иванка Захаров – как Ивашка Захарьев, Дейка Таратухин – как Дейка Тарабукин [1, стб. 168, 172–173]. Последний интересен еще и тем, что имел родственников пушкарей «Фетку» и «Ортюшку» Таратухиных (в Дмитровской и Спаской башнях), собственную вдову «Овдотьицу», келья которой (какое совпадение) располагалась под «Туруновым садом» рядом с избой «посадцкого человека Федотки Тарабукина» [1, стб. 12, 14, 166, 172].

Последнее обстоятельство заставляет всерьез предположить, что амбар Дейки Таратухина, стоявший на его дворе в Успенском овраге, и отсылка на его же вдову, жившую под «Туруновым садом», имели между собой некую связь. Предположительно, этот загадочный «сад» тянулся вдоль кромки петушковского отрога Ильинской горы [8, с. 45] (Черников называет это Сергиевской горой) [4, с. 113] и территориально соединялся с Успенским (Туруновым) оврагом.

Судя по сохранившемуся плану 1700 г., конфигурация садовых и огородных мест в Нижнем Новгороде XVII в. могла быть весьма причудливой с протяженностью не на одну сотню метров. Начало садового участка могло быть на Варварке, а конец на Звездинке (см. План-чертеж 1699 г.) [9, с. 287, 322]. Безымянная улица в 12 дворишек, изб, избенок и келий, что тянулась «вверх, в пригоре под Туруновым садом», косвенно указывает на значительную протяженность этого

объекта [1, стб. 170]. Длина современной набережной Федоровского вдоль кромки откоса Сергиевской горы (Петушково) составляет около 300 метров (см. рис. 2). Определенное сходство наблюдается с противоположной (ост-норд-ост) стороны Успенского (Турунова) оврага, где точно так же по склону Ильинской (Успенской) горы тянулся «сад с огородом» Олексея Маслухина, а под ним располагались 12 дворов и дворишек [1, стб. 105, 114].

У подножья Сергиевской горы [4, с. 113], недалеко от Рождественской церкви в «Тупом переулке» отыскалась «избенко Немчина Янки Турова, Немецкое место» [1, стб. 170]. Здесь же близ подворья Свяжского монастыря существовал «дворишко вдовы Ульяницы Третьяковской жены Торунтаева» [1, стб. 167].

Сходных имен с «Туруновым» предостаточно, и, что примечательно, все они концентрируются примерно в одном и том же районе нижнего посада между Гремячим (Святым) ручьем и Успенским оврагом, неподалеку от «Турунова сада». Исходя из этого, можно уверенно выдвинуть патронимическую версию происхождения исследуемого топонима.

Окружающая застройка этой части нижнего посада пестрит упоминаниями на «изстари» немецкие дворовые владения, вероятно, существовавшие здесь со времен Немецкой слободы XVI в. на Ильинской горе (на месте которой в середине XVI в. возникла «Ямская слобода») [8, с. 44]. Не исключено, что фамильное прозвище «Турунов» имеет немецкое происхождение. Если его носитель после принятия православия сменил имя, мы уже не сможем отыскать его среди других посадских людей. Текст Писцовой книги содержит в себе большое количество шарад относительно повторных упоминаний одних и тех же людей, которые, к тому же, могут иметь отдельно живущих собственных вдов. Есть и противоположные случаи, когда однажды упомянутые владельцы торговых мест или амбаров как бы божжи, не имеющие своих дворов и налогооблагаемой прописки. Но самые интересные метаморфозы происходили с проживавшими в немалом количестве в Нижнем Новгороде немцами, которые вследствие ассимиляции становились «посадскими людьми», как например «Олеимка Юрьев Немчин» [1, стб. 163].

Возможно, столь прозаичное объяснение этимологии загадочного топонима разочарует читателя, но именно такой подход позволяет по-новому взглянуть на историю нашего города.

Выводы:

1. Местоположением «Турунова врага» следует считать современный Почтовый съезд.

2. Наиболее вероятно, что название «Турунова врага» является патронимом.

3. С высокой долей уверенности можно сказать, что «Турунов враг» не был древним нижегородским топонимом и просуществовал относительно небольшое время.

4. Представляется, что влияние служилого немецкого населения в Нижнем Новгороде в XVI – начале XVII в. было более значительным, чем это представлялось ранее.

При исследовании древних нижегородских топонимов складывается впечатление, что мы, вероятно, не совсем верно трактуем сам подход к изучению их проблематики. Нельзя исходить из современного понимания эволюции этих процессов. Степень устойчивости в названии того или иного географического объекта видимо была еще очень низкой и они быстро менялись в зависимости от сиюминутного прикладного назначения. Все указывает на то, что до XVII в. топонимика Нижнего Новгорода имела большее сходство с современным гарнизонным городком (военной базой), а не крупным торгово-ремесленным центром, как рисуется в отечественной историографии.

Источники и литература

1. Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, изданные Археографической комиссией / А. Лаппо-Данилевский. СПб., 1896.

2. *Парийский С.М.* Рост Нижнего-Новгорода по данным его хорографии // Нижегородский краеведческий сборник (Труды Нижегородского научного общества по изучению местного края). Т. 2. Н. Новгород, 1929.

3. *Кирьянов И.А.* Старинные крепости Нижегородского поволжья. Горький, 1961.

4. *Черников В.Ф.* К вопросу о датах строительства деревоземляных укреплений в Новгороде Нижнем // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород, 2010.

5. *Шумилкин С.М.* Архитектурно-пространственное формирование Нижнего Новгорода XIII – начала XX вв. Н. Новгород, 2010.

6. *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. 3-е изд. Н. Новгород, 2005.

7. *Иванова Г.А.* Указатели к публикациям и справочникам на документы XVI–XVII вв.: проблемы русского средневекового именованья // Материалы XV Всероссийской науч. конф. «Писцовые книги и

другие массовые источники XVI–XX вв.: к столетию со дня рождения П.А. Колесникова». М., 2008.

8. Данилов А.В. Дятловы горы // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов. Вып. 13. Нижний Новгород, 2013.

9. Нижний Новгород в XVII веке: Сборник документов и материалов к истории Н. Новгорода и его округа / под ред. С.И. Архангельского. Горький, 1961.

О ГРЕМЯЧЕМ РУЧЬЕ И ТУРУНОВОМ ОБРАГЕ

Ю.В. Сочнев

Нижегородское историческое краеведение имеет давнюю вполне результативную традицию и, тем не менее, избилует проблемными, дискуссионными вопросами и даже белыми пятнами, над решением которых предстоит потрудиться еще не одному поколению исследователей. С удовлетворением можно отметить расширение круга авторов, занимающихся историей родного края, в том числе и достаточно сложными для изучения вопросами средневекового периода. Занимаясь своими изысканиями по ранней истории Нижнего Новгорода, автор данной статьи обратил внимание на публикацию А.В. Данилова «Дятловы горы» [1], которую не только с большим интересом прочел, но и внимательно изучил. Выбранная тематика исследования в указанной работе представляется актуальной, а сама она, безусловно, заслуживает внимания и позитивной оценки, однако некоторые выводы и результаты исследования А.В. Данилова вызвали вопросы, впоследствии трансформировавшиеся в возражения.

Отправным моментом и главным предметом расхождений стала констатация нашего оппонента о месте протекания Гремячего ручья в Нижнем Новгороде в XVII–XIX вв. Этот сугубо конкретный вопрос имеет большое значение для изучения исторической топонимики Нижнего Новгорода и сопряжен, как увидим, с разрешением ряда других дискуссионных и малоизученных вопросов нижегородского исторического краеведения.

А.В. Данилов безапелляционно поправляет известных нижегородских краеведов: «Н.И. Храмовский ошибочно назвал “Святой ручей” – “Гремячим”, определив его местоположение по Похвалинскому съезду. Ошибка возникла вследствие того, что исследователи XIX в., еще не были знакомы с текстом Писцовой книги. В действительности, упомяну-

тый там “Гремячий ключ” находился в районе современных Гремячего или Квасного переулков на ул. Рождественская. А.С. Гациский дополнил сведения своего предшественника более подробным пересказом легенды о посещении Нижнего Новгорода Святым Алексеем митрополитом Московским (около 1370 г.). Благодаря последовавшим за этим чудесам “и прозвалась та гора Гремячею и тот источник...”» [1, с. 49].

Почему же новый для нижегородской исторической топографии вывод сначала вызвал настороженность, а затем решительные возражения?

Во-первых, потому что опровергаемые А.В. Даниловым оценки и мнения нижегородских краеведов очень устойчивы и единодушны. Такого же мнения, как Н.И. Храмцовский и А.С. Гациский о месте протекания Гремячего ручья придерживался С.М. Парийский [2, с. 152]. Кстати, здесь будет уместно, сказать несколько слов в защиту С.М. Парийского, которого наш оппонент слишком резко и необоснованно обвинил в небрежности («по отношению к терминологии, оставленной предшественниками» всего лишь на основе небольшой неточности в приведении названия ручья [1, с. 50]. Дело в том, что нам не известно в каких условиях и при каких обстоятельствах готовилась весьма популярная статья нижегородского исследователя прошлого века. Слово Гремячий от Гремучий отличается только одной буквой, что вполне могло быть обычной опечаткой. На это указывает повторное употребление С.М. Парийским в своей статье названия ручья при рассмотрении событий уже XIX в. в привычной форме: «За Софроновскою площадью, вверх по Оке к Гремячему ручью, где теперь Похвалинский съезд...» [2, с. 157–158].

Во-вторых, единодушное мнение предшествующих авторов заслуживает большего доверия еще и потому, что оно в значительной степени опиралось на местные традиции, еще сохранявшиеся в их времена, нежели в нашу эпоху асфальта и бетона, застилающего в современном городе остающиеся кусочки живой природы.

В-третьих, опровержение авторитетных мнений предшественников, в соответствии с научными принципами, должно сопровождаться более весомыми аргументами, нежели просто упоминанием Писцовой книги. Кстати все тот же С.М. Парийский активно использовал этот источник, но вот почему этот исследователь не прав в своих выводах, А.В. Данилов не объясняет. Неубедительность позиции нашего оппонента связана еще с тем, что Писцовая книга по Нижнему Новгороду 1621–1629 гг. не содержит никаких определенных указаний на места протекания Гремячего и Святого ручьев. Эти природные водные объекты упоминаются в данном источнике только как топографические

ориентиры, без привязки к конкретным местам. Их места нахождения, как будет показано ниже, могут быть определены только в результате специального локального разбора имеющихся в нашем распоряжении сведений.

В Писцовой книге содержатся всего три упоминания Святого ручья. При анализе этих сведений, как, впрочем, и других, извлекаемых из этого источника, очень важно постоянно иметь в виду район Нижнего Новгорода XVII в., где происходит описание территории. Первое встречается при описании дворов и др. строений посадских людей в верхней части посада, в так называемом Старом остроге, а конкретнее в Телячьей слободе, которая, судя по всему, являлась окраинной селитебной территорией в данном районе. Завершив со слободой, писцы фиксируют поблизости: «Да на Святомъ ручье винокурня, сидять (гоняг или курят – прим. авт.) на ней вино на государевы кабаки. У Святого ручья: дворъ да анбаръ большой Якима Патокина да Дмитрея Борисова, поставлень для ихъ соляного промыслу на купленомъ дворе, а купили у Немчина у Юрья Брилкина, а в немъ живеть дворникъ Ивашко Лукьяновъ» [3, стб. 165].

Второе и третье упоминания Святого ручья приводятся при описании слободы, принадлежащей нижегородскому Спасо-Благовещенскому монастырю. Второе связано с фиксацией двух дворов, относившихся к Благовещенской слободе: «Да на пригоре выше Святого ручья: избенко нищего Менщичка Иванова; избенко Немчина Карла Фрянчуженина» [3, стб. 352].

Третье наиболее обширно: «А по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, а по роспросу и по скаске старожилцовъ учинена межа Благовещенского патриарша монастыря с Нижегородскими с посадскими людми с верхнюю сторону от старого острогу с вершины Святаго ручья, а на вершине поставлень столб, а на нем грань, внизъ Святымъ ручьемъ до Оки реки, а отъ устья Святаго ручья вверхъ по берегу Оки реки по бечеве до старого острогу, а за старымъ острогомъ дворы Немецкихъ людей и Немецкое кладбище» [3, стб. 354]. Из этого текста видно, что Святой ручей начинался на горе вблизи укреплений Старого острога и, стекая вниз, впадал в р. Оку. По нему проходила межа выгонных земель Благовещенского монастыря и посадских жителей. Важно отметить, что приведенные описания не проясняют место протекания Святого ручья, можно только уловить, что это где-то вблизи от Благовещенского монастыря. Вероятно, это и повлияло на выводы А.В. Данилова, определившего: «Этот ручей протекал на месте современного Похвалинского съезда и служил границей владений Благовещенского монастыря» [1, с. 46]. При этом

логично возникает вопрос, а где же тогда протекал Гремячий ручей. Выше была приведена цитата, в которой определено это новое место: «В действительности, ... “Гремячий ключ” находился в районе современных Гремячего или Квасного переулков на ул. Рождественская». Далее в статье нашего оппонента упоминается, что имеются упоминания Гремячего ключа и в других источниках, а не только в Писцовой книге [1, с. 49]. Но отметив эти сведения, автор, по сути, отказывается от их рассмотрения и анализа. Представляется, что обоснование довольно важного вывода, меняющего историко-топографические представления о Нижнем Новгороде в XVII в., не может ограничиться только отсылкой к названию переулка формально получившего наименование в XX в.

Как же фиксируется Гремячий ручей в Писцовой книге, и что это дает для определения его местонахождения? Как ручей, этот водный объект упоминается только один раз при описании территории нижнего посада в Старом остроге: «Отъ Бобаевского възвозу отъ Гремячего ручья к новому жъ острогу на верхней на Большой улице, от Свяжского подворья в пригорь...» [3, стб. 171]. Дважды в описаниях, предшествующих вышеприведенному, объект упоминается как ключ: «Да у Гремячего ключа: ... » и «Да отъ Гремячего ключа улицею к базару дворъ монастырской Пречистые Богородицы свияжского монастыря, а живеть в немъ дворникъ Гришка Козминъ» [3, стб. 166–167]. Как видим, ничего определенного о месте протекания Гремячего ключа-ручья эти сведения не дают, и без привлечения дополнительной информации не обойтись.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению материала, нужно отметить специфику Писцовой книги как исторического источника. Писцовые книги составлялись с вполне конкретной целью – создать точные фискальные документы, на основе которых будут взиматься налоги и распределяться прочие государственные повинности. Это не географический указатель, а тем более не список достопримечательностей города. Писцы не имели задачи дать четко выверенную схему города или зафиксировать все топографические наименования, улицы, переулки и т.д. Отсюда и сложности в анализе и оценке содержащейся в них информации, что еще более усугубляется отсутствием четких ориентиров из-за утраты средневековой городской планировки. Следует иметь в виду, что современный ландшафт сильно отличается от того, какой имел наш город в прошлом. Какое-то представление об этом дает и Писцовая книга, но только при совокупном взгляде на содержащиеся в ней сведения. Немного помогают в этом вопросе труды путешественников. Наиболее показательна, применительно к задачам,

решаемым в данной статье, запись Федора Котова, посещавшего Нижний Новгород в 1623 г. во время путешествия из Москвы в Персию: «Нижний Новгород обнесен высокими каменными стенами, стоит высоко на холмах. Часть посадов обнесена деревянным частоколом, а другие лежат за городом. Здесь сливаются Ока и Волга. Возле посадов выше города меж гор в степь течет ручей, называемый рекой Поганой. Нижний Новгород стоит на горней стороне. Посады находятся в городе, и около города по долам и по обрывам» [4, с. 65]. Обратим внимание на последнее предложение этого описания. В последующем, особенно в результате благоустройства нашего города в XIX–XX вв., его холмисто-гористый ландшафт был сильно изменен и сnivelирован. Отметим также, что решение конкретных историко-топографических вопросов невозможно без привлечения картографических материалов. Имеющаяся в статье А.В. Данилова небольшая схема совершенно бесполезна в этом аспекте. Для правильного понимания сведений Писцовой книги и иллюстрации приводимых аргументов целесообразно использовать исторические планы Нижнего Новгорода XVIII–XIX вв., дающие представление о его ландшафте в предшествующем веке, а самое главное о расположении наиболее крупных оврагов.

Теперь попробуем проверить выводы нашего оппонента о местах протекания Святого и Гремячего ручьев. Для этого пойдем от противного, условно допустим, что Святой ручей протекал в овраге, который позже в XIX в. стал именоваться Похвалинским, как писали практически все нижегородские краеведы. Чтобы понять его действительное местонахождение нужно ясно представить направление в описании посадских строений в Писцовой книге и попробовать локализовать его место. Как уже отмечалось, Святой ручей упоминается при описании территории в верхней части посада, в так называемом, Старом остроге. При этом следует учитывать, что когда писцы добрались до этого района Нижнего Новгорода, большая часть его уже была описана, при этом опись строений здесь велась по направлению: «Отъ старых острожныхъ Ильинскихъ ворот к новымъ к острожнымъ воротамъ и к осыпи на Большой на Ильинской улицы въ Ямской слободе дворы по обе стороны той улицы». Затем писцы «едучи из Ильинскихъ воротъ, изъ Нового острогу» начали описывать строения справа от Ильинской улицы по переулкам. Нас интересует третий «Домрачеев переулок», после поворота в который, и проделанной необходимой работы, писцы затем вышли «на всполье», т.е. на окраину заселенной территории, на это указывает и расположение здесь дома пастуха Поничка, затем они попали в Телячью слободку [3, стб. 163–164]. После описания здесь посадских строений и следует приведенное выше упо-

минание Святого ручья. По всей вероятности, Телячья слобода в дальнейшем дала название Телячьей улице (сейчас ул. Гоголя). Обращает на себя внимание отсутствие в описи находящихся здесь строений упоминаний об остроге, что означает относительную удаленность этой слободы от укреплений посада. Улица Телячья, спрямленная и удлиненная в XIX в., не может быть эталоном для определения размеров Телячьей слободы в XVII в. Ее территория была, конечно же, гораздо меньше и располагалась где-то в середине Телячьей улицы XVIII–XIX вв. Как дополнительное указание на это можно рассматривать фиксацию Телячьего переулка на плане Нижнего Новгорода XIX в.

Разобраться в хаотичной городской застройке прошлого только по описанию для современного жителя Нижнего Новгорода крайне сложная задача, но все же общее направление движения писцов вполне улавливается. Они двигались от Ильинской улицы к реке Оке, приблизительно с востока на запад. Теперь, памятуя наше допущение о верности выводов А.В. Данилова, зададимся вопросом, как можно попасть с территории Телячьей слободы в Похвалинский овраг? (Еще раз оговоримся, что здесь мы используем традиционные для нижегородского краеведения названия оврагов, хотя они и не аутентичны анализируемому источнику). Взглянув на известные специалистам планы и схемы Нижнего Новгорода, констатируем невозможность подобного маневра. При таком движении путник неизбежно упрется в овраг, ныне в значительной степени засыпанный и застроенный, но прекрасно видный на планах предшествующего времени. Этот овраг отделял в XVII в. Телячью слободу от горы Гремячей. Его остатки сохраняются и сейчас, но не имеют какого либо официального названия. С другой (западной) стороны находился Похвалинский овраг, почему эту городскую территорию собственно и можно называть горой. В Писцовой книге непосредственно при описании строений «и на Святом ручье» овраг не фигурирует. Как уже говорилось, писцы не стремились зафиксировать все особенности городского ландшафта, но внимательное прочтение соответствующих столбцов Писцовой книги дает косвенные указания на его присутствие: при описании последней части строений в «Домрачеве переулке» указывается «внизу», затем идут дома на «всполье», упоминание «двора Посничка пастуха» и «дворишко Петрушки Ильина коньского пастуха» [3, стб. 163–164]. Все это указывает на не слишком плотную заселенность и окраинность рассматриваемой территории, что связано с наличием здесь большого оврага и неудобством жилищного строительства. Селитебная земля в этом месте соседствовала с выгонными землями.

Итак, предметный анализ сведений Писцовой книги подводит к выводу о местонахождении Святого ручья в овраге по соседству с Телячьей слободой. Этот овраг при упоминании Святого ручья никак не назван, но в Писцовой книге все же имеется название «Турунов враг», которое может быть с ним связано. Пока не будем вдаваться в детали связанные с его локализацией, это еще один дискуссионный вопрос, вернемся к нему позже. Возможное предположение, что писцы в 1621–1629 гг. после описания Телячьей слободы перешли к району Похвалинского оврага противоречит самой логике изложения материала в Писцовой книге, что становится очевидным при прочтении целостных ее разделов, описывающих значительные районы нижегородского посада в Старом остроге. К тому же такое знакомство явно подводит к выводу о незаселенности в первой четверти XVII в. гор Гремячей, Благовещенской и Гребешка, особенно вблизи острога. Поэтому работы у писцов на данной территории не было. Здесь упоминаются только несколько дворов, относящихся к Благовещенской слободе.

После описи строений на Святом ручье писцы двигаются «направо в тупик в пригор», что опять-таки, пусть косвенно, но указывает на овраг. При этом о приближении к реке сигнализирует упоминание «дворишко посадцкого человека Ларки Волги рыбного ловца». А от Ларкиного двора движение идет «вверх», в пригоре подь Туруновым садомъ». Это довольно примечательная конкретизирующая деталь описания, вновь указывающая на овраг, где протекал Святой ручей. Любопытно, что на одном из планов Нижнего Новгорода XIX в. на горе Гремячей обозначен Садовый переулок. А указание направления описи «вверх» в данном случае позволяет предположительно локализовать это место как часть горы Гремячей. Возможно, это и не была гора в нашем современном понимании, а всего лишь бугор в непосредственной близости с ней, где-то в устье оврага. Что такие бугры, горки, полугорки или, по терминологии писцов, пригоры были характерны для ландшафта Нижнего Новгорода, особенно на прибрежной территории, дают представление гравюры из книг Адама Олеария [6, с. 36–37; 7]. Вспомним еще раз и описание Нижнего Новгорода Федором Котовым. Подчеркнем, что современный вид высокие берега Оки и Волги в черте Нижнего Новгорода обрели в результате многочисленных инженерных работ, направленных на обустройство съездов, борьбу с оползнями, для придания презентабельного вида городу с реки и т.д. Далее в продолжающемся описании читаем: «А с того бугра въ подоле, по берегу Оки же реки ...». Для современного читателя напомним, что подол в древнерусском языке означал «часть древнерусского города, расположенную у подножия горы, на низменном месте, обычно около ре-

ки» [8]. А теперь вернемся к нашему допущению о том, что Святой ручей протекал по Похвалинскому оврагу. В этом случае описанное выше движение писцов из Телячьей слободы неизбежно должно было бы привести их либо в Благовещенскую слободу, либо непосредственно на территорию Спасо-Благовещенского монастыря. Но в рассматриваемом разделе текста Писцовой книги эти объекты не упоминаются, поскольку они описаны совершенно в другой ее части.

Далее за рассмотренным отрывком текста Писцовой книги следует первое упоминание Гремячего ключа, а также фиксация вблизи него двух посадских дворов и избенки стрельца. Более интересно, что здесь же находилась винокурня Якимя Патокина и его компаньона Дмитрия Борисова. Второе упоминание «Да отъ Гремячего ключа улицею к базару...» указывает нам, что этот водный объект достигал прибрежной улицы на нижнем Старом посаде. На противоположной стороне этой улицы находились посадские дворы и амбары уже непосредственно на берегу р. Оки.

Гремячий ручей упоминается и в Нижегородском летописце в связи с нападением татар на Нижний Новгород в августе 1520/21 г.: «И приидоша под городъ того же месяца 28 день на 10-мъ часу дни, быша до вечера, и пошли прочь, и въ верхънем конце сожгли церковь Рождества пресвятыя богородицы да 40 дворов по Гремячей ручей, да Печерской монастырь выжгли же» [9, с. 133]. По традиции данный топоним отразился и в неофициальном названии церкви. В том же Нижегородском летописце под 1653 г. читаем: «Въ Нижнемъ нове городе на нижнемъ посаде Строена церковь Каменная всемилостиваго Спаса зовома что на гремячемъ а строилъ тое церковь Гость Иванъ Гурьевъ блись двора своего» [9, с. 116; 10, с. 95]. В XVIII в. она упоминается в связи с большим пожаром. В комментариях А.С. Гациский отмечал, что: «церковь Спаса стояла на Нижнемъ Посаде, несколько левее теперешней площадки ярмарочнаго плашкоутнаго моста, тамъ, где теперь стоитъ домъ г. Губина, при кладке фундамента котораго рабочими обнаружень былъ и фундаментъ Спасской церкви съ церковнымъ кладбищемъ (отдельныхъ кладбищъ въ Нижнемъ Новгороде не было вплоть до конца XVIII века)» [10, с. 99]. Сохранившиеся до наших времен рукописные записи именно об этой церкви упомянул в своей статье А.В. Данилов [1, с. 49]. На схеме Нижнего Новгорода 1769 г., опубликованной в книге Н.Ф. Филатова [19, с. 10–11], на этом месте указана церковь Спаса (Богоявления) на Гремячемъ ручье, обозначенная там под № 21. Отмеченное расположение церкви (или церквей, поскольку они отстраивались вновь или перестраивались), по всей вероятности, приблизительно указывает на место протекания Гремяче-

го ручья. Чтобы убедиться в этом, нужно еще раз взглянуть на планы Нижнего Новгорода.

Обратим внимание, что два оврага, непосредственно формирующие Гремячую гору – Похвалинский (Гремячий) и Турунов, смыкаются своими устьями у ее подножия, образуя на берегу р. Оки площадку, называемую в Писцовой книге – подол. Эта ровная и удобная городская территория обычно являлась торговой площадью. Нижний Новгород не был исключением, к тому же в более поздние века сюда выходил плашкоутный (наплавной) мост. Современные Канавинский мост и Благовещенская площадь, находящаяся напротив моста, расположены несколько выше по течению р. Оки, нежели плашкоутный мост в XIX в. [11, с. 60; 12, с.110–111]. Такая планировка возникла в результате устройства Похвалинского съезда на месте одноименного оврага и других работ по благоустройству склонов Турунова оврага, а также Окских откосов в XIX в. В ходе этих мероприятий проводились специальные работы по борьбе с оползнями, основой которых являлось создание специальных водоотводных конструкций и штолен. Понятно, что ручьевая система в данном районе не осталась в прежнем виде. Поэтому современный вид площади и текущих на ней (и под ней) ключей-ручьев не соответствует ландшафту XVII в.

Важно отметить, что сейчас Благовещенская площадь имеет значительный уклон в сторону улицы Ильинской. Ранее эта территория практически являлась частью устья Похвалинского (Гремячего) оврага. Это означает, что ручьи, текущие по ней должны были заканчиваться где-то в начале современной ул. Ильинской. Об этом и напоминает переулочек Гремячий. Устье Турунова оврага располагается еще ниже по течению реки Оки в сравнении с Похвалинским оврагом. Поэтому ручьи, вытекающие из него, также должны были протекать ниже (правее) по течению реки Оки. Получается, что Святой ручей также должен был вытекать к реке Оке где-то в начале ул. Ильинской, в районе современного здания Кожно-венерологического диспансера и Квасного переулка. Устья Святого и Гремячего ручьев должны были находиться поблизости, на это прямо указывает расположение соответствующих оврагов, смыкание их вблизи Оки, хорошо заметное на планах XVIII–XIX вв. Здесь все же нужно оговориться, что достоверно всю ручьевую систему в этих лощинах мы сейчас представить, вероятно, уже не сможем. Скорее всего, судя по величине и длине соответствующих балок, это была именно система, а не одиночные ручьи. Не исключено, опять-таки, исходя из взаимного расположения оврагов, что Гремячий мог впадать в Святой ручей, где-то в его устье, но категорично утверждать что-либо нельзя. Возможно, специалисты гидрологи могли бы помочь

в данном вопросе, но это потребует специальных изысканий, рассчитывать на которые в современных условиях не приходится.

Теперь пора разобраться с информацией об оврагах. Казалось бы, здесь все давно известно, ведь существуют специальные труды нижегородских исследователей, посвященные истории создания оборонительных сооружений Нижнего Новгорода, в которых эти вопросы затрагиваются. Но на проверку все оказывается не так просто и однозначно. Авторитет именитых предшественников, видимо, оказал влияние и на А.В. Данилова. Наш оппонент, несмотря на призывы не «повторять историографические ошибки прошлого», к сожалению, делал именно то, против чего и выступал [См.: 13].

Замечания высказаны, пора перейти к аргументам. В Писцовой книге дается описание Нового острога, тот есть укреплений посада построенных вновь (или отремонтированных) в 1618 г.: «Да в Нижнем же Новгороде острог стоячей ... около верхнево посаду от каменного города, от Егорьевской каменной башни по Егорьевской стороне, а от Егорьевской стороны к Черному пруду, а от Черного пруда к Почайне и через Почайну поперег Ямское улицы и к Турунову врагу и по Турунову врагу на низ по гребени и по берегу Оки реки мимо Степановской двор Хохолкова и до Волги реки» [3, стб. 15]. Нас в данном случае интересует упоминание Турунова оврага, к которому выходила стена Нового острога. Второе упоминание содержательно повторяет первое и связано с указанием рва у Нового острога: «а отъ Почайны до Турунова врага выкопанъ ровъ большой в ширину в сажени в четыре, а в глубину въ две сажени» [3, стб. 16].

И.А. Кирьянов описал этот участок максимально обтекаемо, без какой либо конкретизации применительно к современному ландшафту: «Далее линия стен проходила вдоль современной ул. Урицкого (сейчас ул. Сергиевская – прим. авт.) и упиралась в овраг (существующий и сейчас), носивший название “Турунов”. На месте существовавшего здесь выхода рва развился небольшой отрог оврага. Вдоль края оврага линия стены спускалась вниз к берегу Оки, пересекая современную ул. Маяковского» [14, с. 39–40]. На схеме укреплений, составленной автором, названия оврагов не указаны, и на берегу р. Оки изображено всего лишь два оврага, а не три как в действительности. С.Л. Агафонов отождествляет Турунов овраг с Успенским, никак не аргументируя свои соображения, и это дает ему основание выводить стену Нового острога от реки Почайны к Оке по склону именно этого оврага [6, с. 31, 40]. Наиболее приближенным к истине в этом вопросе оказался В.Ф. Черников, хотя и его построения в целом не безупречны [15, с. 109, 112–113]. Таким образом, на сегодняшний день можно констатировать

определенную неясность в истории создания Нового острога, особенно в вопросе о прохождении завершающего участка стены от Почайны к Оке, и связана она с локализацией названий оврагов упомянутых в Писцовой книге.

В Нижнем Новгороде в XVII в. на территории так называемого Започаинья, являвшейся частью верхнего посада, существовали три оврага, с течением веков менявшие свои названия. Говорить так определенно мы можем потому, что эти овраги сохранились до сих пор, хотя не в прежнем виде и объеме. Расположены они на высоком (горнем) берегу Оки, разделяя его на отдельные возвышенности, которые в нижегородской историко-топографической традиции принято называть горами. В Писцовой книге из них упомянуты два – Успенский и Турунов. В том, что третий, расположенный выше двух других по течению Оки вблизи Благовещенского монастыря, в XVII в. также существовал, сомневаться не приходится. В материалах генерального межевания 1784 г. он упоминается под названием Гремячий овраг [16, л. 4–5; 17, л. 10], что очевидно связано, как было показано выше, с названием протекавшего вдоль него ручья. Овраг прекрасно виден и на исторических планах Нижнего Новгорода. Уже в XVIII в. по нему осуществлялось сообщение между верхней и нижней частью приокских городских территорий, а в XIX в. был сооружен съезд, модернизированный в XX в. и существующий до сих пор. По расположенной рядом церкви Похвалы Пресвятой Богородицы съезд в XIX в. получил название Похвалинский.

Сведения о Туруновом овраге, связанные с Новым острогом, выше приводились. Успенский овраг упомянут в Писцовой книге только один раз в связи с переписью амбаров нижегородских жителей, которыми он и был застроен [3, стб. 278]. Перечень 10 амбаров, каждый из которых длиной по 3–5 сажений, как представляется, хоть и косвенно, но указывает на отсутствие на гребне Успенского оврага стены Нового острога. Скудность хозяйственно-торговых построек в непосредственной близости от стены укреплений явно противоречила оборонительным функциям фортификационных сооружений.

Совершенно очевидно, что в период создания Писцовой книги один и тот же овраг никак не мог иметь два названия. Овраги являлись важными топографическими ориентирами для жителей города, выполняли определенные полезные функции, и спутать их было просто невозможно. В итоге приходим к выводу, что Турунов овраг не может быть Успенским, получившим свое название, как совершенно справедливо писали нижегородские краеведы, по расположенной по близости церкви Успения Божией Матери. Как было показано выше, не мог но-

свить название Турунов и Похвалинский (Гремячий) овраг. Вывести стену Нового острога к его склонам невозможно. Соответственно, в Писцовой книге Туруновым именовался овраг, расположенный между двумя вышерассмотренными, восточнее горы Гремячей. Именно к нему и выходили укрепления Нового острога, идущие от Почайны, а затем по гребню этого оврага и спускались к реке Оке. Выяснить место их расположения в прибрежной зоне без дополнительных комплексных историко-археологических изучений практически невозможно. Позже в XIX в., когда к этому оврагу стала выходить улица Сергиевская, он получил одноименное с ней название. Под названием Сергиевского его знают и нижегородские краеведы [5, с. 214; 19, с. 180].

В заключение выскажем еще пару замечаний по результатам работы А.В. Данилова, которые очень во многом выглядят неубедительными. Начнем с чрезмерно расширительного толкования территории Ильинской горы, вытекающего из неправильного понимания территориальной организованности ямской слободы. В понимании автора ямская слобода это нечто целостное, имеющее и некоторое территориальное единство, что позволяет трактовать опись ее жителей как основание для включения в понятие Ильинская гора и других, не относящихся к ней городских территорий, например, «Петушкову» и «Телячью улицы». Почему-то наш оппонент прошел мимо описания, ярко характеризующего реальное состояние Ямской слободы в первой четверти XVII в.: «В Нижнем же Новгороде на посаде на Большой проезжей Ильинской улице по обе стороны в Новом и в старом остроге дворы Нижегородских ямских охотниковъ сумесь с Нижегородскими с тяглыми и со всякими жилетцкими людьми:» [3, стб. 395]. Видимо, изначально в XVI в. Ямская слобода имела определенную целостность, но к XVII в. рост населения и диффузия городской жизни привели к перемешиванию дворов горожан и ямщиков. Эту особенность развития Нижнего Новгорода и зафиксировавшего ее источника применительно к стрелецким поселениям отмечали предшествующие исследователи [18, стб. 29].

Нельзя согласиться и с территориальным включением Петушковой горы в Ильинскую гору. Во многом это основано на неправильной интерпретации специфического материала писцового делопроизводства. Характерный пример из статьи А.В. Данилова: «Дело в том, что сама започаинская возвышенность имеет три больших отвершка (отрога) и только один из них в Писцовой книге именуется Ильинской, два других лаконично маркируются как “в горе” или “в пригор”. Впрочем, и этот отвершек Ильинской горы, порой, именуется в сокращенной форме – “в горе”, “в пригоре” (6 упоминаний). Средний отрог именуется

ся как “Петушково”, но без приставки “гора”. Существует определенная закономерность. При описании нижнего посада (часто именуемого как “на берегу Оки”) близ предтечи Строгановской церкви: “Рождества Пречистые Богородицы, на берегу Оки реки, древяна, с папертми, на подклетех, верх шатром”, этот отвершек именуется “горой”, но без упоминания конкретного названия» [1, с. 45]. Автор рассматривает любое упоминание конкретного проявления особенностей ландшафта описываемой местности как имя собственное, что совсем не так. Это типичная логическая ошибка, называемая подменой понятий, указывающая на небольшой источниковедческий опыт начинающего исследователя. К сожалению, примеры подобных рассуждений в работе не единичны. Полученные таким образом основания для формулирования выводов нельзя считать доказательными. Кроме того есть сведения и из других источников, оставленных А.В. Даниловым без внимания, указывающие на самостоятельное территориально-топографическое значение района Петушково, который в XVII в. все же именовался горой. На это указывает «Даная нижегородского воеводы Михаила Тимофеевича Измайлова нижегородцу посадскому человеку Андреяну Михалеву на двор с усадьбой в Нижнем Новгороде на Петушкове горе, бывший в залоге по закладной кабале и в срок не выкупленный, от 31 мая 1683 г.» [20, с. 339].

Еще одним примером такого ошибочного толкования сведений Писцовой книги является локализация А.В. Даниловым, упомянутого в ней наименования – «к Почаинским вершинам». Автор вроде бы правильно обозначает, что это направление для описания посадских дворов возле Большой Никольской улицы «против старого острогу», опуская при этом конкретизирующее дополнение «на вымле», «к Ильинской Большой улице, к Почаинским вершинамъ: ...». Далее следует в целом приемлемое утверждение: «вероятно, обозначавших высоты у истока речки Почайны», а затем локализация: «(Применительно к современной топографии, речь идет об участке ул. Малая Покровская от поворота с Большой Покровской до ул. Ильинской по правую руку)» [1, с. 44]. Вот и складывается у читателя мнение, что «Почаинские вершины» находились на участке ул. Малая Покровская от поворота с Большой Покровской до ул. Ильинской, что совершенно не следует из анализируемого исторического материала. В Писцовой книге описываются посадские дома приблизительно на указанном месте, но не вершины, являвшиеся для писцов всего лишь ориентиром и находившиеся реально дальше за этими домами. Скорее всего, под «Почаинскими вершинами» следует понимать холмы и возвышенности между

последним участком ул. Ильинской, выходящим к Старому острогу, и левым берегом р. Почайны в районе ее истока.

В итоге констатируем, что многие аспекты интересной, но сложной темы, выбранной А.В. Даниловым, ждут продолжения своего изучения.

Источники и литература

1. *Данилов А.В.* Дятловы горы // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Вып. 13. Н. Новгород, 2013.

2. *Парийский С.М.* Рост Нижнего Новгорода по данным его хорографии // Нижегородский краеведческий сборник. Т. 2. Н. Новгород, 1929.

3. Писцовая книга по Нижнему Новгороду, изданная Археографической комиссией. 1621 – 22 г. // Русская историческая библиотека. Т. 17. СПб., 1896.

4. Хожение купца Федора Котова в Персию. М., 1958.

5. *Храмцовский Н.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода: В 2-х чч. Н. Новгород, 1995.

6. *Агафонов С.Л.* Горький. Балахна. Макарьев. М., 1987.

7. Гравюры из книги Адама Олеария [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.booksite.ru/enciklopedia/album/2.html>

8. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/>

9. *Шайдакова М.Я.* Нижегородские летописные памятники XVII в. Н. Новгород, 2006.

10. Нижегородский летописец / под ред. А.С. Гациского. Н. Новгород, 1886.

11. На рубеже двух веков: Нижегородское Поволжье и Волга в фотографиях М.П. Дмитриева. Горький, 1988.

12. Андрей Осипович Карелин. Творческое наследие нижегородского художника и фотографа. Н. Новгород, 1994.

13. Про Турунов враг [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://new.vk.com/topic-19658335_25467713.

14. *Кирьянов И.А.* Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961.

15. *Черников В.Ф.* К вопросу о датах строительства деревоземляных укреплений в Новгороде Нижнем // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических статей. Вып. 12. Н. Новгород, 2010.

16. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 829 (Нижегородская губернская чертежная). Оп. 4. Д. 1029.

17. ЦАНО. Ф. 829. Оп. 4. Д. 1093.

18. *Мельников П.И.* О Старом и Новом городах в Нижнем Новгороде // Труды IV археологического съезда в России. Т. I. Казань, 1884.

19. *Филатов Н.Ф.* Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке: История. Архитектура. Горький, 1989.

20. Нижний Новгород в XVII в.: сборник документов и материалов к истории Нижнего Новгорода и его округи / сост. Н.И. Привалова. Горький, 1961.

ПАЛАТЫ ПУШНИКОВЫХ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЗДАНИЯ

С.М. Ледров

Нижний Новгород – один из немногих городов России, в котором сохранились образцы гражданской архитектуры XVII в. Перечислю их под традиционными названиями: палаты Чатыгина (дом Петра I), палаты Олисова, палаты Пушкиновых, жилой корпус Благовещенского монастыря, архиерейские палаты Печерского монастыря. В последнее время заметна попытка критического осмысления фактов «биографий» некоторых из этих построек, изложенных в научной литературе [1; 2; 3]. В результате таких исследований становится ясно, что далеко не все вроде бы устоявшиеся факты являются вполне доказанными. Это можно отнести и к палатам Пушкиновых. Насколько реальна их первоначальная принадлежность данному нижегородскому купеческому роду? Можно ли, помимо прочего, с полной уверенностью считать эти палаты памятником промышленной архитектуры? И, наконец, действительно ли Петр I отмечал в них свое пятидесятилетие?

Географически палаты Пушкиновых расположены в исторической части Нижнего Новгорода, именуемой Започаинье (сейчас это место еще называется Ильинской слободой, современный адрес палат – улица Гоголя, д. 52). «Дом, бывший бургомистра Пушкинова, в котором обедал Петр Великий в 1722 г.» упоминается в числе замечательных зданий верхней части Нижнего Новгорода еще в «Памятной книжке Нижегородской губернии на 1855 год» [4, с. 12]. Однако адресной привязки дома в этом издании нет. О том, что у Пушкиновых имелись

каменные строения именно в Започаинье, одним из первых утверждал Н.И. Храмцовский. Описывая улицу Ильинскую в «Кратком очерке истории и описании Нижнего Новгорода», изданном в 1859 г., он, в частности, отметил: «В историческом отношении на ней замечателен дом купца Г.А. Пушкинова, стоящий на левой стороне, идя в верх, против Миросицкого переулка; в этом доме дед нынешнего владельца, нижегородский бургомистр Пушкинов имел счастье, в 1722 году, принимать высокого гостя, Отца Отечества, Императора Петра Великого» [5, с. 28]. Насколько верно это утверждение? Каменный дом Г.А. Пушкинова на ул. Ильинской сохранился до наших дней (современный д. 31). Однако построен он был в начале 1830-х гг. [6, с. 175]. Петр Великий его посетить не мог. Хотя до каменного у Пушкиновых тут стоял деревянный дом – неужели с петровских времен?

Что касается палат на улице Гоголя (во времена Храмцовского – улица Телячья, или Языкова), то о них историк упоминает туманно: «Строение на Телячьей, выключая нескольких каменных домов, деревянное, не замечательное» [5, с. 29]. Вероятно, в числе «нескольких каменных домов» и подразумевались интересующие нас палаты, состоящие из двух пристроенных друг к другу зданий.

Из нижегородских краеведов конкретно на них обратил внимание А.П. Мельников. Он же и идентифицировал палаты с Пушкиновыми. 22 октября 1889 г. Андрей Павлович выступил на заседании Нижегородской губернской ученой архивной комиссии с сообщением о найденном им архивном документе 1790 г., в котором упоминались купец Яков Андреевич Пушкинов и принадлежавший ему каменный дом «в сергиевом приходе в Языковой улице» [7, с. 212]. А.П. Мельников соотнес упомянутый дом с сохранившимся на тот момент зданием в древнерусском стиле на улице Телячьей, действительно расположенном вблизи Сергиевской церкви, а в самом доме в конце XIX в. проживал ее притч. При этом исследователь, как бы предвещая будущие предположения о первоначальном предназначении этой постройки, счел нужным заметить: «Остатки внутренних архитектурных украшений, на потолках и сводах его, намекают на когда-то бывшую в нем роскошь; очевидно, дом этот был устроен не с какой-нибудь промышленною целью, а для спокойного, удобного и комфортабельного, по тому времени, житья» [7, с. 213].

В советский период вопрос о принадлежности сохранившихся палат изучал С.Л. Агафонов (впоследствии руководивший их реставрацией). Как пишет А.А. Тиц, ссылаясь на «Материалы Отдела строительства и архитектуры г. Горького», Агафонов обнаружил дело Нижегородского городского магистрата за 1787 г., в котором указано, «что

Андрей Яковлевич Пушников выделил сыну Якову Пушникову (о котором упоминает и А.П. Мельников – прим. авт.) дом каменный в Сергиевском приходе, принадлежавший его тестю Бирюкову» [8, с. 334]. (Кстати, если текст документа 1790 г., найденного Мельниковым, им же и опубликован, то подлинник документа 1787 г., на который ссылается Агафонов, неизвестен).

Не совсем понятно, чьим тестем был этот Бирюков – Андрея или Якова? Логично предположить, что Андрея, который, вероятно, после смерти тестя, как его единственный законный наследник, сделал распоряжение в пользу своего сына. Однако С.Л. Агафонов считал Бирюкова тестем Якова Пушникова (тогда непонятно, на каком основании А.Я. Пушников мог распорядиться имуществом тестя своего сына, если только сам Андрей Яковлевич ранее не поселил тут Бирюкова) и почему-то перенес факты, изложенные в документе конца XVIII в., на реалии начала этого столетия: «Дом на улице Гоголя (№ 52) первоначально принадлежал Бирюкову, а в начале XVIII в. перешел к его зятю Якову Пушникову, одному из бургомистров нижегородского купеческого самоуправления» [9, с. 140]. Тогда, по логике, постройка должна называться палатами не Пушниковых, а Бирюкова...

В 1950-х гг. палаты на улице Гоголя, как памятник архитектуры, были обследованы А.А. Тицем, который впоследствии рассказал о них в ряде публикаций [8, с. 46, 114–116, 333, 334; 10]. Он, в частности, определил, что палаты состоят из двух одновременных построек, возведенных по мере расширения состава семьи владельца: первая, большая по площади, датирована концом XVII в., а вторая – началом XVIII в. При этом А.А. Тиц, как, впрочем, и С.Л. Агафонов, с точки зрения архитектурных особенностей, нисколько не сомневался в жилом предназначении обоих зданий. Хотя все же признал, что точная дата строительства дома и его первоначальный владелец неизвестны [10, с. 134].

Однако к тому времени в нижегородском краеведении эти палаты были уже накрепко связаны с родом Пушниковых. Что отчасти соответствует действительности. В конце XVIII в., судя по вышеизложенному, они действительно принадлежали его представителям, предками которых и могли быть построены. Косвенным доказательством того, что сохранившиеся до наших дней палаты принадлежали Пушниковым еще в первой половине XVIII в., может служить следующее. У этой семьи имелись также палаты на Стрелецкой улице Верхнего посада, у стен кремля, которые в 1743 г. были проданы вдовой Анастасией Пушниковой Нижегородской епархии [11, с. 116]. Значит, продавщице было где жить после сделки. Это могло быть жилье на Телячьей улице. Хотя уже тогда Пушниковым могла принадлежать и деревянная усадьба на Ильинке...

Рис. 1. Палаты Пушкиновых. Восточный фасад. На переднем плане – новый корпус

В конце XX в. родословие и предпринимательская деятельность Пушкиновых оказались в центре внимания доктора исторических наук Н.Ф. Филатова. На основе скупых архивных и опубликованных источников он попытался проследить историю этого рода на протяжении XVII – первой четверти XVIII в. [6, с. 229; 12, с. 47, 48; 13, с. 83; 14]. Через все публикации Николай Филиппович красной нитью проводил утверждение о том, что палаты Пушкиновых – это их кожевенный завод, то есть памятник промышленной архитектуры. Основопологающим в данном случае стало «Дело по челобитью нижегородского посадского человека Митрофана Пушкинова о бытии ему в прежнем тягле, без прибавки, по причине пожарного разорения», датированное мартом 1697 г. [15]. В челобитной на имя царя М. Пушкинов сообщал об уничтожении огнем его с братьями кожевенного двора и в связи с этим просил не увеличивать с них государева тягла. Петр I прошение утвердил.

О точном месте расположения сгоревшего промышленного предприятия в деле не сообщается. Однако Н.Ф. Филатов, принимая во внимание примерную датировку построек на ул. Гоголя, предложенную Тицем, и уже устоявшееся мнение об их принадлежности Пушкиновым, посчитал вопрос решенным. По его убеждению, кожевенный двор как раз и находился на месте палат. Первоначальный завод был деревянным, но после пожара в 1697 г. были выстроены каменные корпуса, окруженные новыми же деревянными помещениями. Строительные работы были завершены в начале 1698 г., так как в декабре этого года Яков Пушкинов

уже отправил на продажу крупную партию выделанных кож (технология их обработки по времени занимала около полугода) [14, с. 44].

В другой своей работе Н.Ф. Филатов предложил несколько иную датировку строительства. Возведение старого каменного корпуса началось после пожара 1691 г., а нового – после пожара 1697 г. [5, с. 229]. Конкретное предназначение каждой постройки исследователь определил так: «Одноэтажный корпус с глубокими сводчатыми подвалами (старый – прим. авт.) служил производственной зоной, а двухэтажные палаты – приказчицъей и жильем» [12, с. 83], своего рода заводской конторой. Сами братья Пушкиковы с семьями, якобы, постоянно жили только в палатах у кремля.

Общий вывод историк сформулировал следующим образом: «“Палаты” являются единственно сохранившимися промышленными зданиями Н. Новгорода, памятником кожевенной мануфактуры Пушкиновых XVII в.» [6, с. 229]. Данное утверждение оказало и оказывает определяющее влияние на содержание большинства современных краеведческих публикаций о палатах на улице Гоголя.

Однако в конце XVIII в. предполагаемый «завод» фигурирует как жилое строение (см. начало статьи). Неужели после свертывания кожевенного производства, а сведения о промышленной деятельности Пушкиновых в данной отрасли прослеживаются до начала 1720-х гг., последние приспособили промышленные постройки под жилые?

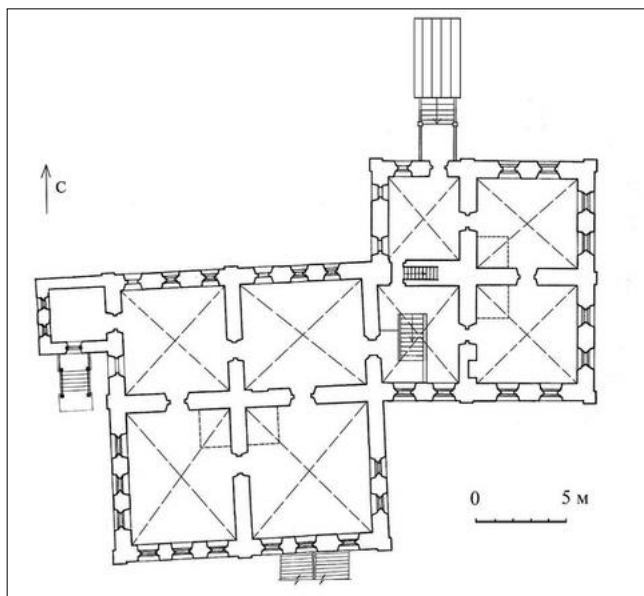
Так насколько правомерно столь категоричное суждение о промышленном предназначении интересующего нас памятника архитектуры?

В ходе работы над исследованием мне встретилось мнение, что «промышленная архитектура четко обособилась от гражданской только в XIX в. Мануфактуры внешне почти не отличались от обычных жилых домов, тем более мастерские в домах средневековых городов были не редкостью. Почти все сохранившиеся в России постройки средневековых мануфактур могут быть с равным успехом и жилыми, и производственными» [16].

Но обратимся к старой части палат, которую Н.Ф. Филатов принял за производственный корпус. Она квадратная в плане и разделена на четыре помещения. Такой четырехчастный тип посадского жилого дома получил распространение именно в конце XVII в. [10, с. 138]. Бытовое назначение комнат при этом было следующим: две парадные палаты (кабинет хозяина и столовая) и передние и задние сени, одни из которых могли исполнять роль общей жилой комнаты. Кстати, в старом корпусе палат Пушкиновых комната-кабинет хозяина выделена и снаружи. Ее фасад украшают узорные наличники окон. Если бы здание имело производственный характер, то насколько необходимо было так выделять одно из его помещений?

Рис. 2. Палаты Пушниковых. Южный фасад. На переднем плане – старый корпус

Рис. 3. План палат Пушниковых

Имеющиеся в обеих частях палат подвалы (в старом корпусе в подвал попадали снаружи через спуск-пандус, в новом – изнутри) также еще не доказательство их производственного предназначения (по мнению Н.Ф. Филатова, в них хранились кожевенное сырье и выделанные кожи). Подвал со спуском-пандусом есть, например, и в жилом доме Чатыгина в Нижнем Новгороде.

Кроме того, специфика кожевенного производства, тем более крупного, требовала размещения его вдали от плотной застройки центральной части города (чему служила виной нездоровая эпидемиологическая обстановка, благодаря специфическому запаху и опасности распространения заразных болезней из-за контакта со шкурами животных) и вблизи достаточных водных ресурсов (ибо без большого количества воды выделка кож невозможна в принципе).

Первое условие в данном случае соблюдено. В XVII в. Телячья улица – это городская окраина. Даже свое название она получила по расположенным тут загонам, а может просто выпасам для скота. Однако район этот, как и все Започаинье, расположен на возвышенности, что создавало проблемы с водоснабжением. Ближайший источник талых и грунтовых вод – Сергиевский овраг, но и он отдален примерно на 200 метров от площадки, на которой расположены палаты Пушкинковых.

При исследовании данной темы естественным образом возникает вопрос: а где в то время в Нижнем Новгороде располагались кожевенные предприятия? Адресная привязка дворовладений имеется в писцовой книге Нижнего Новгорода 1621–1622 годов. Кстати, в ней уже упоминается Телячья слободка «на всполье» [17, стб. 164–165] (по Л. Далю – край, окраина, начало поля, выгон). В самой слободке ни одного кожевника не зафиксировано. Такие ремесленники имели дворы на улицах Нижнего посада (в районе современной Нижневолжской набережной) [17, стб. 133, 168–173], у Святого ручья (современный Похвалинский съезд) [17, стб. 165, 166] и в Благовещенской слободе у Оки [17, стб. 351, 352]. Первую кожевенную мануфактуру в Нижнем Новгороде открыли москвичи Василий Шорин и Семен Задорин. В переписной книге Б.Ф. Полибина 1665 года она упоминается среди дворовладений «на берегу Оки реки и Волги гостей и гостиной и иных сотен и всяких чинов» [18, л. 281, 282]. В записной книге о сборе оброчных денег 1668 года местоположение этого предприятия (уже бездействовавшего) уточнено – «на нижнем посаде у Рождества Богородицы на берегу» [19, с. 98], то есть между современными Канавинским мостом и речным вокзалом на берегу Волги. В первой четверти XIX в. в Нижнем Новгороде у Волги существовал кожевенный завод купца

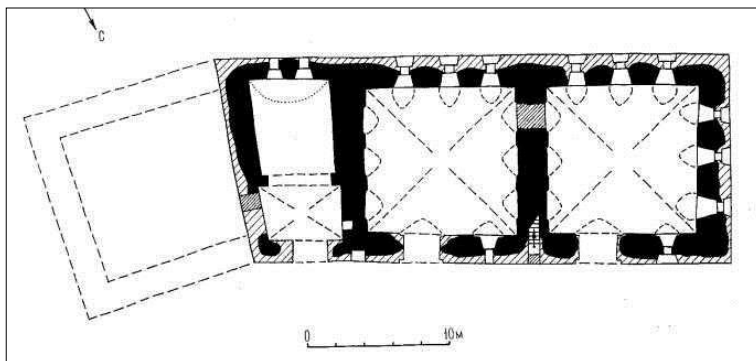
Алексея Бирюкова [20, л. 11] – однофамильца или родственника загадочного тестя кого-то из Пушкиновых. Таким образом, все известные нам местные кожевенные производства были размещены около рек.

Еще один вопрос – сохранились ли до нашего времени производственные корпуса кожевенных предприятий XVII в. в других городах России?

Такое каменное здание есть в Пскове. Изучавший его Ю.П. Спегальский пришел к выводу, что «рассматриваемое... здание... служило помещением для весьма крупного по масштабам XVII в. кожевенного завода, построенного, по всей вероятности, каким-то богатым псковским купцом» [21]. Архитектурные особенности данного сооружения в форме вытянутого прямоугольника, помещения в котором следуют одно за другим, свидетельствуют о том, что оно было возведено с учетом технологии выделки кож. Кроме того, при закладке археологического шурфа был обнаружен слой из отбросов кожевенного производства: остатков шерсти, извести, большого количества золы, отработанных дубителей и небольшого количества углей. Иными словами, в данном случае перед нами действительно памятник промышленной архитектуры. И стоит он на берегу реки Псковы.

Рис. 4. Здание кожевенного завода XVII века в Пскове

Рис. 5. План кожевенного завода XVII века в Пскове

В Москве сохранились палаты XVII в. на территории бывшей Кожевенной слободы (совр. Кожевническая набережная). Хотя точно не установлено их первоначальное предназначение: то ли административное здание, то ли жилое с производственным помещением на первом этаже [22]. Однако и эти палаты расположены у воды – рядом с набережной Москвы-реки.

Рис. 6. Палаты XVII века на Кожевнической набережной в Москве

Следовательно, почему бы не предположить, что на волжском берегу стоял и сгоревший кожевенный двор Пушниковых, а в Започаинье у них имелись жилые палаты. Иначе, получается, что братья-предприниматели проигнорировали сложившуюся практику, поместив производство на круче над Волгой.

С другой стороны, допустим, что на современной улице Гоголя действительно существовало кожевенное предприятие, в комплекс которого входили и жилые постройки (жилая изба упоминается, например, в описании мануфактуры Шорина и Задорина), которые и дошли до нас. Тогда в данном случае можно осторожно говорить о палатах Пушниковых, как о сохранившихся жилых (а не производственных!) частях архитектурного ансамбля кожевенной мануфактуры.

И наконец, о Петре I. Он был в Нижнем Новгороде дважды – в 1695 и 1722 гг. Из всех источников, повествующих о втором пребывании первого российского императора в Нижнем Новгороде, только в отписке архимандрита Макарьевского Желтоводского монастыря Филарета сообщается, что Петр I в день своего 50-летия – 30 мая 1722 г. после литургии в Спасо-Преображенском соборе и посещения епископа Питирима «соизволил быть в ратуше в доме бургомистра Якова Пушникова». В Походном журнале и Новом Нижегородском летописце отмечено, что император в этот день «кушал» в доме Строгоновых [23, с. 96–97]. Отписка, очевидно, была известна С.В. Ешевскому, который первым из нижегородских историков упомянул о посещении венценосной особой дома Пушникова в своем сочинении от 22 октября 1845 г. [24, с. 357]. Затем об этом рассказал Н.И. Храмцовский, опираясь не только на отписку Филарета, но и, вероятно, на устное предание рода Пушниковых, которое ему мог поведать внук бургомистра. Однако адресация дома последнего у Храмцовского иная.

О пребывании Петра I именно в палатах на Телячьей улице, как о местном предании, говорил на заседании НГУАК в 1889 г. А.П. Мельников [7, с. 213]. С тех пор такое предположение закрепилось в нижегородском краеведении. Свою роль в этом, несомненно, сыграло также то, что только данный дом, приписываемый Пушниковым и существовавший еще в петровскую эпоху, сохранился до наших дней. Между тем, у Пушниковых в Нижнем Новгороде имелось несколько домов. И Н.Ф. Филатов, в присущей ему безапелляционной манере, например, считал, что императора они принимали в доме на Стрелецкой улице, «а не в дальних палатах Започаинья» [14, с. 43]. Действительно, зачем приглашать главу государства на городскую окраину да еще, возможно, рядом с кожевенным производством с «приятным» запахом, если имелись палаты в более престижном месте. (Кстати, бур-

гомистром, по мнению Н.Ф. Филатова, был не Яков, а Митрофан Пушкинов).

Таким образом, ни на один из трех вопросов, поставленных в начале статьи, мы не можем ответить положительно. Вслед за Тицем повторимся: кто был заказчиком строительства и первым владельцем палат на улице Гоголя в Нижнем Новгороде доподлинно неизвестно. Их принадлежность Пушкиновым документально подтверждается не ранее 1780-х гг. С большей долей вероятности палаты следует считать памятником жилого зодчества. Пребывание в них Петра I – одна из местных легенд.

Источники и литература

1. *Давыдов А.И.* К вопросу о датировке каменных палат на Ильинской горе в Нижнем Новгороде и их первом владельце [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/space/nn/dom/?id=1413> (Дата обращения – 14.09.2015).

2. *Давыдов А.И.* Нижегородский Благовещенский монастырь. Северо-Восточный жилой корпус. Строительная история [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/space/nn/church/?id=3814> (Дата обращения – 14.09.2015).

3. *Агафонова И.С., Давыдов А.И.* Проект реставрации архиерейских палат Нижегородского Печерского монастыря и его реализация [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/space/nn/church/?id=1406> (Дата обращения – 14.09.2015).

4. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1855 год. Н. Новгород, 1855.

5. *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода: В 2-х чч. Ч. 2. Н. Новгород, 1859.

6. *Филатов Н.Ф.* Нижний Новгород. Архитектура XIV – начала XX в. Н. Новгород, 1994.

7. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (далее – Действия НГУАК). Т. 1. Вып. 6. Н. Новгород, 1889.

8. *Тиц А.А.* Каменное жилое зодчество XVII века. М., 1966.

9. *Агафонов С.Л.* Горький, Балахна, Макарьев. М., 1969.

10. *Тиц А.А.* Палаты Пушкиновых в Горьком // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 3 / ред.: И.Э. Грабарь, В.Н. Лазарев, В.В. Косточкин. М., 1961.

11. Действия НГУАК. Т. 1. Вып. 5. Н. Новгород, 1889.
12. *Филатов Н.Ф.* Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке. История Архитектура. Горький, 1989.
13. *Филатов Н.Ф.* Памятники архитектуры // Знакомьтесь, город Горький! Путеводитель / сост. И.В. Сидорова. Горький, 1989.
14. *Филатов Н.Ф.* Кожевники Пушкиковы // Каждый род знаменит и славен: Из истории нижегородского предпринимательства XVII – начала XX века / сост.: А.Н.Голубинова, Н.Ф. Филатов, Л.Г. Чандырина. Н. Новгород, 1999.
15. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 141. Оп. 7. Д. 124.
16. Московский промарх. Часть 1, средневековая [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://varandej.livejournal.com/399660.html?page=2> (Дата обращения – 14.09.2015).
17. Писцовая и Переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. СПб., 1896.
18. РГАДА. Ф. 137. Н. Новгород. Д. 25.
19. Действия НГУАК. Т. 15. Вып. 6. Н. Новгород, 1915.
20. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2. Оп. 6. Д. 101.
21. *Спегальский Ю.П.* Здание кожевенного завода XVII века в Пскове // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 87. М., 1962 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://spegalsky.narod.ru/biblioteka/kozh_zavod.html#metka16 (Дата обращения – 14.09.2015).
22. *Левина И.* Палаты Кожевенной слободы [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://um.mos.ru/houses/palaty-kozhevennoy-slobody/> (Дата обращения – 14.09.2015).
23. *Морохин А.В.* К вопросу о посещении Петром I гробницы Кузьмы Минина в мае 1722 года // Записки краеведов. Н. Новгород, 2010.
24. *Ешевский С.В.* Пребывание Петра Великого в Нижнем Новгороде в 1722 году // Нижегородский летописец. Н. Новгород, 2001.

ТАЙНОЕ ДВОРЯНСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ: 1816–1825 ГОДЫ

А.Н. Лушин

О существовании в Нижнем Новгороде в 1816 г. тайного отделения Союза Спасения, а затем местной управы Союза Благоденствия стало известно во время допроса в следственной комиссии Тайного комитета члена Северного общества князя С.П. Трубецкого, связанного родственными узами с нижегородским родовитым дворянством. Из материалов уголовного дела известно, что 15 декабря 1825 г. он «собственноручно указал», что среди членов Союза Спасения состоял «Белавин Василий Иванович, помещик нижегородский», который основал в Нижнем Новгороде тайное отделение общества, приняв в него, как он показал, «четырёх или пяти членов, коих имен не знаю» [1, с. 31]. Здесь же князь С.П. Трубецкой добавил, что, скорее всего, члены нижегородского отделения после 1818 г. политической деятельности не вели, так как он известий о них не имеет. На допросе 10 января 1826 г. князь дополнил свои показания, из которых было установлено, что В.И. Белавин в соответствии с поручением руководителей Союза Спасения организовал в Нижегородской губернии управу, в которой состояло несколько человек, имена которых князь якобы вспомнить не смог. Также он указал на то, что в 1818 г. и позже неоднократно встречался с В.И.Белавиным, видимо, в Санкт-Петербурге, но сообщил, что о деятельности нижегородского отделения тайного общества не интересовался и о последствиях после учреждения его сведений никаких не имеет [1, с. 50].

После создания в 1818 г. Союза Благоденствия, в котором состояли члены раннего Союза Спасения, В.И. Белавин в Санкт-Петербурге получил уставную «Зеленую книгу» и в конце 1818 г. сообщил князю С.П. Трубецкому в письме, что в нижегородской управе тайного общества начитывается несколько человек [1, с. 40]. На очередном допросе 29 марта 1826 г. князь С.П. Трубецкой показал, что В.И. Белавин организовал нижегородскую управу Союза Благоденствия, включавшую пять или шесть членов [1, с. 85]. Наше внимание в признаниях князя С.П. Трубецкого обоснованно привлекает то, что он неоднократно упоминает о встречах с В.И. Белавиным после 1818 г. Конечно, можно предположить, что это были просто встречи хорошо знакомых людей, так сказать, земляков, тем более что их отцы – нижегородский губернатор генерал-

поручик И.С. Белавин и губернский предводитель дворянства князь П.С. Трубецкой – всегда поддерживали добрые отношения.

Интерес политических заговорщиков в организации управления тайного общества в Нижегородской губернии был в определенной степени продиктован их планами будущего государственного устройства России, в которых Нижнему Новгороду отводилось место столицы с пребыванием там российского правительства [1, с. 115].

После выхода с военной службы в отставку в 1810 г. В.И. Белавин большую часть времени проводил в своей усадьбе в Макарьевском уезде Нижегородской губернии, но нередко выезжал в Москву и Санкт-Петербург, где общался с князем С.П. Трубецким. В 1816 г. именно князь и предложил В.И. Белавину вступить в тайный политический Союз Спасения и организовать в Нижнем Новгороде управу общества. В известном «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному Высочайше утвержденною 17 декабря 1825 года Следственной комиссией» указано, что нижегородский помещик В.И. Белавин являлся членом Союза Благоденствия, но в политических обществах, созданных в 1821 г., участия не принимал [2, с. 233]. В начале 1826 г. последовало распоряжение «Высочайше повелено оставить без внимания», поэтому к В.И. Белавину не были приняты репрессивные меры [3, с. 46].

Тем не менее, в отношении отставного офицера В.И. Белавина было высочайше принято решение об учреждении со стороны губернских властей тайного надзора или «скрытного разведывания». При этом властям следовало обращать особое внимание на его образ жизни и отношения с другими людьми, и, если в доме В.И. Белавина будут проходить тайные собрания подозрительных в политическом смысле лиц, то его следовало немедленно арестовать и доставить в Санкт-Петербург для проведения следствия [4, с. 85–86].

Сообщение князя С.П. Трубецкого о существовании в Нижегородской губернии тайного политического общества повлекло конкретные вопросы следственной комиссии к заговорщикам-нижегородцам. В связи с этим весной 1826 г. особо были допрошены братья А.А. и Н.А. Крюковы, сыновья нижегородского гражданского губернатора А.С.Крюкова, и князь Ф.П. Шаховской, проживавший с 1822 г. после выхода в отставку в селе Ореховце Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Следственную комиссию весьма интересовало присутствие А.А. Крюкова как члена тайного политического общества в отпуске в 1821 г. в Нижнем Новгороде, поэтому спрашивали, «кем заведено в сем городе отделение оно и кто суть члены его?» [5, с. 137–140]. Допрашиваемый отвечал, что о существовании в Нижнем Новгороде тай-

ного общества ему не известно. Между тем, В.И. Белавин бывал частым гостем в доме Крюковых и, несомненно, в названное время встречался и беседовал с А.А. Крюковым, но о характере их отношений как членов одного тайного политического общества можно только осторожно предполагать.

Князь Ф.П. Шаховской, отошедший от политической деятельности и безвыездно проживавший в сельском поместье, вряд ли мог иметь отношение к нижегородской управе Союза благоденствия. Однако в январе 1826 г. председатель Тайного следственного комитета А.И. Татищев направил нижегородскому гражданскому губернатору А.С.Крюкову предписание установить, на самом ли деле существует в Нижнем Новгороде тайное политическое общество, имеющее «вредные намерения, также не бывают ли где какие съезды и сборища, кои стараются скрывать от правительства» [6, с. 139]. Одновременно было предписано установить секретный надзор за князем Ф.П. Шаховским, имя которого называли заговорщики на допросах. В феврале 1826 г. следственная комиссия установила принадлежность князя к тайным обществам, после чего по отношению к нему были приняты репрессивные меры. Однако связь князя Ф.П.Шаховского с нижегородской тайной управой не была установлена.

Аналогичный вопрос при допросе в следственной комиссии был задан П.И. Пестелю как одному из руководителей тайных политических структур, который пояснил, что «ежели кто из наших сочленов там управы учредил, то о том совершенно не известен и никогда о том ничего не слышал» [7, с. 6–226]. В то же время, П.И. Пестель в программном документе «Русская правда» так же, как и санкт-петербургские заговорщики, предлагал из экономических, политических и стратегических соображений перенести столицу Российского государства в Нижний Новгород. В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, что включение крупного волжского города со стремительно развивающейся ярмаркой в обширные планы задуманных радикальных государственных реформ должно было логично подразумевать создание в Нижнем Новгороде тайной организации в русле политических идей Союза благоденствия. Соответственно члены нижегородского общества должны были тщательно подготовить благодатную почву для успешной реализации вышеназванных политических замыслов.

Факт существования в Нижегородской губернии управы Союза Спасения, впоследствии Союза Благоденствия, в 1816–1818 гг. включавшей пять или шесть членов из местного дворянства, следует признать достоверным. В настоящее время не установлены имена нижего-

родских заговорщиков, тем более что из материалов следственной комиссии известно, что «расписки о вступлении тотчас сжигались, но сего не было объявляемо принятым» [8, с. 89]. Известно, что после неудавшегося дворцового переворота 14 декабря 1825 г. заговорщики в ожидании арестов уничтожили значительную часть проектов политических реформ, личную переписку, различные конспиративные документы, особенно списки членов тайных обществ. Какая-либо политическая деятельность нижегородской управы тайного общества также не установлена, хотя В.И. Белавин был в дворянской местной среде достаточно авторитетным и весьма уважаемым человеком.

Тем не менее, следует обратить внимание на то, что в 1817 г. в Нижнем Новгороде существовало еще одно тайное общество – масонская ложа «Вновь возжженное светило у трех колонн», в котором состояли некоторые нижегородцы, чья деятельность представляется в контексте рассматриваемого вопроса примечательной. Известно, что политические заговорщики рассматривали масонские ложи как полезные общества, в которых может происходить скрытая активная подготовка оппозиционных правительству либеральных молодых людей. Не случайно, сами создатели Союза Благоденствия занимали руководящие посты в различных столичных масонских ложах.

Одним из деятельных нижегородских масонов был полковник в отставке Б.И. Белавин, родной брат руководителя нижегородской управы Союза Благоденствия. В 1817 г. он поселился в Нижнем Новгороде и вскоре в местной ложе был избран «братом-надзирателем». Во время военной службы в кавалергардском полку Б.И. Белавин близко общался с некоторыми офицерами-членами Союза Спасения.

В нижегородской масонской ложе состоял влиятельный чиновник М.М. Аверкиев, имевший широкие знакомства в самых высших дворянских кругах. Кроме всего, он находился в давних приятельских отношениях с В.И. Белавиным и был хорошо знаком с князем С.П. Трубецким. Сохранилось личное письмо В.И. Белавина к М.М. Аверкиеву от 19 мая 1816 г. в котором при упоминании о князе С.П. Трубецком он пишет весьма завуалированно: «Я тебе описывал в том письме довольно подробно чувства мои» [9, л. 33]. Ссылка на предыдущее послание наводит на мысль о том, что она не случайна, так как содержит прямой намек на какой-то состоявшийся очень серьезный разговор с князем С.П. Трубецким. В личных бумагах М.М. Аверкиева сохранилась примечательная запись: «До сих пор еще не найдено средство совершать перевороты, не выходя из законного порядка» [9, л. 33]. Именно в это время в либерально-демократических дворянских кругах велись переговоры об учреждении тайного политического общества,

ставившего целью государственный переворот с царевубийством. Таким закрытым обществом и стал конспиративный Союз Спасения.

Еще одна кандидатура возможного члена тайной нижегородской управы связана напрямую также с местной масонской ложей. Это советник нижегородской солевозной комиссии коллежский асессор Ф.Ф. Франкен, член нескольких столичных лож, в которых состояло немало политических заговорщиков. Известный историк масонства обратил внимание на то, что после неудавшегося дворцового переворота 14 декабря 1825 г. этот чиновник покончил жизнь самоубийством [10, с. 841]. Возможно, что это совпадение, но слишком сомнительное.

О существовании нижегородской управы Союза Благоденствия вполне мог знать активный член тайных обществ с 1816 г. Н.М. Муравьев, который осенью 1825 г. достаточно продолжительное время прожил в своем имении Мухино Семеновского уезда Нижегородской губернии, где, по некоторым сведениям, творчески работал над рукописью конституции и там же ее якобы уничтожил [11, с. 119]. Из писем Н.М. Муравьева известно, что он неоднократно наносил визиты нижегородскому гражданскому губернатору А.С. Крюкову, с которым был знаком с 1812 г. и в доме которого часто бывал В.И. Белавин [12, с. 105–114]. Кроме того, дворяне Белавины состояли с Муравьевыми в родстве, берущем начало с XVII в., то есть встречаться и беседовать на волнующие обоих темы они, наверное, могли, но не будем вступать в область домыслов и предположений о содержании бесед.

Таким образом, давняя завеса тайны в отношении нижегородского дворянского политического общества в 1816–1825 г. стала несколько более открытой, но ряд вопросов по-прежнему остается на уровне гипотез и нуждается в конкретном документальном обосновании.

Источники и литература

1. Восстание декабристов: Материалы. Т. I. М. – Л., 1925.
2. Алфавит Боровкова // Декабристы: Биографический справочник /под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1988.
3. Восстание декабристов: Материалы. Т. VIII. М. – Л., 1925.
4. *Ильин П.В.* Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб, 2004.
5. Восстание декабристов: Документы. Т. XII. М., 1960.
6. *Федоров В.А.* Своей судьбой гордимся мы... Следствие и суд над декабристами. М., 1988.
7. Восстание декабристов: Материалы. Т. IV. М. – Л., 1958.

8. *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983.
9. Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Фонд Аверкиевых. 16082-157-19. П. 129.
10. *Серков А.И.* Русское масонство: 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001.
11. *Дружинин Н.М.* Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985.
12. Письма из Мухина // Борское отечество мое. Н. Новгород, 1998.

ИЗ РОДОСЛОВНОЙ РУССКОГО БАРИНА АЛЕКСАНДРА УЛЫБЫШЕВА

В.Ю. Белоногова

Во всей нижегородской истории XIX в., пожалуй, нет другого имени, с одной стороны, столь славного, с другой – столь мало изученного. Единственное, что бесспорно ощущали все, кто, хотя бы косвенно или вскользь, обращался к его жизни и творчеству, – явно «негубернский» масштаб этой личности. Александр Улыбышев, один из первых в России музыкальных критиков; автор фундаментальных трудов о Моцарте и Бетховене; учитель и наставник М.А. Балакирева; глубокий знаток театра, писатель, литературный критик; блестяще образованный человек, как никто повлиявший на культуру города, в котором жил; близкий знакомец А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, М.И. Глинки и многих других выдающихся людей русской культуры. И вот парадокс – о нем известно все еще, на удивление, мало. А в том, что написано, так много противоречий.

Почему так неожиданно, на взлете своей столичной карьеры, он вышел в отставку в 1830 г.? Что на многие годы поссорило его с единственным братом Владимиром? Почему он умирал не в своем доме, роскошном особняке на главной улице Нижнего Новгорода, а в наемной квартире? Остаются разночтения по поводу его рождения – толи в отцовском имении в нижегородском Лукине, толи в Дрездене. Да и с датами рождения и смерти его до сих пор нет ясности. Попробуем прояснить хотя бы некоторые из этих загадок. А начнем, как водится, с истоков, то есть с происхождения дворянского рода, к которому наш герой принадлежал.

Подобные сведения часто носят полуполюгендарный, опозитизированный вид. Улыбышевы тоже имели свою красивую легенду. Нижегородский историк и общественный деятель А.С. Гациский, первый биограф Улыбышева, на которого все ссылаются (и мы не раз будем ссылаться), слышал от священника села Лукино И. Зефирова передаваемую в родне из поколения в поколение историю, рассказанную ему сестрой Александра Дмитриевича – Екатериной Дмитриевной Пановой-Улыбышевой, о том, как великий князь Дмитрий Донской оказался в большой опасности во время какого-то сражения и был спасен одним из своих дружинников. В благодарность великий князь выдал за него свою единственную дочь Улыбу. Отсюда и пошла якобы фамилия их потомков – Улыбышевы.

Правда, у великого князя Московского и Владимирского Дмитрия Ивановича, прозванного за победу на Куликовом поле в верховьях Дона Дмитрием Донским, и его жены, нижегородско-суздальской княжны Евдокии было восемь сыновей и не одна, а четыре дочери. Звали их Софья, Мария, Анастасия и Анна. Улыбы среди них не значится. Хотя кроме христианского имени, даваемого при крещении, младенцам давали иногда и имя «языческое»... Но разве это так важно? Красивое женское имя, звучная, какая-то очень позитивная, «улыбчивая» фамилия, кстати сказать, довольно редкая. К тому же легенда связала род с великим князем – победителем татар. И кому придет в голову проверять ее истинность?

Кстати, о татарах. Многие древнейшие дворянские фамилии на Руси имели, как известно, татарские корни. Юсуповы, Салтыковы и так далее. В словаре Брокгауза 1879 г. об А.Д. Улыбышеве сказано, что он принадлежал к фамилии татарского происхождения. Может быть, татарское прозвание «улуг-баш», что значит, «большеголовый», и в самом деле, было переделано когда-то на русский манер в фамилию «Улыбашев». Действительно, именно так – Улыбашев – и писалась эта фамилия в некоторых старинных документах. Кстати, не потому ли и фамилия одной из побочных дочерей Александра Дмитриевича была «Башева»...

Но это тоже уже сфера преданий. Есть сведения и более достоверные. В Центральном архиве Пензенской области хранится родословное древо и роспись рода Улыбышевых по состоянию на 1793 г. Из него следует, что первым из предков дворян Улыбышевых был Полуехт, по прозвищу Безсон, живший в XVI в. Далее следуют Анофрий, по прозвищу Семой (то есть, Седьмой), потом Василий с двумя сыновьями – Никитой и Кирилой.

Кое-какие сведения о Василие Анофриевиче в Пензенском архиве сохранились. С тридцати лет он находился на царской службе при дворе сначала у Михаила Федоровича, затем у Алексея Михайловича и, наконец, у Федора Алексеевича Романовых. В 1660 г. «был с боярином и воеводою Васильем Борисовичем Шереметевым, на боях и во осаде сидел». Охраняя обоз Шереметева, был ранен и взят в плен крымскими татарами. Был продан ими в «турскую землю» (то есть, в Турцию), где и провел в плену шестнадцать лет. Вернулся на родину в 1676 г. и подал прошение о выделении ему «за пролитую кровь и полное терпение» – земли, потому что прежнее его владение было уже поделено между его младшими братьями Михаилом и Герасимом и детьми Никитой и Кирилой, которые почитали его давно погибшим. Земли Василию Анофриевичу были предоставлены, и впоследствии за его потомками числилось не только древние пензенские и рязанские владения, но еще и родовое имение в Тверском наместничестве.

Его внук Петр Кириллович, женившись в 1723 г. на Ирине Лаврентьевне Веселовской, получил за ней в качестве приданого земли в нижегородских пределах с большим селом Лукино и округой. Он первым из Улыбышевых стал нижегородским помещиком. Брак его сына Василия Петровича Улыбышева и Дарьи Семеновны Ознобишиной добавил в родовые владения семьи нижегородских земель.

В 1785 г. в Нижегородской палате гражданского суда рассматривалось дело о полюбовном разделе между Иваном Васильевичем и Дмитрием Васильевичем Улыбышевыми недвижимого состояния отца их надворного советника Василия Петровича, матери их Дарьи Семеновны, деда Петра Кирилловича и бабки Ирины Лаврентьевны Улыбышевых – в Пензенском, Рязанском, Тверском и Нижегородском наместничествах. Иван Васильевич, уездный предводитель дворянства в чине коллежского асессора, жил в селе Ивановском Троицкой округи Пензенского наместничества. По свидетельству известного мемуариста, поэта и драматурга князя И.М. Долгорукова, занимавшего пост пензенского вице-губернатора в 1790-е гг., он был сильно пьющим и обижал свою умную и образованную жену Елизавету, в которую Долгоруков был влюблен. От Ивана Улыбышева пошла, условно говоря, «пензенская» ветвь рода, которая уже в 1848 г. пресекалась. От Дмитрия Улыбышева – «нижегородская» [1, с. 156].

В семье Дмитрия Васильевича и родился в 1794 г. Александр Дмитриевич Улыбышев, о котором наш разговор. Но вот где он родился? В одних изданиях местом рождения музыканта и писателя Александра Улыбышева называют село Лукино Нижегородской губернии, родовое имение. В других – город Дрезден в Германии, где отец его

Дмитрий Васильевич служил в те годы посланником. В Большой советской энциклопедии значится Дрезден, в Музыкальной энциклопедии – Лукино, в Музыкальном словаре Римана – Дрезден, в Биографической энциклопедии – Лукино.

В биографическом очерке А.С. Гациского, который долгое время был единственным источником биографических сведений о нашем герое, читаем: «А.Д. Улыбышев родился, как это видно из надписи на его памятнике в с. Лукине, 2 апреля 1794 года, от Дмитрия Васильевича и Юлии Васильевны Улыбышевых. О месте рождения его я не мог собрать сведений. До 16 лет он воспитывался за границей» [2, с. 58]. Блестящий, наполненный живыми наблюдениями и теплым чувством к герою биографический очерк Гациского цитировали потом многие. Но место, которое мы сейчас привели, породило сразу несколько неточностей, которые прочно укрепились в литературе.

Во-первых, дата рождения Александра Дмитриевича у Гациского указана совсем не та, что на памятнике. Памятник в Лукине все еще стоит на своем месте. Рассмотрим его повнимательнее. На гранитном надгробии в форме небольшой колонки старинная надпись, которая гласит: «Александр Дмитриевич Улыбышев родился 1794 года января 2 дня, скончался 1858 года января 29 дня». Так, 2 апреля или 2 января родился Улыбышев? День смерти 29 января, обозначенный в надписи на памятнике и точно так же в очерке у Гациского, тоже не верен. Живший тогда в Нижнем Тарас Шевченко в своем дневнике под 27 января пометил отпевание Улыбышева в нижегородской Покровской церкви. А Милий Балакирев опубликовал объявление о его смерти в «Санкт-Петербургских ведомостях» в номере, вышедшем 29 января. Ну и наконец в Пушкинском Доме сохранилось письмо зятя Улыбышева К.И. Садокова тому же Балакиреву о том, что умер Александр Дмитриевич 24 января «в половине четвертого часу пополудни» [3, л. 11].

Станный какой-то памятник, с неверными датами. После смерти Александра Дмитриевича главным распорядителем и его похорон, и дальнейшей жизни семьи был его зять К.И. Садоков. И памятник, скорее всего, ставил он. Но ведь именно он и Гациского консультировал при написании его очерка и, конечно, называл ему даты жизни и смерти тестя. Тогда почему в очерке Гациского – одна дата рождения, а на памятнике – другая? Да, много путаницы получается. Перепутать день смерти с днем похорон, допустим, могли по прошествии многих лет. Но день рождения, который Александр Дмитриевич наверняка любил шумно отмечать, родные, казалось бы, должны были помнить. Как день памяти близкого человека. Ну да что поделаешь, очерк писался в середине 1880-х гг., неудивительно, что спустя почти тридцать лет по-

сле смерти тестя Садоков мог, не заглянув в документы, довериться своей памяти и напутать. Может, тогда же ставился и памятник?

И все-таки попробуем предположить, когда был день рождения нашего героя. Среди немногих сохранившихся писем Улыбышева в одном – отправленном из Лукина в Нижний Новгород 25 августа 1855 г. – речь идет о некоем предстоящем торжестве 30 августа. К этому дню Александр Дмитриевич зовет Балакирева в Лукино и настоятельно просит привезти с собой музыканта Либермана, очевидно, выступавшего тогда на ярмарочной сцене. И даже высылает для этого тарантас. «Если еще ему нельзя приехать к 30 августа, то нельзя ли после, на один или на два дня, как ему будет угодно» [4, л. 3]. О дне торжества говорится вскользь, как о чем-то хорошо известном адресату.

Еще одно упоминание этой даты встретится нам в документе гораздо более позднего времени, а именно – 1915 года. В домашнем архиве потомков Улыбышева сохранилась визитная карточка «Иван Александрович Покровский-Улыбышев», где дрожащей старческой рукой Ивана Покровского, побочного сына А.Д. Улыбышева, сделана надпись: «30 августа 1915 года в День Священной памяти моего дорогого отца А.Д.У. – на память Н.Ф. Финдейзену (музыкальный критик и издатель – прим. авт.). Карточка эта была заказана мной в 1909 году для М.А.Б. (Милий Алексеевич Балакирев – прим. авт.) и лежала без употребления. Пригодится теперь». О чем речь? Эта карточка – итог полутора лет настойчивых усилий знаменитого композитора Балакирева, которые он предпринял для получения официального разрешения побочным сыновьям Улыбышева носить родовую фамилию и отчество по отцу. Однако вскоре в 1910 г. Балакирев умер, так что карточка не дошла до него.

Что могут означать слова – День Священной памяти моего дорогого отца? Очевидно, День его рождения или День его смерти. Но умер-то он все-таки в январе. Может быть, 30 августа – это день его рождения или, скорее, день его именин? Именины для носящих имя Александр по православному календарю празднуются за год несколько раз. Именно на 30 августа (по старому стилю) выпадал День святого благоверного великого князя Александра Невского и преподобного Александра Свирского. Возможно, кто-то из них был небесным покровителем Александра Улыбышева. И он праздновал в этот день свои именины. Если наши догадки верны, даты на памятнике должны бы выглядеть так: дата рождения – около 30 августа 1794 г.; дата смерти – 24 января 1858 г.

Но вернемся к очерку Гациского. Есть в нем еще неточность. Матушку Александра Дмитриевича звали не Юлия Васильевна, а

Юлия Федоровна. Об этом свидетельствует собственноручная ее подпись в архивном деле о разделе имущества умершего коллежского советника Дмитрия Васильевича Улыбышева между его детьми и вдовой [5, л. 1–4]. Кстати, из этого же документа можно узнать, что отец нашего героя скончался 17 декабря 1824 г. Тогда как из очерка можно сделать вывод, что он умер в 1830 г. (год отставки сына). Там сказано: «В отставку он (А.Д. Улыбышев – прим. авт.) вышел вследствие кончины своего отца и с тех пор поселился в родовом своем нижегородском имении Лукине» [2, с. 59].

Собственно говоря, упреки по поводу неточностей надо адресовать не автору очерка, а зятю А.Д. Улыбышева – Константину Ивановичу Садокову, тогдашнему директору Нижегородской гимназии, который помогал Гацискому и которого тот благодарит за представленный ему аттестат А.Д. Улыбышева и за ценные сведения из истории семьи.

Теперь вернемся к вопросу о месте рождения нашего героя. Александр Серафимович Гациский честно написал, что не знает, где именно Улыбышев родился. Откуда взяли некоторые нижегородские исследователи, что он появился на свет в нижегородском имении Лукино, – неясно. Церковных документов о крещении младенца не сохранилось.

В книге под редакцией профессора Н.Ф. Филатова «Нижегородский край: факты, события, люди» сказано, что Александр Дмитриевич родился в 1794 г. в Лукине, а в 1802 г. отец везет своих малолетних сыновей Александра и Владимира в германские земли для их обучения. Сама эта поездка в 1802 г. весьма сомнительна. В Европе в то время уже всюду кипят наполеоновские войны. Амьенский мир, который заключен между наполеоновской Европой и Англией, был не прочен. Это все понимали. И действительно, передышка была недолгой, сражения вскоре возобновились – и именно на германских территориях. Какой отец (тем более, уже отошедший, по Филатову, от службы в 1791 г.) повезет маленьких детей (Александрю восемь лет, Владимиру и вовсе три года) навстречу военной неразберихе? Возможно, Н.Ф. Филатов сделал предположение об отставке Дмитрия Васильевича и возвращении его на родину в 1791 г., основываясь на том, что в 1792 г. тот подал прошение о внесении его в родословную книгу дворян Нижегородской губернии. Не исключено, что прошение это о юридическом подтверждении своего дворянского статуса и было связано с намерением Дмитрия Васильевича создать семью и, так сказать, «свить гнездо». Только вот почему же именно в нижегородском имении? Неясно.

Об отце А.Д. Улыбышева известно мало. О матери еще меньше. Однако есть один касающийся матери Александра Дмитриевича факт, который на весах сомнений о месте рождения нашего героя (а также его брата и сестер) обеспечивает перевес в пользу Германии. Дело в том, что Юлия Федоровна (так именовалась она по имени и отчеству в России) была немкой. Об этом пишет в предисловии к одному из своих поэтических сборников младшая сестра Александра Дмитриевича, известная в свое время поэтесса Елизавета Улыбышева. «Гернии и лавры» – так в переводе с французского (а писала Елизавета Дмитриевна преимущественно на французском) звучит название этого сборника, изданного в Москве в 1845 г.

Декабрист Никита Муравьев писал своей матери Е.Ф. Муравьевой из Москвы в ноябре 1817 г., что обедал накануне у Дмитрия Васильевича Улыбышева. Он рассказывает о его детях – о старшем и «меньшом» сыновьях и об одной из дочерей. И добавляет, что их «мать весьма дурно говорит по-русски и весьма тиха» [6, с. 103]. Это и понятно – семья переехала в Россию из Дрездена всего шесть лет назад, и Юлия Федоровна недостаточно еще освоила язык своей новой родины.

Она немка, а значит, скорее всего, не православного вероисповедания. Венчание в Дрездене происходило бы, скорее всего, по обрядам протестантской церкви. Так что, конечно, права исследовательница А.А. Штейнберг, говоря, что в России «по тогдашним законам считалось, что дети Улыбышевых рождались вне брака; они стали “законными” лишь на основании императорского указа 1806 года» [7, с. 74]. И лишь этим можно объяснить обескураживающий, на первый взгляд, факт. Старшему сыну было уже двенадцать лет, когда Высочайшим указом от 30 октября 1806 г. детям Улыбышевых Александру, Владимиру, Екатерине, Любове (впоследствии это имя нигде не упоминается, возможно, она умерла в младенчестве – прим. авт.) и Елизавете было дозволено «вступить во все права по роду и наследию, законным детям принадлежащие». Об этом свидетельствует архивное дело фонда Департамента герольдии Сената [8, л. 20 об].

Итак, семья находилась на момент рождения Александра все-таки в Дрездене. Приезд Дмитрия Васильевича Улыбышева в нижегородское имение в 1791 или 1792 г. был связан не с отставкой, а с каким-то другим обстоятельством. Возможно, с предстоящей в Дрездене женитьбой на немке и необходимостью подтвердить свой дворянский статус. Их дети, в том числе и наш герой, увидят русскую землю никак не раньше 1810 г., когда, по свидетельству мемуариста, Улыбышевы навсегда вернулись в Россию.

Обратим теперь свой мысленный взор к Саксонии, плодородной и живописной земле на востоке Германии. К тому периоду ее истории, когда наш герой мог жить там и впитывать в себя великую европейскую культуру. В первую очередь, культуру Германии, что, по мнению Гациского, «имело влияние на философский образ его мышления, на любовь к музыке, и при том так называемой серьезной, классической, и вообще на то, что Улыбышев смотрел всегда “европейцем”, конечно, с некоторой примесью родного отечественного барства» [2, с. 58].

1780–1790 гг. были для Саксонии годами процветания. К этому времени она не только оправилась после разгрома, учиненного ей Пруссией в ходе Семилетней войны (1756–1763), но и заново разбогатела. Сыграло свою роль выгодное географическое положение. Богатые Рудные горы, среди которых располагается Саксония, обеспечили развитие промышленности, разрабатывались рудники, развивалась металлургия, производство фарфора и фаянса было поставлено на широкую ногу. В 1765 г. в саксонском Фрейберге была основана Горная академия. В Лейпциге ежегодно собиралась знаменитая во всей Европе ярмарка. Крупнейшими научными центрами слыли университеты в Лейпциге и Фрейбурге. В 1764 г. в Лейпциге и Дрездене открылись художественные академии. И все-таки культурным центром не только Саксонии, но и Германии единодушно признавали Дрезден. Его называли «саксонской Флоренцией» или «Флоренцией на Эльбе». Собранные в течение нескольких веков художественные коллекции, сложившиеся здесь музыкальные традиции, великолепная архитектура привлекали в город на Эльбе огромное число «паломников».

Самым знаменитым русским путешественником был побывавший в Саксонии в июле 1789 г. Николай Михайлович Карамзин, тогда еще молодой (23-летний) журналист и начинающий писатель. «Дрезден едва ли уступает Берлину в огромности домов, но только улицы здесь гораздо теснее, – писал он в книге “Письма русского путешественника”, ставшей итогом его большой поездки по Европе. – Жителей считается в Дрездене около 35 000: очень не много по обширности города и величине домов! Правда, что на улицах и не много людей встречается; и на редком доме не прибито объявления об отдаче в наем комнат. За две или три порядочно убранные горницы платят здесь в месяц не более семи или восьми талеров. В некоторых местах города видны еще следы опустошения, произведенного в Дрездене прусскими ядрами в 1760 году. С час стоял я на мосту, соединяющем так называемый Новый город с Дрезденом, и не мог насытиться рассматриванием приятной картины, которую образуют обе части города и прекрасные берега Эльбы» [9, с. 51–52].

Случилось так, что в отличие от других городов в саксонской столице Карамзин не имел никаких рекомендаций для знакомства с представителями местного культурного сообщества, кроме некоего господина П., с которым у него получился кое-какой разговор о России и о немецких поэтах. Кроме того, Василий Львович Пушкин, дядя великого поэта, побывавший в 1803 г. в Берлине, рассказал в письме Н.М. Карамзину, что некий священник Иван Борисович Чудовский с удовольствием вспоминал о чаепитии с автором «Писем русского путешественника» в Дрездене [10, с. 99].

Остается только сожалеть о несостоявшейся тогда встрече Карамзина с деятельным российским посланником князем Александром Михайловичем Белосельским-Белозерским. Он не только наверняка поспособствовал бы ему в общественных контактах, он и сам был личностью выдающейся – блестящим поэтом, издавшим несколько стихотворных сборников на французском языке, ревностным ценителем искусства и коллекционером, философом, собеседником Мармонтеля, Вольтера, Бомарше, Лагарпа. А, кроме того, сочинителем трактата «Дианиология, или Философская картина интеллекта», на публикацию которого в 1790 г. откликнулся одобрительным письмом сам Иммануил Кант. Определенно, им было бы, о чем поговорить с Николаем Михайловичем Карамзиным, образованнейшим человеком, писателем и будущим историографом. Увы, в Дрездене они не встретились. Князь уехал тем летом на воды в Карлсбад.

Итак, во времена, когда Д.В. Улыбышев находился там, Дрезден был заметным культурным центром Европы. А одним из культурных центров самого Дрездена был дворец Боксберг на Сиротоприютской улице, где располагалось российское посольство в Саксонии. Вольфганг Амадей Моцарт, посетивший саксонскую столицу в апреле 1789 г., дал в городе два частных концерта – один в гостиной курфюрстины Марии-Амалии-Августы, другой во дворце Белосельского. «В среду 15 апреля Моцарт получил приглашение на обед к чрезвычайному российскому послу князю Белосельскому, обед, естественно, был соединен с музыкальным подношением», – значится в придворном журнале Саксонского курфюршества, который хранится в Государственном архиве Дрездена [11, с. 19–20]. Кстати, есть свидетельства о том, что это было не единственное выступление Моцарта у А.М. Белосельского. Там его встретил и был поражен его игрой эрфуртский пианист-виртуоз и композитор Иоганн Вильгельм Хесслер, который, оказавшись потом в России, вспоминал об этой встрече в доме русского посла [12, с. 59–60].

Гениальный Моцарт, музыкальный кумир и герой главного сочинения Александра Дмитриевича Улыбышева (пора уже обратиться к нашему герою), исполнял свою музыку в российском посольстве в Дрездене! И именно тогда, когда Улыбышев-отец служил в саксонской миссии. Нет, мы просто не можем пройти мимо этого факта! Пусть сам Александр Дмитриевич появится на свет только через пять лет, но ведь отец непременно должен был рассказать о знаменательной встрече сыну-меломану! А тот, в свою очередь, не мог не упомянуть об этом в первом томе «Новой биографии Моцарта», где дается обстоятельное жизнеописание зальцбургского гения.

Увы, дорогой читатель, тут нас с вами ждет разочарование. В XVIII главе первого тома книги Улыбышева, рассказывающей о концертной поездке Моцарта вместе с князем Лихновским по маршруту Прага-Дрезден-Лейпциг-Берлин в 1789 г., читаем: «Нам ничего не известно о его пребывании в Дрездене» [13, с. 151]. Вот так. Большая часть главы представляет собой подробный рассказ о пребывании музыканта в соседнем Лейпциге. Воссоздать его почти по часам и минутам помогли автору воспоминания музыкального критика и писателя Рохлица. В каких домах великий музыкант останавливался, где и перед кем музицировал, как проходили репетиции, как Моцарт дирижировал, что говорил и т.д. А о Дрездене «нам ничего не известно».

О том, что отец Улыбышева Дмитрий Васильевич служил саксонским посланником, упоминается в справочнике Ф.Ж. Фетиса «Всеобщая биография музыкантов», изданном в Париже в 1878 г., в других справочных изданиях и в мемуарных свидетельствах. Очевидно, сведения шли от самого Александра Дмитриевича или из его семьи. И, конечно, ставить их под сомнение мы не будем. Обратимся лучше к документам Коллегии иностранных дел.

Коллегия была создана на смену Посольскому приказу в 1722 г. С 1802 по 1832 год она существовала параллельно с Министерством иностранных дел. Делопроизводство было на высоте. В Государственном архиве древних актов и Архиве внешней политики Российской империи МИД собраны ценнейшие документы, в том числе, и интересующего нас времени. Кроме циркулярных писем, цидул, реляций и депеш здесь бережно хранятся «алфавиты» и ведомости по штатам Коллегии иностранных дел и ее денежной казне. А еще – выписки о делах, находящихся в московском и петербургском архиве Коллегии, послужные списки, расписки чиновников и заграничных служащих о нераспространении тайн и многое другое.

Имена глав российской миссии в Саксонии известны все. От первого посланника, назначенного при создании в Дрездене дип-

представительства России в 1744 г., М.П. Бестужева-Рюмина, влиятельного дипломата из числа «птенцов гнезда Петрова», до министра-резидента А.В. Вольфа, возглавлявшего российскую миссию с 1908 по 1914 год, после чего дипломатические отношения с Саксонией были прерваны и уже не возобновлялись. Всего 22 имени. Дмитрий Васильевич Улыбышев среди них не значится.

На руководящие посты в Коллегии иностранных дел и ее зарубежных миссиях привлекали обычно людей, обладавших не только высокими профессиональными качествами, но и светскими талантами, знатностью, богатством, высокой образованностью. Они представляли за рубежом державу. В XVIII в. посольскую миссию исполняли, например, известные русские писатели и поэты Антиох Кантемир, В.К. Тредиаковский, Ф. Эмин, В.В. Капнист, И.И. Хемницер, Д.И. Фонвизин. В 1760-е гг. при российской миссии в Дрездене служил известный в России литератор, автор знаменитой поэмы «Душенька» И.Ф. Богданович. К особому типу российской, а в каком-то смысле, и европейской интеллектуальной элиты принадлежал уже упоминаемый нами посланник князь Александр Белосельский-Белозерский, родовитый вельможа из Рюриковичей.

Итак, послом Улыбышев-отец не был. Но, возможно, когда говорили о его службе посланником, употребляли, так сказать, обобщенно-расширительное значение этого слова. То есть, имелась в виду его служба в посольстве вообще. Велик ли был состав миссии? В соответствии со штатом Коллегии на 28 января 1779 г. в составе нашей миссии в Саксонии числился министр второго ранга, советник (или секретарь) посольства, титулярный советник на должности переводчика и студент (говоря современным языком, стажер или практикант). Итого, четыре человека. Так же, как в Мадриде, Лиссабоне, Неаполе. В Париже, например, в миссии числилось семь человек. Как и в Лондоне. В Константинополе – аж 34 человека.

Листая архивные дела, мы можем познакомиться с некоторыми из рядовых членов миссии. Довольно часто, например, встречается в документах, связанных с ее работой в те годы, имя секретаря посольства Гаврилы Петровича Смирнова. Это о встрече с ним в Дрездене писал Н.М. Карамзин в 25-м письме своей книги путешествий. Письмо озаглавлено – «12 июля, в 10 часов вечера»: «После обеда был я в гостях у нашего молодого священника (имеется в виду Иван Борисович Чудовский – прим. авт.), где познакомился еще с секретарем нашего министра, а оттуда пошел один гулять за город, в так называемый Большой сад» [9, с. 56]. Имя секретаря посольства Смирнова на протя-

жении тридцати лет встречается в подписях, упоминается в текстах и ведомостях российского посольства в Саксонии.

О многом могут рассказать архивные документы. Мы узнаем из них о событиях будничной жизни миссии в конце XVIII в. О том, что весной 1785 г. там случился пожар, по поводу чего была создана комиссия и предприняты меры предосторожности на будущее. В феврале того же года отпущенный в «домовой отпуск» провиантмейстер Федор Львов заболел и был оставлен в России при Коллегии. А на его место в Дрезден отправился его брат Дмитрий Львов. О том, какой была введенная в начале правления Павла новая форма дипломатического мундира: кафтан темно-зеленый, воротник стоячий, обшлага из черного бархата, камзол и штаны белые, пуговицы на одну сторону, с гербом [14]. И так далее. Мелькают имена, фамилии, чины и звания. Но фамилия «Улыбышев» в делах миссии не встретилась нам ни разу. Так, может, и не жили Улыбышевы в Дрездене?..

Однако в Дрезденском адрес-календаре за 1810 год, хранящемся в Дрезденской государственной библиотеке, на странице 111 есть запись: «Hr. D.Oulibischeff, Keis. Russ. Collegienrath, a. Falkenschlage 592». Что означает: Господин Дмитрий Улыбышев (фамилия дается в общепринятой тогда у русских дворян французской транскрипции), далее идет подданство – Российская империя, чин по Табели о рангах – коллежский советник и адрес: Falkenschlage Nr. 592. Название улицы переводится примерно так: Соколиная улица, точнее, улица Соколиное гнездо. Так называлась она в те времена.

Соколиная улица существует в Дрездене и сейчас. Она ведет из центра в юго-западную часть города. Референт Саксонского государственного архива дрезденец доктор Jörg Ludwig свидетельствует: Falkenschlage располагалась где-то здесь, в районе площади Звезды. Дом под номером 592 за давностью не сохранился. После бомбежек Второй мировой войны Дрезден вообще отстраивался практически заново (воссоздан только исторический центр). И все-таки мы теперь можем, если немножко напряжем свое воображение, представить улицу и дом, где жила семья Улыбышевых, где рождались дети, где проходило детство нашего героя Александра Улыбышева, старшего из детей. По этой улице в Дрездене разносились звуки скрипки в прилежных руках семилетнего мальчика, изучавшего здесь азы музыкальной теории и исполнительских премудростей. О чем будет потом вспоминать в предисловии автор первого в Европе исследования о Моцарте.

А что касается службы отца в российской миссии – в Адрес-календаре прописан только чин Дмитрия Васильевича по Табели о рангах – коллежский советник, должность и место службы не обозначены.

Может быть, его сотрудничество с российским представительством было нештатным?

И вот тут нам поможет еще один архивный документ. Перед нами «Всепопданейший» доклад (датирован январем 1800 г.) на имя императора Павла, подготовленный руководителями Коллегии иностранных дел графом Н.П. Паниным и графом Ф.В. Растопчиным, с собственноручной резолюцией самодержца «Быть по сему». Суть доклада – аргументация в пользу сокращения штатов и суммы содержания заграничных миссий. В числе прочих аргументов в докладе говорилось и о том, что миссии «обросли» «большим числом людей, в оных ли находящихся или при разных миссиях употребляемых, от чего большая трудность существует сохранить столь нужную тайну, тем более еще, что жалование весьма недостаточное всем производится, а наипаче канцелярским служителям» [15, л. 112]. Предлагалось уменьшить число таких, по сути, сверхштатных, но платных сотрудников. Из тех же, кто «имея собственное достояние и способности, пожелают на своем содержании оставаться» при миссиях, приобретая опыт работы, предлагалось формировать резерв. Их называли «посольства кавалерами». Возможно, таким «посольства кавалером» был и Дмитрий Улыбышев, находясь при российском посланнике в Дрездене и исполняя, так сказать, разовые поручения? Вряд ли он имел от такой службы доход, но он и так был человеком небедным. В деле о наследовании принадлежавшего ему имущества после его смерти за ним значились земли в Нижегородской, Саратовской, Рязанской и Тверской губерниях, никак не меньше тысячи душ крестьян и дом в Москве.

Был ли смысл в таком нештатном сотрудничестве? А вы знаете, был. И даже по двум причинам. Во-первых, так сказать, моральное удовлетворение. Многие русские дворяне жили за границей. Но одно дело считаться в чужой стране этаким «туристом», чужаком. И совсем другое – числиться при государевой миссии. Чувствовать за своей спиной великую державу. Во-вторых, была еще и другая причина. Выгодные связи ценились всегда. Бывая в посольском доме, Дмитрий Васильевич наверняка общался не только с секретарем Гаврилой Смирновым, но и с князем посланником и с его гостями. И знакомства в этом кругу нужны были не только, что называется, здесь и сейчас. Подрастали сыновья, которых предстояло определять на службу, и дочери, которых надо будет выдавать замуж. Кстати, со временем ведь Дмитрию Васильевичу, действительно, удастся удачно пристроить обоих сыновей на выгодную службу в российской столице. Причем одного из них, нашего с вами героя Александра Улыбышева – в самом престижном дипломатическом ведомстве.

Но это будет потом. А пока, проживая, согласно Адрес-календарю 1810 года на улице Соколиное гнездо в доме 592 в Дрездене, надо было заботиться о моменте настоящем. Политическая ситуация была не из простых. Военные события, связанные с наполеоновской экспансией, неуклонно приближались к тихой благополучной саксонской столице. Курфюрсту Фридриху-Августу III удавалось довольно долго сохранять нейтралитет. Но, в конце концов, после сокрушительного поражения прусских войск под Йеной и Ауэрштедтом Саксония была вынуждена прийти в объятия Наполеона и присоединиться к наполеоновскому Рейнскому союзу.

В феврале 1807 г. Саксония уже должна была выставить 20-тысячный воинский контингент в борьбе против Пруссии и России на стороне Франции, а потом принять участие в походе 1809 г. против Австрии. Тучи над Россией сгущались. Пройдет совсем немного времени, и в начале 1812 г. в Саксонии снова будет объявлена мобилизация. 21 000 саксонцев под командованием французского генерала Жана-Луи Ренье в составе Седьмого корпуса Великой армии двинется из Оберлаузитца к российской границе. Саксония оказалась в состоянии войны с Россией. Российским посланником числился тогда один из старожилов на этом посту Василий Васильевич Ханыков, с небольшим перерывом прослуживший в Дрездене с 1802 по 1829 год. Он был арестован и пять месяцев находился в плену, после чего сумел уехать в Богемию, откуда вел переписку с российским МИДом.

Надо думать, не поздоровилось и другим российским гражданам, оставшимся в Дрездене. Семья Улыбышевых сумела вернуться в Россию заблаговременно. Поскольку адресные книги издавались по итогам года, а в календаре 1810 года их фамилия значится, уехали они из Дрездена, по-видимому, не в 1810, а в 1811 г. Так закончилась первая страница жизни Александра Дмитриевича Улыбышева – европейская.

Источники и литература

1. *Рассказова Л.В.* Род Улыбышевых // Пензенский временник любителей старины: научный и научно-популярный сборник Церковно-исторического комитета Пензенской епархии РПЦ. Вып. 14. Пенза, 2004.

2. Гациский А.С. Александр Дмитриевич Улыбышев. 1794–1858 // Русский архив. 1886. № 1.

3. Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (далее – РО РНБ). Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 1184.

4. РО РНБ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 1264.

5. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 177. Оп. 766. Д. 1546.
6. Никита Муравьев. Письма декабриста. 1813–1826 гг. М., 2001.
7. *Штейнберг А.* У истоков русской мысли о музыке // Советская музыка. 1967. № 10.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4067.
9. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984.
10. *Михайлова Н.И.* Василий Львович Пушкин. М., 2012.
11. Sächsisches Archivblatt. Heft 1/2006.
12. Erhard Hexelschneider. Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland 1790-1849. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2000.
13. Новая Биография Моцарта А.Д. Улыбышева. Т. 1. М., 1890.
14. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 84. Оп. 2. Ед. хр. 217.
15. АВПРИ. Ф. 132. Оп. 506. Ед. хр. 4.

НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕМИДОВЫ

Н.А. Пакшина

Нижегородские Демидовы происходили из рода крупнейших промышленников и меценатов Демидовых, выходцев из Тулы. Не столь давно, а точнее 5 апреля 2016 г. в Туле прошли торжественные мероприятия, посвященные 360-летию со дня рождения, основателя династии, оружейника Никиты Демидова (настоящее имя – Никита Демидович Антуфьев).

Своим дворянским титулом Демидовы обязаны землям именно Нижегородской губернии, которые еще в 1720 г. начал активно скупать Никита Демидов, в том же году и возведенный в «благородное дворянское достоинство». А спустя шесть лет его сыновьям Акинфию, Григорию и Никите был выдан диплом, как дворянам «по Нижнему Нову Городу», то есть по приобретенному их отцом имению. Но, долгие годы сами Демидовы там не жили, а местных крестьян отправляли на свои уральские заводы [1, с. 7].

Как известно, к своему дворянскому титулу Демидовы относились очень ответственно: они строили не только металлургические заводы (в XVIII в. всего их было создано 55 по всей России), но и храмы, дворцы, больницы, приюты, учебные заведения, собирали художественные и минералогические коллекции, библиотеки – другими сло-

вами, как могли, распространяли культуру, поощряли науки и образование, украшали свою жизнь и жизнь окружающих их людей.

А если, сказать точнее, нижегородская ветвь начинается от известного всем Прокофия Акинфиевича Демидова (1710–1786). Он был очень богатым человеком, основателем крупнейшего в XVIII в. Ботанического сада в России, одного из самых полных в мире, составителем многочисленных коллекций. Этот сад располагался в подмосковном имении Нескучное на берегу Москвы-реки. Отсюда и получил сад свое название «Нескучный сад».

Был он щедрым благотворителем. Более того, Прокофий Акинфиевич являлся абсолютным лидером в роду Демидовых по общей сумме пожертвований, например, только на создание Воспитательного дома (первоначальное название «Сиропитательный») в Москве он внес сумму в 1 млн 107 тыс. рублей. В 1765 г. он написал сочинение «Об уходе за пчелами». Создание этого трактата связывается с намерением завести пасеку при московском Воспитательном доме.

Но вернемся к нижегородским Демидовым. Как попали представители этого рода на нижегородскую землю? Одним из первых обосновался на востоке Нижегородской губернии (в Васильском уезде) внук упомянутого ранее Прокофия Акинфиевича Василий Львович Демидов (1769–1861).

В 17 лет он окончил морской кадетский корпус. После чего участвовал в русско-турецкой войне (1787–1791). Воевал под предводительством адмирала Ушакова против турок, а потом под предводительством Суворова участвовал во взятии Рымника в 1789 г., а в 1790 г. – во взятии крепости Измаил. Там он был тяжело ранен, перенес операцию, после чего его признали негодным к несению военной службы. Исполнилось молодому человеку в ту пору всего 21 год. В конце XVIII в. он перебирается в Нижегородскую губернию.

Василий Львович прожил в этих краях более 60 лет до самой смерти, и там же был похоронен в 1861 г. По словам краеведа А.М. Дюжакова, он вступил в права наследования на эти земли после смерти отца в 1801 г.

Но еще раньше, в 1798 г., В.Л. Демидов заложил парк, который занимал пологий южный склон, обращенный к реке Урге, протекавшей приблизительно в километре [2, с. 12].

Был там продолговатый водоем, вдоль которого высадили аллею из огромных серебристых тополей (точнее белых тополей). Они сохранились и ныне, стали огромными, с диаметром ствола до полутора метров. Достопримечательностью парка была и остается 350-метровая полукруглая подъездная аллея шириной 8 метров [3, с. 159, 160].

Василий Львович Демидов женился на бывшей крепостной крестьянке Неониле Ивановне Ивановой. Первые дети родились до брака, но потом он усыновил их в 1816 г. По словам А.М. Дюжакова, Быковка «была подлинным родовым гнездом, в котором родились не только все дети Василия Львовича, но и почти все внуки, и большая часть правнуков» [4]. Следует сказать, что у супругов Демидовых было 11 детей.

В Быковке обосновались старшие его сыновья Александр Васильевич и Аркадий Васильевич, которые активно продолжали дело отца в плане благоустройства территории, садов, парков, прудов.

Все представители рода, проживавшие в Нижегородской губернии, активно занимались земской деятельностью и благотворительностью. Александр Васильевич был первым председателем Васильской земской управы, предложив в качестве здания управы использовать свой дом.

Сейчас в этом доме расположен сельский музей, который по праву можно считать музеем Демидовых, учитывая тот факт, какое большое количество фотографий, документов, вещей, относящихся к Демидовым, там имеется.

Данная статья посвящена одному из представителей нижегородского дворянства Платону Александровичу Демидову. Возможно, многие читатели встречали его имя, в связи с тем, что он доводился зятем известному филологу, писателю Владимиру Ивановичу Далю и тестем музыканту и композитору Сергею Михайловичу Ляпунову (историей семьи которого немало лет занимается автор). Но, в данной публикации хотелось бы остановиться не столько на родственных связях, сколько рассказать о нем самом.

Почему решено было изучить жизнь именно этого человека? Ведь среди нижегородских Демидовым немало людей, жизнь которых достойна пристального изучения. Например, его брат Николай Александрович (1859–1891) увлекался историей, он автор «Исторического очерка Васильурского уезда Нижегородской губернии», который до сих пор является настольной книгой местных краеведов [5]. К сожалению, Николай Александрович рано умер от чахотки, в 32 года.

Платон Александрович был человеком колоритным. Если мы посмотрим на его фотопортреты, то сразу почувствуем, что перед нами человек незаурядный. Ярким примером является фотография, выполненная А.О. Карелиным.

П.А. Демидов родился в 1840 г. в Васильурском уезде Нижегородской губернии в семье Александра Васильевича Демидова и Анастасии Николаевны Демидовой (урожденной Сушевой). В этом браке

родилось четыре сына (Платон, Александр, Михаил и Николай) и пять дочерей (Мария, Евгения, Софья, Екатерина и Александра).

Мать Платона происходила из семьи потомственных военных, поселившихся в Нижегородском Поволжье еще до Демидовых. Ее родными братьями были Иван Николаевич Сушев – капитан корвета «Оливуца», погибший на Камчатке, и юрист, обер-прокурор Сената, камергер Николай Николаевич Сушев, о котором писали в своих воспоминаниях С.Ю. Витте [6, с. 75, 76, 224–228] и Н.Е. Врангель [7].

Его отец Александр Васильевич Демидов – нижегородский помещик, майор. Окончил Институт Корпуса инженеров путей сообщения, какое-то время преподавал там архитектуру и начертательную геометрию [8, с. 100–117].

Платон Александрович учился в Нижнем Новгороде в Дворянском Александровском институте с 1852 по 1859 год. Вместе с ним обучение проходил и его младший брат Александр, который шел классом ниже.

Что представляло тогда это учебное заведение? В 1850-е гг. оно было небольшим, принимая во внимание количество учеников. Например, в 1857/1858 учебном году там обучалась всего 79 человек, причем на тот момент это учебное заведение было сословным (исключительно для детей дворян и чиновников) [9, л. 7]. Сохранилось несколько архивных документов, в которых мы можем видеть, как учился Платон Демидов [10, л. 96; 11, л. 6].

Высшее юридическое образование он получил в Московском Императорском Университете.

5 июня 1864 г. Платон женился на Ольге Владимировне Даль и стал главой большого семейства. В семье росли сыновья Игорь и Лев и дочери Ольга, Евгения и Неонила. Все девочки учились в Москве, они закончили экспериментальную женскую классическую гимназию С.Н. Фишер, в которой преподавались древние языки, математика и теология. Сыновья получали образование в Нижнем Новгороде в стенах Дворянского института.

А летний период все годы Платон Александрович с семьей проводил на хуторе Гремячий, что находился в шести километрах от Быковки в живописном месте на реке Имза.

Хутор Гремячий был для Платона Александровича не только местом ежегодного отдыха, но и местом его активной деятельности как помещика. Он разбил возле дома парк, отдельные деревья которого радуют глаз до сих пор. На территории бывшей усадьбы можно увидеть и старые дубы, которые растут полукругом, и букетную посадку лип.

При нем были построены молочная ферма и небольшой маслозавод. Ежегодно только в Москву вывозилось до ста пудов масла, хотя на ферме и заводе работало всего 10 человек (3 скотника, 6 скотниц-доярок и 1 работница, занимающаяся производством масла). А роль холодильника в летнее время выполняла запруда возле ключа, бьющего из-под горы и имеющего температуру всего 4,5 градуса. В 1881 г. П.А. Демидов опубликовал заметку «Скотоводство и молочное производство Александровского Гремячего хутора Платона Александровича Демидова при селе Быковке Васильсурского уезда Нижегородской губернии». Хутор он назвал Александровским в честь того, что изначально его начал обустривать его отец Александр Васильевич.

Следует отметить, что Платон бережно относился к истории и традициям своей семьи и в 1873 г. опубликовал родословную Демидовых [12, с. 15].

Расскажем немного о профессиональной и общественной деятельности этого человека. Поначалу он был участковым мировым судьей Васильского округа. Позже Платон Александрович Демидов за свою справедливость и образованность удостоивался звания почетного мирового судьи [5]. Работал главным агентом в Агентстве 1-го Российского страхового общества, учрежденного в 1827 г.

Платон Александрович принимал самое деятельное участие в общественной жизни губернии. Чтобы представить его тесную связь с деятельностью многочисленных организаций, достаточно взглянуть в именной указатель Адрес-календаря по Нижегородской губернии, например, за 1891 г. [13, с. 69, 11, 24]. Возле его фамилии стоят ссылки на шесть различных страниц! Мало у кого из нижегородских дворян мы можем наблюдать подобную картину.

Несомненно, Платон Александрович был хорошо известен многим людям в Нижнем Новгороде, причем людям самых разных сословий, занятий и возрастов. Например, в конце 1880-х гг. он являлся почетным попечителем Дворянского института, где некогда учился сам [14, с. 94].

Он также состоял действительным членом Нижегородской Епархиальной церковно-археологической комиссии, членом Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. В 1891 и 1892 гг. был членом Попечительного совета Нижегородского речного училища.

В 1888 году он стал инициатором создания, а позже и председателем кружка любителей физики и астрономии. Поводом и дополнительным толчком для создания кружка послужило солнечное затмение 1887 г. Это достаточно редкое явление ожидалось 19 августа.

А полоса его полной фазы должна была проходить не столь далеко от Нижнего Новгорода. Сохранилась любопытная фотография А.О. Карелина «Группа нижегородцев на палубе парохода “Эолина”», на которой запечатлены участники этой небольшой экспедиции [15, с. 256].

Собрание учредителей кружка 4 октября выбрало правление. Первым его председателем стал сам инициатор всего этого дела – Платон Александрович Демидов. Следует добавить, что был он страстным любителем астрономии и пожертвовал кружку часть своей библиотеки, а также передал небольшой переносной телескоп, который ему достался от профессора Казанского университета М.А. Ковальского.

Торжественное открытие кружка состоялось в зале Дворянского собрания 23 октября (4 ноября) 1888 г. Его открыл молебном Преосвященнейший Модест, Епископ Нижегородский и Арзамасский, в сослужении четырех священников, четырех диаконов, при пении хора воспитанников Нижегородского Дворянского института.

Первоначально для заседаний кружка, по предложению предводителя Нижегородского дворянского собрания И.С. Зыбина, была выделена комната в здании дворянского собрания на Большой Покровской улице [16].

Также Платон Александрович был избран в правление Александровского банка. Целью банка и его основной филантропической задачей было оказание помощи дворянству Нижегородской губернии в поддержании помещичьего землевладения. Занимался банк и благотворительностью: поддержка неимущих дворян, выдача пособий для обучения дворянской молодежи, содержание Александровского дворянского института, хранение капиталов Нижегородского Мариинского института благородных девиц и пр. [17, с. 47].

В конце XIX в. банк переживал тяжелые времена. В 1891 г. он оказался на грани краха. Одной из причин была неплатежеспособность обедневшего и ставшего мелкопоместным дворянства. Впрочем, вкладчики не пострадали, правительство, предоставило банку кредит в 7,5 млн рублей для расчетов с ними. Но за это нижегородские дворяне лишились власти над своим банком, он перешел в руки государства. Сильнее всего пострадало в сложившейся ситуации руководство банка.

И вот на пике активности действительный статский советник П.А. Демидов заболел раком. История с Александровским банком прервала его карьеру, подорвала здоровье и ускорила кончину [12, с. 18]. Умер Платон Александрович 7 октября 1892 г. в возрасте 52-х лет.

Революционные и послереволюционные события погубили многих его близких родственников, раскидали детей и внуков по миру. Был расстрелян сын Лев, убит брат Александр. Сын Игорь с семьей

покинул Россию, эмигрировав во Францию, внучка Екатерина, дочь Неонилы, сначала оказалась в Харбине, а потом в Соединенных Штатах Америки. Но Платону Александровичу об этом уже не суждено было знать. Не хотелось бы заканчивать повествование на столь трагичной ноте.

Давайте посмотрим на один из его фотопортретов, выполненных А.О. Карелиным. Платон Александрович изображен на нем в полный рост [15, с. 46]. Мы видим статного мужчину в расвете сил. Портрет постановочный, выполненный, скорее всего, в ателье фотографа и подписи к нему в разных изданиях разные, например, можно встретить «Мужской портрет», «Нижегородский помещик». Когда-то, увидев его впервые, подумала, что составители альбомов просто не смогли его идентифицировать. Но позже более достоверным показалось то, что художник увидел в нем черты типичные, характерные для дворян конца XIX в. На нас смотрит человек основательный, с чувством собственного достоинства, и вместе с тем интеллигентный и харизматичный.

Источники и литература

1. *Филимонова Г.В.* Места памяти. Неизвестные усадьбы Нижегородской области. Н. Новгород, 2010.
2. *Пакишина Н.А.* Нижегородские Демидовы: верность традициям // Современные исследования в гуманитарных и общественных науках: сб. ст. Т. 2. Казань, 2015.
3. *Баулина В.В.* Сады и парки Горьковской области. Горький, 1981.
4. Нижегородские Демидовы // Открытая Нижегородская Энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nnov.ec/Нижегородские_Демидовы (дата обращения – 29.06.2015).
5. *Кострова В.* Праздник в старой усадьбе. Возвращение доброго имени старинного рода – дело чести учителя истории // Среда обитания. 2013. № 23.
6. *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания 1849–1911 гг. М., 1991.
7. *Врангель Н.Е.* Патриарх дикой жизни. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003.
8. *Краснова Е.И.* Нижегородские Демидовы в родовом имении Быковка (Васильсурский уезд) // Записки краеведов. Вып. 10. Н. Новгород, 2004.

9. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 522. Оп. 459. Ед. хр. 49 – Статистические сведения об Александровском Дворянском Институте за 1857 г.
10. ЦАНО. Ф. 522. Оп. 459. Ед. хр. 34а – Аттестаты и таблицы годовых испытаний учеников на 1854 г.
11. ЦАНО. Ф. 522. Оп. 459. Ед. хр. 57 – Отчет о состоянии Александровского Дворянского института за 1858 г.
12. *Пакшина Н.А.* Платон Александрович Демидов: краткое жизнеописание // Современные исследования в гуманитарных и общественных науках: сб. ст. Т. 2. Казань, 2015.
13. Адрес-календарь по Нижегородской губернии на 1891 год. Н. Новгород, 1891.
14. Нижний Новгород и нижегородцы в старинных фотографиях: фотоальбом. Н. Новгород, 2013.
15. Андрей Осипович Карелин. Творческое наследие / сост. А.А. Семенов, М.М. Хорев. Н. Новгород, 1990.
16. *Пономарев С.М.* Первому астрономическому обществу России 125 лет // Астрокурьер. Приложение к информационному выпуску. 2013. 12 ноября.
17. *Булдырева Л.В.* Николай Павлович Геркен – директор Александровского дворянского банка в Нижнем Новгороде // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2013. № 1.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ О М.П. ДМИТРИЕВЕ И ЕГО СЕМЬЕ

Л.Ю. Ганюшкина

О знаменитом нижегородском фотографe М.П. Дмитриеве написано и сказано немало, тем не менее, еще сохранились малоизвестные широкому кругу общественности факты о нем и о его родных.

М.П. Дмитриев родился 9 (21) августа 1858 г. в деревне Повалишино Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Он был незаконнорожденный сын Александры Герасимовой – дворовой девки помещика Афонасьева. Крещен в Троицкой церкви села Средняя Оржевка (Масловка). Его восприемниками были дворовая (того же помещика) девка Параскева Трофимова и мещанин города Кирсанова Дмитрий Александров Некритцкий [1, л. 7]. По имени крестного отца и получил

фамилию будущий фотограф, но произошло это гораздо позднее, когда Максиму было уже 20 лет. Интересно, что отчество у Максима Дмитриева первоначально было тоже по имени крестного – Дмитриевич, а позднее – Петрович. Причем на протяжении почти 30 лет у него было одновременно два отчества: в одних документах он значился Дмитриевич, в других – Петрович.

Любопытное совпадение – другой известный нижегородский фотограф А.О. Карелин также был незаконнорожденным сыном крестьянки Тамбовской губернии.

В двухлетнем возрасте Максима отдали на воспитание бездетному крестьянину Емельяну Куприянову, проживавшему в Егорьевском уезде Рязанской губернии. Здесь, в церковно-приходской трехгодичной школе, будущий фотограф получил свое единственное общее образование. Он рано начал трудовую деятельность: в 14 лет, приехав в Москву, устроился «мальчиком» в посудную лавку. В пятнадцатилетнем возрасте юноша поступил на службу в ателье придворного московского фотографа М.П. Настюкова, где нашел свое настоящее призвание. Постигая фотографическое мастерство, молодой человек одновременно учился рисованию в воскресных классах Строгановского училища.

Фотограф М.П. Настюков ежегодно выезжал на Нижегородскую ярмарку. В 1874 г. он взял с собой Максима Дмитриева. В Нижнем Новгороде юноша познакомился со знаменитым художником-фотографом А.О. Карелиным. Через три года, расторгнув договор с М.П. Настюковым, Дмитриев переехал в Нижний Новгород и устроился ретушером в фотоателье Д.С. Лейбовского, ученика Карелина. Здесь он и познакомился со своей будущей тещей – А.М. Городецкой (1847 – 1918(?)). Примечательно, что Анна Михайловна была фотографом, ученицей Д.С. Лейбовского, который в 1894 г. передал ей фотосалон, расположенный в доме на улице Варварской напротив Дворянского института имени Александра II [2, л. 210 об. – 211].

В 1879 году набравшийся опыта М. Дмитриев получил приглашение от А.О. Карелина. Для молодого человека это была большая удача. Годы учебы, проведенные у этого известного мастера, очень много дали Дмитриеву. В 1886 г. на улице Осыпной он открыл собственное фотоателье, которое через несколько лет стало знаменитым.

Удача сопутствовала М.П. Дмитриеву и в личной жизни. Восьмого января 1892 г. он женился на А.Ф. Городецкой (1871–1943) [3, л. 197 об. – 198], одной из первых нижегородских красавиц. Венчание состоялось в Николаевской верхнепосадской церкви, находившейся на улице Большой Покровской, неподалеку от фотоателье М.П. Дмитрие-

ва. С Анной Филипповной Максим Петрович прожил более полувека. В этом счастливом браке родились трое детей: Анна [3, л. 193 об. – 194], Александр [4, л. 47 об. – 48] и Екатерина [5, л. 5 об. – 6]. Они были крещены в той же церкви, где венчались их родители. Примечательно, что восприемники (крестные) у всех детей были одни и те же – их бабушка Анна Михайловна Городецкая и свободный художник, коллежский асессор Константин Петрович Померанцев (1835–1905). Кстати, в крестные, как правило, приглашали или родственников, или близких друзей. Это дает основание утверждать, что М.П. Дмитриева и К.П. Померанцева связывала большая дружба. Личность последнего примечательна во многих отношениях.

Константин Петрович учился в Императорской академии художеств (с 1850 по 1863 г.) вместе с И.Н. Крамским и К.Е. Маковским. В 1863 г. К.П. Померанцев получил звание художника по исторической живописи с правом на чин XIV класса. Его программная работа в академии «Харон перевозит души усопших через реку Стикс», как и некоторые другие, хранится в Нижегородском государственном художественном музее. В Нижнем Новгороде Константин Петрович преподавал рисование в Мариинском институте благородных девиц и в бесплатных воскресных классах Общества любителей художеств. Он принимал участие в организации Нижегородского художественного и исторического музея.

Незаурядной личностью была и А.М. Городецкая – теща М.П. Дмитриева. Впервые она упоминается в Окладной книге Нижегородской городской управы за 1882 год как московская мещанка, купившая двухэтажный деревянный дом на улице Острожной [6, л. 132 об. – 133]. Работая фотографом у Д.С. Лейбовского, Анна Михайловна одна воспитала двоих детей (дочь Анну и сына Николая). В 1897 г., уже будучи трижды бабушкой и нижегородской купчихой 2-й гильдии, она вышла замуж за судебного следователя статского советника Сергея Федоровича Ефимова. Удивительно то, что в метрической книге Алексеевской церкви в записи о венчании А.М. Городецкая значится как 50-летняя девица, вступающая в первый брак [7, л. 31 об. – 32]. Что это – случайная описка, введение в заблуждение или умышленный подлог, скрывающие тайну личной жизни Анны Михайловны? В окладных книгах за более поздний период она упоминается как Ефимова (по первому браку Городецкая) [8, л. 14 об. – 15].

Анна Михайловна и Сергей Федорович прожили вместе 15 лет, до его смерти. Несмотря на замужество, принесшее в ее жизнь спокойствие, уверенность и достаток, она продолжала работать фотографом в своем салоне, содержала красильное заведение [9, л. 196] и даже слава-

ла в доме на улице Варварской квартиру внаем [10, л. 117 об.]. Все это говорит о том, что А.М. Городецкая – женщина умная, независимая, талантливая, трудолюбивая, с предпринимательской жилкой. Последнее упоминание о ней в документах Центрального архива Нижегородской области относится к 1918 г. в связи с оплатой налога за одноэтажный деревянный дом на углу Варварской и Мистровской улиц [11, л. 37 об. – 38], доставшийся ей от мужа.

А как же сложилась жизнь внуков-крестников А.М. Городецкой?

Анна Максимовна (1892–1942) вышла замуж за Александра Викторовича Пирожникова. У них родились дочь Мария и сын Виктор. Жила семья Пирожниковых вместе с Максимом Петровичем и Анной Филипповной в доме № 32 (снесен в конце 1990-х гг.) на улице Ижорской. Этот двухэтажный деревянный дом с верандой, увитой диким виноградом, стоял среди вишен и цветов. Садоводством увлекался А.В. Пирожников, которого все в округе звали Агрономом. Семья жила дружно, в атмосфере любви и взаимопонимания. Старшая дочь Максима Петровича после продолжительной болезни умерла в 1942 г., а через год он похоронил горячо любимую жену Анну Филипповну. Внучка Мария вышла замуж за Александра Курносова из Дзержинска, а внук Виктор, став врачом, уехал в Пермь, где возглавил Дом санитарного просвещения.

Александр Максимович Дмитриев (1893–1955) был очень способным человеком. Получив юридическое образование, работал в Нижегородской коллегии адвокатов. Его жена Анна Моисеевна Ротенберг, зубной врач, имела частную практику. К сожалению, их брак был бездетным.

Екатерина Максимовна (1895–1976(?)) вышла замуж за врача-отоларинголога Николая Петровича Михалкина (1891–1947(?)), сына известного хирурга П.Н. Михалкина (1861–1931). Интересно, что Петр Николаевич возглавлял хирургический корпус Мартыновской больницы, построенный в 1899 г. на средства нижегородской купчихи Г.Н. Рябининой, родной сестры его жены Александры Николаевны. Хирургический корпус был оснащен по последнему слову медицинской техники, имелся даже рентгеновский аппарат – первый в провинциальных городах России. Кстати, усадьба на улице Ильинской, рядом с Вознесенской церковью, принадлежала сестрам Агнии, Анне, Галине и Александре, доставшись в наследство от матери – Т.И. Рябининой [12, л. 57 об. – 58] (урожденной Щипахиной [13, л. 201]).

Младший зять М.П. Дмитриева, Н.П. Михалкин, был достойным человеком. В 1910 г. он окончил Нижегородский Александровский

дворянский институт с серебряной медалью [14, л. 200 – 200 об.], в 1915 г. – медицинский факультет Московского университета. Став врачом, Николай Петрович «работал в военных госпиталях, при штабе армии, в эвакогоспиталях. Вернувшись в Нижний Новгород после демобилизации, создал первое в городе ушное отделение, в 1924 году стал организатором клиники “ушных, носовых и горловых болезней”. Много оперировал, вел научную работу. Будучи хорошим художником, ... составил анатомический атлас уха и верхних дыхательных путей с оригинальными рисунками... В годы Великой Отечественной войны работал в госпиталях, защитил диссертацию...» [15, с. 43].

Дочь Николая Петровича и Екатерины Максимовны продолжила медицинскую династию Михалкиных. Отоларинголог, кандидат медицинских наук А.Н. Михалкина (1924–2004) работала на кафедре Горьковского медицинского института. К сожалению, личная жизнь Анны Николаевны не сложилась. Детей у нее не было, поэтому потомки фотографа М.П. Дмитриева есть только по линии его старшей дочери и проживают в Дзержинске и Перми.

М.П. Дмитриев был многогранной личностью. Профессиональный фотограф, прекрасный семьянин, он находил время и для общественной деятельности. Максим Петрович являлся постоянным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, действительным членом Русского географического общества, постоянным членом Нижегородского общества любителей художеств, активно участвовал в работе Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, возглавлял правления Нижегородского фотографического кружка и Нижегородского общества фотографов профессионалов, был одним из учредителей и членов совета Нижегородского общества пчеловодства. Этот вид общественной деятельности тесно переплетался с увлечением знаменитого фотографа.

На даче у М.П. Дмитриева, что располагалась на Щелоковском хуторе, была своя пасека. «Она была солидная, до семидесяти с лишним ульев, – вспоминал внук фотографа Виктор Александрович Пирожников. – Среди них была одна оригинальная пчелиная колода – рамочный улей в виде сказочной избушки на курьих ножках, собранной из пятисантиметровых жердочек, как рубленая изба. Дед вообще любил художественно оформлять ульи, сам разрабатывал проекты таких оригинальных строений. У одного из ульев он расписал все его четыре стороны рисунками по мотивам русских народных сказок. Где-то даже фотографии этих ульев были...»

М. Горький, знавший об увлечении деда пчеловодством, однажды сказал ему: «Ты – Максим, и я – Максим. Только я Максим Горький, а ты – Максим Сладкий» [16, с. 4].

М.П. Дмитриева и М. Горького связывала многолетняя дружба. Благодаря ей Максиму Петровичу удалось создать фотолетопись жизни пролетарского писателя, его родных и знакомых. Следует отметить, что дом № 32 на улице Ижорской и дачу на Щелоковском хуторе оставили за известным фотографом благодаря заступничеству М. Горького. Для этого Алексей Максимович написал ходатайство в Нижегородский губисполком: «...Человек этот честно проработал до 72 лет, сильно продвинул вперед технику русской фотографии, обратил на нее внимание Европы и вообще заслуживает всяческого почтения как человек, который в свое время, в 1907–1908 годах, сделал немало доброго революционному движению, имею в виду его материальную помощь».

Дружили они семьями: общались жены, дети, а впоследствии и внуки. «В 1901 году, во время пребывания М. Горького в Нижегородском остроге, Максим Петрович и Анна Филипповна все время посещали его семью, тогда как многие другие знакомые боялись быть заподозренными в политических связях с писателем. В летние месяцы не один раз гостила семья Пешковых на даче фотографа. Особенно здесь было раздолье для маленьких детей – Максимки и Катюши Пешковых, весело игравших с Анечкой, Сашей и Катенькой Дмитриевыми» [17, с. 4]. Даже после смерти Алексея Максимовича помощь и взаимовыручка между двумя семьями продолжались. Так, когда у восьмидесятидвухлетнего Максима Петровича почти пропало зрение из-за катаракты обоих глаз, Екатерина Павловна Пешкова для операции привезла из Москвы лучшего специалиста, профессора. С Максимом Петровичем общалась не только вдова писателя, но и ее внучки Дарья и Марфа не раз бывали у него в доме.

Знаменитый фотограф прожил долгую жизнь. 21 августа 1948 г. ему исполнилось 90 лет, а 15 октября его не стало. Хоронить М.П. Дмитриева, кроме родни, пришли фотографы из разных ателье города, адвокаты, врачи, педагоги. За гробом, который несли от дома фотографа на улице Ижорской до кладбища на улице Пушкина, шли длинные ряды людей. Похоронили Максима Петровича в центральной части кладбища, за алтарем Успенской церкви, установив на его могиле металлический крест. В 1955 г. рядом с отцом похоронили сына Александра. С 2004 г. могила М.П. Дмитриева является объектом культурного наследия областного значения, однако должного ухода за ней, к сожалению, нет.

М.П. Дмитриева нет с нами уже почти 70 лет, но его огромное творческое наследие и добрая память о нем будут жить долго.

Источники и литература

1. Государственный архив специальной документации Нижегородской области. Ф. Р-43. Оп. 1–4. Д. 342.
2. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 30. Оп. 35. Д. 4692.
3. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 3. Д. 1096.
4. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 8. Д. 113.
5. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 8. Д. 152.
6. ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35. Д. 2591.
7. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 3. Д. 1301.
8. ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35а. Д. 10208.
9. ЦАНО. Ф. 916. Оп. 3. Д. 36.
10. ЦАНО. Ф. 916. Оп. 3. Д. 37.
11. ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35. Д. 11267.
12. ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35. Д. 3878.
13. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 4. Д. 2738.
14. ЦАНО. Ф. 522. Оп. 459. Д. 1029.
15. *Королев Б.А.* Нижегородская хирургия. Истоки. Страницы истории. Люди. Н. Новгород: Издательство Нижегородской государственной медицинской академии, 2004.
16. *Хорев М.М.* Максим Сладкий // Горьковская правда. 1976. 12 декабря. № 295 (17842).
17. *Хорев М.М.* Друзья-нижегородцы // Горьковская правда. 1978. 23 августа. № 194 (18354).

КОГДА ЦВЕЛИ САДЫ ... (ИЗ ИСТОРИИ САДОВОДСТВА В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ДО 1917 ГОДА)

А.В. Абаева

В начале XX в. Нижегородская губерния входила в число территорий, где садоводство, по оценкам специалистов, было признано перспективным направлением для развития и способным удовлетворить потребности местного населения в плодах и ягодах. Выражаясь современно

менным языком, содействие модернизации садоводства отвечало государственным задачам обеспечения продовольственной безопасности региона. Садоводство оказывало заметное влияние на социально-экономическое развитие губернии. В условиях малоземелья сады становились для крестьянского населения существенным источником дохода. В некоторых районах губернии садоводство, как более доходное занятие, постепенно вытеснило традиционные промыслы.

История развития садоводства дореволюционного периода в Нижегородской губернии до сих пор не становилась предметом самостоятельного исследования. В трудах, освещающих историю отечественного садоводства в целом, представлены научные и практические достижения плодоводства на примере тех регионов нашей страны, где садоводство существовало издревле и в довольно значительных масштабах. Известны также примеры освещения в соответствующей литературе некоторых аспектов и сторон рассматриваемой нами темы.

В основу исследования положены следующие опубликованные источники: официальные ведомственные материалы Департамента земледелия, аналитические отчеты губернатора и инспектора сельского хозяйства, материалы Нижегородской земской газеты (отчеты о работе земств, обзоры состояния садоводства различных уездов и т. п.). Бесценным в плане статистической и фактической информации является труд известного помолога, специалиста по садоводству Департамента земледелия В.В. Пашкевича «Плодоводство в России». В нем дана характеристика районов садоводства губернии, а также описание основных сортов плодовых культур.

Основополагающими по истории садоводства России являются коллективная монография «История садоводства в России», а также капитальный научный труд Л.А. Приневой «Сады цвели века». В них представлен ретроспективный анализ состояния садоводства, начиная с древнейших времен до современности. Подчеркнут вклад обществ садоводства, крупных ученых и научных учреждений в развитие садоводства, формирование научных школ. Социальной истории развития аграрной науки, а также той роли, которую сыграла общественная агрономия и земства в модернизации сельского хозяйства страны посвящены статьи О.Ю.Елиной и В.Н. Плаксина. Развитие конкретно садоводства в них не рассматривается, но показано то, как поддержка аграрной науки реализовывалась в провинциальном сельскохозяйственном окружении. Во многом благодаря активности последнего, публичная инициатива стала восприниматься равной государственной.

Во второй половине XIX в. в России произошли события, которые способствовали дальнейшему развитию сельского хозяйства, в том

числе садоводства. Отмена крепостного права привела не только к сокращению площади частновладельческих (помещичьих) садов, но и повлияла на состав культур и сам характер ведения садового хозяйства. С утратой бесплатной рабочей силы уменьшились прежние огромные оранжерейные заведения помещиков, вынужденных отказаться от ведения декоративных, экзотических культур и переориентировать свои хозяйства на товарное производство. Значительно повлияло на развитие коммерческого садоводства во второй половине XIX в. появление железнодорожного сообщения. Особенно выявилась возможность широкого развития этой отрасли в крестьянских хозяйствах.

Согласно сведениям переписи 1887 г., в Нижегородской губернии насчитывалось 12 148 десятин земли, занятой садами. Из этого числа 23,7% занимали частновладельческие сады; 69,4% – крестьянские; 6,9% находились в ведении различных учреждений [1, с. 53]. В большинстве своем занятие садоводством носило домашний характер и промышленным целям не имело. Преобладали крестьянские сады небольших размеров, находящиеся в различных природно-климатических зонах. Недостаток надельной земли сделал хлебопашество занятием мало выгодным и заставил крестьян заниматься плодоводством с промышленной целью.

В Нижегородской губернии районами, в которых садоводство было наиболее развито, являлись восточная и северо-восточная часть Васильского уезда (селения Фокино, Сомовка, Осинки, Криуша, Быковка, Чугуны, Белогорка, Ахмаевка и др.); Горбатовский (с. Избылец), Княгининский (Бакалдская и Б. Кемарская волости), отчасти Арзамасский (Костянка, Великий Враг, Старый и Новый Иванцев, Н. Усад) и Сергачский уезды, а также Нижегородский (Печеры, Подновье, Никулино, Федяково в Бешенцевской волости; Анкудиновка, Кузнечиха, Ляхово в Безводнинской волости) и Макарьевский (с. Исады, Юркино, Черемисское, Лысково, Венец, Бармино) уезды. Из городов славились садами Васильсурск, Горбатов и Арзамас [2, с. 45].

Садовый промысел находился главным образом в руках крестьян, для которых зачастую служил существенным подспорьем в хозяйстве, а иногда и средством к существованию. Фрукты продавались в свежем виде непосредственно на месте или ближайших базарах. Большая часть поставлялась в Нижний Новгород, а оттуда в Москву, Петербург, поволжские города.

В XIX в. из плодовых культур в нижегородских садах преобладали яблони. В.В. Пашкевич в своем труде дает описание 107 сортов яблوك, распространенных в нашей губернии [3, с. 237–268]. Затем следовали вишни и кустарники (крыжовник, смородина, малина), изредка

сливы. Груши в то время считались редкостью. По причине сурового климата крестьяне даже не пытались их выращивать. Так, садоводы Сергачского уезда отмечали, что у них «груши не только не вызревают, но даже не завязываются». Разводить и выращивать груши в плодовых питомниках губернии начали только с XX в. Среди сортов вишни довольно распространенной была бакалдинская красная вишня, название которой произошло от деревни Бакалды, Княгининского уезда. Часто встречалась Владимирская («родительская») вишня, реже – Ливенская. Начало культивирования крыжовника в Нижегородской губернии относится к 1887–1888 гг. Родоначальниками культивирования крыжовника являлись селения Васильского уезда: Быковка (совр. Воротынский район), Саблуково, Прудищи и Сосновка (совр. Спасский район). В дальнейшем культура крыжовника стала развиваться в селе Варганы, где освоили методы борьбы с главным врагом крыжовника – американской мучнистой росой. Сливы названия сортов не имели, подразделялись на синие мелкие и малиновые, у некоторых землевладельцев были сливы белые и венгерка.

Таким образом, несмотря на существование отдельных крупных товарных садов в некоторых уездах губернии, в целом состоянии садоводства в XIX – начале XX в. нельзя было назвать удовлетворительным. Причинами этому были недостаток в массе населения специальных знаний, отсутствие качественного посадочного материала, слабое развитие рынков сбыта продукции, невысокий уровень благосостояния народа в целом. Для перехода на новый качественный уровень садоводства необходима была сила, способная переломить в первую очередь, стереотипы мышления сельского населения и создать систему планомерных мероприятий по улучшению агротехники, организовать практическое обучение на научной основе. Такая сила появилась в лице земств, призванных корректировать правительственную социально-экономическую политику на местах в интересах людей. После крестьянской реформы 1861 г. в рядах демократической общественности страны происходит осознание того, что выход из аграрного кризиса связан не только с переменой собственности на землю, но и с успехами сельскохозяйственной науки и широким использованием аграрно-научного знания [4, с. 50].

В 1894 г. было заложено Мурашкинское опытное поле (при с. Большом Мурашкине, Княгининского уезда), и начало формироваться агрономическое отделение при губернской земской управе. Таким образом, в 1894 г. было положено начало планомерным и систематическим мероприятиям по агрономии, возникла земская агрономическая организация.

Опытное дело требовало значительных финансовых вложений, поэтому в 1900 г. работа опытного поля была прекращена по причине «неудовлетворения практических запросов со стороны сельских хозяев». Но, как говорится, чтобы добру не пропадать, было решено организовать на этом месте губернский питомник плодовых и лесных деревьев, положив тем самым начало земской деятельности, направленной на улучшение местного садоводства и огородничества. Заведующим Мурашкинским питомником был земский инструктор по садоводству в Княгининском уезде И.Ф. Шутов. Площадь плодового сада питомника составляла три десятины. Еще один плодовый питомник был заложен в 1902 г. при Верякушской земской школе Ардатовского уезда. На содержание Мурашкинского и Верякушского питомников губернской земской управой ежегодно выделялись средства. Со временем небольшие плодовые питомники, организованные по инициативе и на средства земств, появились при земских школах в Сергачском уезде (с. Кошкарво и с. Ивково), Макарьевском уезде (при Ольгинском, Богомоловском и Работкинском школьных садах), при Григорьевской сельскохозяйственной школе в Лукояновском уезде и в селе Григорово Княгининского уезда [5, с. 55–60]. Наряду с питомниками губернского и уездного земства, существовали частновладельческие питомники. Наиболее крупными и известными в Нижегородской губернии в начале XX в. были плодовый питомник в бывшем имении гофмейстера Ф.Н. Шипова при селце Новинки и плодовый питомник представителя нижегородского дворянства В.А. Инсарского в с. Озерки Княгининского уезда.

К проблеме распространения садоводческих знаний среди крестьянского населения государственные и общественные деятели впервые обратились в последней трети XIX в. Первыми в деле просвещения населения были задействованы учителя народных школ. 8 декабря 1894 г. Министерство земледелия и государственных имуществ утвердило «Правила об устройстве сельскохозяйственных курсов для народных учителей при подведомственных Департаменту земледелия заведениях» с целью «распространения у населения при посредстве народных школ, правильных знаний по сельскому хозяйству, преимущественно же по отдельным отраслям его...» [6, с. 396]. На курсы принимались «учителя и другие лица учебного ведомства».

Российское общество любителей садоводства (РОЛС) ежегодно устраивало курсы по садоводству и огородничеству для учителей и учительниц народных школ. Проходили они в Студенецкой школе садоводства в Москве. Прошедшие этот курс учителя, наряду со своей основной педагогической деятельностью, одновременно вели теорети-

ческие и практические занятия по садоводству в школьных садах, а иногда выезжали в местные крестьянские сады по приглашению жителей для оказания им практической помощи. Так, в Нижегородской губернии учитель народной школы А. Милонов, окончивший курсы при РОЛС, преподавал садоводство и огородничество в селе Крутец Княгининского уезда. Учащиеся на практике знакомились с прививкой, защитой, приемами ухода за плодовыми деревьями. Наградой за усердие в обучении и работу в саду и огороде учащимся служили саженцы плодовых деревьев и семена овощных культур лучших сортов [7, с. 130–132].

Эффективным способом распространения сельскохозяйственных знаний среди взрослого крестьянского населения стала система внешкольного образования – так называемая общественная агрономия и система мероприятий по организации сельскохозяйственных чтений и курсов. Поначалу организация агрономических чтений встречала серьезные препятствия со стороны властей. Задавать лектору вопросы и вступать в диспуты не дозволялось, разрешалось только слушать. После издания Манифеста 17 октября 1905 г. крестьянские чтения с 1906 г. были узаконены.

Правительственный специалист по садоводству появился в губернии в сентябре 1910 г. На эту должность Департаментом земледелия был назначен Николай Рихардович Шредер, старший сын известного пловодоца, «Патриарха русского садоводства» Р.И. Шредера. В июне 1911 г. губернский земский агроном А.В. Португалов выступил на заседании сельскохозяйственного совета при земской управе Нижегородского уезда с предложением по организации сельскохозяйственных курсов для крестьян вышеупомянутого уезда. Программа курсов, выработанная комиссией местных агрономов, утверждалась Департаментом земледелия. В курс лекций были включены основы земледелия, скотоводство, организация хозяйства, кормодобывание, садоводство и огородничество, пчеловодство. Курс садоводства и огородничества читали правительственные инструкторы М.И. Мазскальнин (садоводство) и Н.Р. Шредер (огородничество). Всего на первых нижегородских сельскохозяйственных курсах 1911 года присутствовало 52 слушателя [8, стб. 1186]. С тех пор подобные сельскохозяйственные курсы для крестьян организовывались ежегодно. Кроме того, в течение года агрономическим персоналом организовывались выездные чтения-беседы по садоводству. Например, в 1913 г. занятия для крестьян были устроены в 31 населенном пункте губернии [9, с. 608]. Летом 1913 г. открылись курсы по пловодоству в питомнике губернского земства при селе Большом Мурашкине. На открытии присутствовали губерн-

ский предводитель дворянства М.С. Фон-Брин, председатель губернской земской управы П.А. Демидов, губернский земский агроном А.В.Португалов и другие. Лекции по садоводству читали правительственный специалист Н.Р. Шредер и земский инструктор Макарьевского уезда Д.Е. Дробязко [10, стб. 862]. Для курсистов была организована экскурсия на показательный земский завод фруктового виноделия в селе Бармино Макарьевского уезда для ознакомления с технологией и процессом переработки плодов и ягод.

Большим подспорьем в деле просвещения и организации курсов, бесед, консультаций для крестьян служили сельскохозяйственные общества. Эффективность распространения сельскохозяйственных знаний значительно повышалась, ибо прогрессивные приемы агротехники, пропагандируемые специалистом в определенном обществе, сразу становились достоянием целой группы хозяев, а не отдельных лиц. Земства со своей стороны проявляли инициативу и всяческое содействие в деле организации сельскохозяйственных обществ. Как отмечает О.Ю. Елина, «и местные общества, и земства преследовали общую цель – скорейшую модернизацию сельского хозяйства в регионе, основанную на рекомендациях агрономической науки. Научно-практическая деятельность обществ оказалась в русле интересов земств, что предопределило финансовую поддержку со стороны последних» [11, с. 41]. Первые сельскохозяйственные общества в Нижегородской губернии стали появляться относительно поздно – в начале XX в. (под понятием «сельскохозяйственные общества» здесь мы имеем в виду объединения научной направленности, имеющие целью соединить достижения агрономической науки и практики. Крестьянские общества, созданные для решения производственно-потребительских проблем (совместная обработка земли, кооперация в области сбыта и переработки продукции и т. п.) существовали в губернии и раньше, примерно со второй половины XIX в.). Всего за пять лет (1904–1908 гг.) в губернии было организовано 15 сельскохозяйственных обществ. Из них 12 «общих» и 3 специальных: 2 – пчеловодческих и 1 садоводческое [12, стб. 44–45]. В период с 1908 по 1913 г. в губернии было организовано три общества по садоводству и огородничеству: Печерское в Нижегородском уезде, Варганское в Макарьевском уезде и Сомовское в Васильском уезде [13, с. 14]. Инициаторами создания этих обществ выступил агрономический персонал уезда. Так Печерское общество появилось при активном содействии инструктора М.И. Мазкальнича, а общество в селе Сомовка – по инициативе инструктора по садоводству и технической переработке плодов и овощей А.М. Сермукса.

Первым по времени создания было «Печерское общество садоводства и огородничества», открывшееся 25 июля 1908 г. Центр деятельности общества располагался в слободе Печеры. Согласно уставу Печерское общество садоводства и огородничества имело целью содействовать развитию и усовершенствованию садоводства и огородничества в Нижегородской губернии [14, с. 2]. В своей деятельности общество ежегодно отчитывалось перед Департаментом земледелия и государственных имуществ. Председателем общества был избран нижегородский купец А.А. Гусев, товарищем председателя – уездный инструктор садоводства и огородничества М.И. Мазкальнин. Деятельность общества была поддержана местной властью. Это выражалось в ежегодных небольших субсидиях, выделяемых Департаментом земледелия и государственных имуществ, на нужды общества. Кроме того, чтения на собраниях вели правительственные инструкторы по садоводству. Проявлением внимания к своим делам со стороны Департамента земледелия, общество было обязано почетному члену Печерского общества садоводства и огородничества, новому инспектору сельского хозяйства Нижегородской губернии К.К. Бражникову, сменившему в 1910 г. на этом посту С.Л. Тейтеля. За достижения в области садоводства члены Печерского общества крестьяне слободы Печеры Н.С. Палатин-Бирюков и В.Н. Голованов были награждены нагрудными медалями на Аннинской ленте, первый – золотой, второй – серебряной [15, стб.564].

Деятельная активность местного сообщества при содействии земств была достаточной, не хватало научных знаний. Серьезным препятствием для развития плодоводства, как отмечал В.В. Пашкевич, являлось «отсутствие систематических научно-практических исследований и изысканий в этой области». Для развития сельскохозяйственной науки уже в XIX в. на территории Российской империи было создано более двухсот опытных сельскохозяйственных учреждений, из них 11 по садоводству [16, с. 104]. К первым попыткам положить начало опытной работе по садоводству в губернии можно отнести земскую деятельность по организации показательных садов, например, в селах Макарьевского и Нижегородского уездов. Однако для работы на опытной станции необходимы были научные кадры. В 1911 г. земские инструкторы по садоводству были только в трех уездах, в 1915 – в восьми. К 1915 г. персонал по садоводству в губернии (инструкторы и техники) насчитывал 13 человек [17, с. 228–238]. В 1911 г. губернским инструктором садоводства и огородничества Н.Р. Шредером был разработан и предложен проект организации плодового питомника, опытно-показательного сада и станции по технической переработке продук-

тов садоводства в Макарьевском уезде, недалеко от села Бармино. Выбор территории был продиктован прежде всего благоприятными для садоводства условиями, наличием пристани на Волге, а также возможности технической переработки плодов на ягодно-винодельческом заводе. Проект Шредера не был принят, ввиду отсутствия средств на его реализацию.

Несмотря на то, что во многих уездных школах существовали классы садоводства и огородничества, актуальным оставался вопрос о создании в губернии специализированного учебного заведения по садоводству. Для этих целей в 1910 г. была вновь открыта Мореновская школа в Нижегородском уезде [18, стб. 148]. Курс обучения в школе составлял три года. Большинство учащихся – дети крестьян Нижегородского уезда, мальчики в возрасте 16–18 лет, окончившие курс в начальных народных училищах. Кроме Мореновской школы, начальные знания по садоводству и огородничеству преподавались в Григорьевском низшем сельскохозяйственном училище, которое находилось в Лукояновском уезде.

Таким образом, в совместной деятельности земств и правительства в области садоводства по содействию развитию и прогрессу этой отрасли в губернии была намечена система мероприятий, которая включала: закладку питомников и показательных садов; подготовку кадров для просветительской деятельности в области садоводства: учителей народных школ и штата инструкторов; распространение знаний по садоводству и огородничеству среди населения путем организации внешкольного обучения, издания специальной литературы; открытие специализированных сельскохозяйственных учебных заведений; содействие деятельности и помощь обществам садоводства; организацию технической переработки плодов и овощей, внимание к учебно-показательным занятиям в этой области при учебных заведениях и сельскохозяйственных обществах.

В перспективных проектах развития отрасли предполагалась организация опытной садовой станции, с последующим учреждением при ней практической школы для владельцев садов и подготовки квалифицированных садовников. Реализации планов помешали сначала Первая мировая война и революция, а также последовавшие вскоре масштабные реформы в сельском хозяйстве, которые в корне изменили естественный ход процесса становления и развития отечественного садоводства.

Источники и литература

1. *Кашин В.И.* История садоводства России. Рязань, 1999.
2. Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. II. Современное положение садоводства в России. СПб., 1885.
3. *Пашкевич В.В.* Плодоводство в России: материалы и исследования. Вып. 5. Плодоводство в Нижегородской губернии. М., 1904.
4. *Плаксин В.Н.* Роль и значение общественной инициативы в истории сельского хозяйства России конца XIX – начала XX вв. // Известия Оренбургского ГАУ. 2004. Т. 1.
5. Обзор агрономической помощи в районах землеустройства Нижегородской губернии на совместные средства Правительства и Земства за 1915 г. Н. Новгород, 1916.
6. Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. VII: Распоряжения по сельскохозяйственным учебным заведениям за время 1865–1901 гг. СПб., 1901.
7. Сад и огород. 1903. № 2.
8. Нижегородская земская газета. 1911. № 44.
9. О садоводстве // Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25 губерниям Европейской России за 1911 г. Ч. II Б. Черноземная полоса. СПб., 1913.
10. Нижегородская земская газета. 1913. № 30.
11. *Елина О.Ю.* Местные сельскохозяйственные общества: на пути к аграрной модернизации России // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 3.
12. Нижегородская земская газета. 1909. № 2.
13. Садоводство и огородничество // Обзор Нижегородской губернии за 1913 г. Н. Новгород, 1914.
14. Устав Печерского общества садоводства и огородничества. Н. Новгород, 1909.
15. Нижегородская земская газета. 1912. № 17.
16. *Принева Л.А.* Сады цвели века. М.; Воронеж, 2005.
17. Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1915 г. Справочник / сост. М.М. Глухов и В.В. Зарецкий, под общ. ред. В.Н. Штейна. СПб., 1915.
18. Нижегородская земская газета. 1910. № 5.

РАСКОЛ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВЕСНОЙ – ЛЕТОМ 1917 ГОДА

В.П. Сапон

На рубеже 1916–1917 гг. организации социал-демократов в Сормове, Канавине и Нижнем Новгороде были тщательно «прорежены» арестами и воинскими мобилизациями [1], тем не менее, в первые же дни Февральской революции происходит их стремительное возрождение.

Оперативнее всех социал-демократы самоорганизовались в Канавине. Уже 1 марта 1917 г. состоялось собрание бывшего «нелегального коллектива» РСДРП, в котором приняли участие только что освобожденные узники первой губернской тюрьмы. Именно на этом собрании прозвучал призыв немедленно приступить к формированию Совета рабочих депутатов и к выборам временного партийного комитета. 6 марта был избран временный Канавинский комитет РСДРП из 14 человек и его президиум: большевики С.А. Левит (председатель), Н.Г. Королев (товарищ председателя), Я.З. Воробьев (секретарь) и Г.П. Остроумов (казначей) [2, с. 92, 94].

В течение марта получила легальное оформление социал-демократическая организация в Сормове. Протокол № 1 Временного комитета Сормовской организации РСДРП датирован 21 марта 1917 г. На этом собрании присутствовали семь человек: П.А. Комаров, Н.И. Быховский, Ст.М. Кузнецов, Я.В. Кузьмичев, Н.И. Иконников, П.К. Васильев, Н.Г. Мирошин [3, л. 2]. Они избрали из своей среды состав временного партийного комитета, а также делегировали Н.И. Быховского на конференцию меньшевиков в Петроград от объединенной Сормовской социал-демократической организации. Этому делегату поручили «высказываться за объединение течений» и – в русле объединительной политики – выписать по 1000 экз. большевистской «Правды» и меньшевистской «Рабочей газеты» [3, л. 2].

На втором собрании, 30 марта 1917 г., П.А. Комаров сделал доклад об областной конференции Советов рабочих депутатов в Москве. Он озвучил резолюцию о войне, принятую на конференции, и отметил, что «в голосовании замечалось отсутствие фракционных разногласий» [3, л. 2].

В первые недели марта появилась, наконец, оформленная организация в самом Нижнем Новгороде, причем поначалу четкого

деления социал-демократов на большевиков и меньшевиков не существовало.

Согласно сообщению прессы, 6 марта 1917 г. «в помещении городской управы по приглашению Совета рабочих и солдатских депутатов, было назначено собрание “марксистски мыслящей интеллигенции”. На собрании было вынесено постановление, чтобы нижегородская группа соц.-демократов немедленно приступила к организации партийной работы и объединила нижегородских соц.-демократов» [4, с. 3].

Следующее собрание, состоявшееся 9 марта под председательством В.Н. Лосева, оказалось более плодотворным; его повестка включила два вопроса: формирование временного руководящего органа нижегородских социал-демократов и обсуждение доклада об отношении к текущей войне. В «комитет по созданию в Нижнем партийной организации» (позже он стал называться *Инициативной группой РСДРП*) были избраны: В.Н. Лосев, А.В. Траубе, К.Н. Дертев, А.И. Иванов, А.В. Савельева, И.И. Сенюткин, А.Б. Заходер, А.П. Свиридов (газетном сообщении ошибочно указано: *Спиридонов*) и С.М. Штерин. С докладом об отношении к войне выступил Траубе. «После доклада происходили прения, окончание которых перенесено на следующее заседание». В тот же день планировалось и первое заседание организационной комиссии [5, с. 2].

Согласно газетному сообщению, окончательное оформление нижегородской социал-демократической группы произошло 20 марта. Общее собрание с участием 80 человек провело выборы городского партийного комитета, который составили как члены Инициативной группы, так и другие видные социал-демократы: М.Н. Кутузов, П.Ф. Налетов, А.С. Розанов, А.И. Соколов, А.А. Чиненков. Комитет возглавили: председатель А.В. Траубе, его заместители А.С. Розанов и А.А. Чиненков, секретарь М.Н. Кутузов [6, с. 2].

Большевики на данном этапе выступили с весьма далекими от «экстремизма» декларациями по актуальным вопросам российской политики. 12 марта 1917 г. на втором заседании Канавинского комитета РСДРП, «после долгих обсуждений и дебатов», была принята резолюция, разоблачающая империалистический характер войны и требующая немедленного перемирия, «не отзывая армию с фронта и рабочих от станков», с целью созыва международного социалистического конгресса [2, с. 91, 95]. Кстати, в этот же день сформулировала свое отношение к войне и упомянутая выше Инициативная группа РСДРП, в которой доминировали меньшевики. Соответствующая резолюция гласила: «Необходима оборонительная война, с напряжением всех народных сил, чтобы не допустить поражения свободной России. 2) Необхо-

дима скорейшая ликвидация войны и достижение мира, гарантирующего права на самоопределение и свободное существование народов; мира без аннексий и контрибуций. 3) Для достижения такого мира необходимо предложение Россией этих демократических мирных условий всем воюющим державам. 4) Необходим немедленный созыв интернационала для согласования действий пролетариата всех стран в борьбе за скорейший мир» [7, с. 2].

Нижегородские социал-демократы, даже те, кто относились к большевистской фракции, действовали в полном соответствии с общероссийской линией РСДРП. В частности, П.Ф. Налетов, отчитываясь о своем участии во Всероссийском совещании делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов, обвинил буржуазную прессу в том, что она намеренно искажает большевистский взгляд на войну. По словам нижегородского советского деятеля, «наветы» «удалось разбить на совещании по всем пунктам». «Из 100 находившихся на совещании большевиков, уточнил П.Ф. Налетов, ни один не произнес: “долой войну!”». Выяснилось, что это лозунг, чуждый большевистской массе, является мнением отдельных лиц и органов печати» [8, с. 2].

Нижегородские большевики поначалу поддержали и довольно умеренную формулировку вопроса об отношении к новому правительству. «О временном правительстве, сообщал С.А. Левит в газету “Правда”, указывается, что оно составлено из буржуазных элементов, что по существу своему оно монархично, что все его шаги по пути к демократизму происходят только благодаря натиску революции; заявляется, что *будут его поддерживать, поскольку оно будет выполнять наши требования*. В случае же уклонения от исполнения наших требований, мы поведем с ним такую же борьбу, какую вели с царизмом (курсив наш – прим. авт.)» [2, с. 91].

Позиция революционного оборончества и условной поддержки Временного правительства в этот недолгий период сближала большевиков и меньшевиков, поэтому на третьем заседании Канавинского комитета РСДРП, 25 марта, «был поднят вопрос о слиянии большевиков с меньшевиками, который оставлен открытым до партийного съезда, где вопрос этот может быть разрешен» [2, с. 95]. Впрочем, не дожидаясь решений съезда, канавинские большевики решительно настроились на совместную политическую работу с меньшевиками.

Столь же дружно на первых порах работали и социал-демократы Сормова. Показательно, что 21 марта 1917 г. председателем Временного комитета Сормовской организации РСДРП был избран меньшевик Я.В. Кузьмичев, а товарищем председателя, секретарем и казначеем –

большевики (соответственно: Степан Кузнецов, Иконников и Васильев) [3, л. 2].

Однако уже в апреле 1917 г. в лагере социал-демократов наметились явные центробежные тенденции. 7 апреля 1917 г. состоялось общее собрание Сормовской организации РСДРП, на котором столкнулись две антагонистические политические линии: на продолжение совместной работы большевиков и меньшевиков на основе условной, но активной поддержки Временного правительства (эту линию наиболее горячо защищал меньшевик Быховский) и на решительный раскол с меньшевиками, которые «от интернационалистических фраз переходили к явно оборонческой политике». Последнюю позицию решительно отстаивали представитель Московского областного бюро ЦК РСДРП (б) Г.И. Ломов и только что прибывший с Всероссийского совещания партийных работников-большевиков сормович Н.Г. Мирошин [9, с. 101–103].

Вопреки увещаниям меньшевистских ораторов собрание большинством голосов избрало делегата (большевика С.К. Козлова) на областную и Всероссийскую конференцию большевиков [9, с. 103]. 16 апреля 1917 г. сормовские сторонники ленинской линии, оказавшись в большинстве на партийном собрании, избрали постоянный комитет парторганизации во главе со своим единомышленником Д.М. Даниловым [9, с. 103]. Меньшевикам предложили в этом комитете лишь 4 из 15 мест. «А затем, жаловались меньшевики в выпущенной по этому поводу листовке, очутившись хозяевами положения в комитете, большевики-ленинцы, не считаясь с тем, что организация объединенная, начали проводить в жизнь линию газеты “Правда” и подавлять нас механическим большинством голосов» [Цит. по: 9, с. 104].

В этот же день избрали и Канавинский комитет РСДРП, в котором оказалось 13 большевиков и 2 меньшевика, «объявившихся циммервальдцами и голосовавших за резолюцию против оборончества»; один из них, Е.Н. Козин, вскоре вступил в партию большевиков [2, с. 119, 150]. Свое отношение к Временному правительству, в его коалиционном варианте, члены Канавинского комитета высказали в резолюции, принятой на экстренном комитетском заседании 6 мая 1917 г. Резолюция категорично гласила: «Принимая во внимание, что образование коалиционного министерства при условии полного доверия со стороны демократии означает для рабочих затмение классового самознания, а для солдат быть слепым орудием правительства, большинство которого состоит из представителей контрреволюционных и империалистических слоев; что разрешением политического кризиса может явиться лишь переход власти в руки организованной демократии,

то есть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, Канавинский комитет РСДРП считает необходимым, чтобы Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов подготовили почву для создания необходимых условий по образованию правительства из представителей Советов. Такими условиями являются созыв Всероссийского съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, учреждение на этом Съезде Совета Советов и энергичная работа по организации рабочих, крестьян и солдат» [10, л. 13]. Очевидно, что уже в этот период канавинские большевики стали верными сторонниками ленинского курса на советизацию власти в революционной России.

24 мая 1917 г. состоялось совещание большевистских активистов Сормова, Канавина, Нижнего Новгорода и Балахны, на котором решили продолжить совместную работу в общих организациях лишь с теми меньшевиками и меньшевистскими группами, которые «на деле рвут с оборонческой политикой (например, борются против поддержки займов, против поддержки Временного правительства и т. п.) и разрывают организационную связь с оборонцами и их центром (Организационным комитетом)» [2, с. 152].

Для координации организационного разделения с меньшевиками 55 участников совещания избрали временный Нижегородский окружной комитет РСДРП в составе 7 человек: С.К. Козлова и А.И. Писарева – от Сормова, Я.З. Воробьева, И.В. Петрова и Е.Н.Козина – от Канавина, Ю.Н. Флаксермана и А.В. Савельевой – от губернского центра [11, л. 38–39].

После совещания прошли общие партийные собрания по районам, санкционировавшие раздельное существование двух социал-демократических фракций. Наиболее большевизированной оказалась Канавинская организация: из присутствовавших на общем партийном собрании 500 членов партии лишь 12 человек отказались разорвать с оборонцами и удалились «под дружный свист всех оставшихся» [2, с. 152].

Реакция меньшевиков на раскол была резко негативной. Они выпустили листовку, в которой звучал призыв: «Всех, кто идет против Ленина и его агитации, кто против гражданской войны, кто против кронштадтских республик, кто против захвата власти в настоящий момент, кто против раскола, – всех мы вас зовем в меньшевистскую организацию РСДРП» [11, л. 39].

Мызинская объединенная организация РСДРП (ее организационной опорой был завод «Сименс и Гальске») «раскололась на две автономные организации» на партийном собрании 30 мая 1917 г. Меньшевистская группа, заявив, что объединенная работа фракций продол-

жаться не может, постановила: «Мы, меньшевики, принимая во внимание захватническую тенденцию в большевистской фракции с ее самостоятельными выступлениями, могущими повлечь за собой по нашему глубокому убеждению, нежелательные явления, и считаясь с расколом, как совершившимся фактом, слагаем с себя всякую ответственность за будущее, приступаем к укреплению и расширению меньшевистской организации РСДРП» [12, с. 3].

Сормовские меньшевики и «большевики-неленинцы» также высказали резко критическое отношение к «обычной раскольнической тактике» большевиков. Они поддержали идею Организационного комитета РСДРП создать совместно с Бундом и другими социал-демократическими организациями России Бюро, которое «через головы Ленина и его приспешников» занялось бы строительством единой партии. «Если опьяненная анархистско-раскольничьей агитацией Ленина кучка откажется принять участие в этом съезде, то тем хуже для них: этим они наглядно покажут рабочим, что они ставят интересы своей фракции выше интересов рабочего класса.

Организации же и рабочие с.-д., которым действительно (не на словах только, а на деле) дороги интересы рабочего класса и его партии, откликнутся на призыв Организационного Комитета и созданного им Бюро и пришлют своих представителей на Объединительный Съезд». Сормовские меньшевики продемонстрировали решительный настрой, пообещав, что «если “генералы от большевизма” будут препятствовать этому (созданию единой партии. – прим. авт.), то сознательные рабочие – социал-демократы через политические трупы этих генералов пойдут к своей цели» [13, с. 3].

В воскресенье, 4 июня 1917 г. собралась Канавинская инициативная группа меньшевиков из 42-х человек, чтобы обсудить сложившуюся в партии критическую ситуацию и способы ее преодоления. Участники собрания избрали временное бюро районной партийной организации из 7 лиц и муниципальную группу. Как сообщалось в прессе, «собрание обращается с горячим призывом ко всем социал-демократам меньшевикам энергично приняться за организацию партии, устраивать сборы на партию и рабочую газету “Жизнь”» [14, с. 3]. Инициативная группа постановила открыть бюро меньшевистской организации в Железнодорожном павильоне на вокзале, в комнате, расположенной напротив помещения, занятого большевиками [14, с. 3].

Вечером 9 июня 1917 г. состоялось общее собрание Нижегородской организации меньшевиков, на котором обсудили два вопроса, в том числе «о выходе из организации нескольких лиц, которые и раньше сочувствовали “Единству” и нескольких большевиков, а также о

произошедшем расколе в районах» [15, с. 3]. Примечательно, что указанный организационный вопрос из-за отсутствия кворума (в собрании участвовало более 200 членов партии) так и не получил оформления в виде резолюции.

Некоторые объединенные организации социал-демократов продержались еще около месяца. Так, в Кулебаках раскол произошел после известных событий 3–5 июля 1917 г. в столице. 12 июля 1917 г. на Кулебакском заводе сформировался временный комитет РСДРП в составе 9 человек, кроме того были избраны уполномоченные по цехам, призванные наладить новую партийную сеть. Как отмечал кулебакский партиец в губернской меньшевистской газете, «на последнем заседании Комитета поставлено предложить ближайшему общему собранию учредить ряд новых комиссий: по подготовке выборов в Учредительное Собрание, уездную – по организации работы в деревне, агитаторскую группу и друг. Также решено образовать кружки по изучению основных вопросов марксизма и составить программу чтения по этим вопросам. С этой целью выписать комплект марксистских книг» [16, с. 4].

Тактика большевиков, нацеленная на размежевание со своими более умеренными в политическом отношении соратниками по партии не нашла поддержки и в более широких слоях «организованной демократии». Об этом свидетельствует, например, репортаж, посвященный демонстрации, которая прошла в Нижнем Новгороде 18 июня 1917 г. Согласно этому репортажу, вечером указанного дня на Благовещенской площади губернского центра собралось около 15 тысяч человек (преимущественно солдаты); демонстрацию возглавили представители трех Советов, профсоюзов, парторганизаций. Среди выступивших на массовом мероприятии были меньшевики А.А. Чиненков (от Совета рабочих депутатов), Я.Л. Берман (от Совета солдатских депутатов), Б.Г. Гофман (от Нижегородской организации РСДРП(м)), эсеры Е.Н. Медынский (от Совета крестьянских депутатов), С.С. Векслерчик (от партийной организации социалистов-революционеров), бундовец А.А. Кисин (от своей парторганизации) и др. Согласно газетному описанию, «все ораторы говорили в духе лозунгов, выдвинутых современным моментом. “Борьба за мир без аннексий и контрибуций” и “объединение всей революционной демократии вокруг Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов”».

Каждого оратора собравшиеся на митинг бурно приветствовали аплодисментами, а оркестр играл марсельезу.

Наблюдалось и чувствовалось действительное объединение. Маленький диссонанс внесло выступление большевика, говорившего от имени Нижегород[одского] К[омите]та, но многотысячная аудитория,

осторожно и внимательно выслушав его слова о передаче всей власти Советам, наградила его... гробовым молчанием» [13, с. 4]. После этого за городом, в четырех местах, были организованы митинги: три из них (совместный советско-социал-демократический, эсеровско-учительский и бундовский) сформулировали приветствия в адрес Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов; «Канавинский митинг несколько отличался от перечисленных – на нем выступили большевики» [13, с. 4].

Поляризация политических сил в социалистических партиях стала объективной проекцией подобных же процессов в российском обществе в целом. К лету 1917 г. максимальной остроты достигли общественные проблемы, которые совсем недавно стали причиной крушения Российской империи. В этих условиях авторитет и успешность социалистических партий определялись уже не пунктуальным следованием программным принципам, а способностью предложить массам рецепты оперативного и эффективного лечения общественных «болезней», с каждым месяцем приобретавших все более хронический характер. В условиях суверенной и безграничной демократии, бурлящей на просторах революционной страны, отказ социалистов от «популизма», нежелание прислушиваться ко все более радикализирующимся требованиям «толпы» фактически означал потерю собственной партийной идентичности, превращение в подручную силу для других, несоциалистических, псевдореволюционных партий и течений. Это наглядно видно на примере социал-демократических организаций в Нижегородской губернии: уже летом 1917 г. начинают сдавать свои позиции меньшевики, подлинными фаворитами революционного состязания становятся большевики и их леворадикальные союзники.

Источники и литература

1. *Санон В.П.* Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период): Монография. Нижний Новгород, 2014.
2. Победа Октябрьской революции в Нижегородской губернии: Сборник документов / под ред. А.И. Великоречина и К.Г. Селезнева. Горький, 1957.
3. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. 34. Оп. 1. Д. 7.
4. Нижегородский листок (далее – НЛ). 1917. № 64 (8 марта).
5. НЛ. 1917. № 66 (10 марта).
6. НЛ. 1917. № 76 (22 марта).

7. НЛ. 1917. № 70 (14 марта).
8. НЛ. 1917. № 91 (12 апреля).
9. *Маслов К.П.* Из истории борьбы рабочего класса за власть Советов и ее упрочение. «Красное Сормово» на великом рубеже. Горький, 1964.
10. ГОПАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4.
11. ГОПАНО. Ф. 244. Оп. 2. Д. 842.
12. Жизнь. Орган Нижегородской организации РСДРП. 1917. № 2 (2 июня).
13. Жизнь. 1917. № 7 (21 июня).
14. Жизнь. 1917. № 4 (9 июня).
15. Жизнь. 1917. № 5 (13 июня).
16. Жизнь. 1917. № 19 (4 августа).

Публикации источников

А.Я. САДОВСКИЙ О СВОЕЙ УЧЕБЕ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ИНСТИТУТЕ

В.В. Митрофанов

В последние годы ученые и краеведы активно продолжают вовлекать в научный оборот архивные документы, относящиеся к деятельности Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (далее – НГУАК) и «блестящей плеяды деятелей нижегородского краеведения» [1, с. 194–202], прежде всего, ее председателей – А.С. Гацкого, А.А.Савельева и А.Я. Садовского. Именно с этими именами связана вся история одной из самых авторитетных архивных комиссий России.

Особый интерес вызывают материалы личного происхождения, прежде всего, неопубликованные исследования, эпистолярное наследие, дневники и воспоминания [2, с. 175–201], принадлежащие перу организаторов краеведческого движения в Нижегородской губернии. В недавно опубликованном письме на имя С.Ф. Платонова Константин Дмитриевич Александров, внук А.С. Гацкого (правда, от сына, рожденного от побочной связи) упоминает о наличии у него воспоминаний деда, судьбой которого он интересовался и намеривался опубликовать этот документ [3, с. 49]. Заметим, что К.Д. Александровым был состав-

лен сборник памяти своего деда [4]. Уникальность подобного рода архивных документов отмечают многие исследователи [5, с. 346–400; 6; 7]. Об этом свидетельствуют и появившиеся диссертационные работы [8]. О.В. Ищенко недавно заметил, что «источники личного происхождения наиболее последовательно воплощают процесс самоосознания личности и становления межличностных отношений» [9, с. 158].

Много неизвестных исследователям эпизодов из своей личной жизни и, что особенно важно, профессиональной и научно-краеведческой деятельности, исключительно интересных фактов по истории НГУАК, Нижнего Новгорода, политической жизни губернии оставил в своих незавершенных воспоминаниях А.Я. Садовский. Возможно, их начало и окончание хранятся в других архивохранилищах. По крайней мере, хочется на это надеяться. Например, еще М.Д. Эльзон, ссылаясь на сведения, полученные от старшего библиографа тогда Горьковской областной библиотеки им. В.И. Ленина Н.М. Емельяновой, пишет, что «Сохранилась рукопись воспоминаний А.Я. Садовского о его детстве и учебе в нижегородской гимназии [10, с. 205–206, примеч. 17]. Впрочем, эти же сюжеты подробно изложены автором и в доступной нам рукописи «Воспоминаний».

А.Я. Садовский – крупнейший краевед и историк Нижегородского края. О нем существует скромная библиография [11]. Укажем на работы известного ученого В.Т. Илларионова, который лично знал и работал с Садовским в НГУАК и Нижегородской археолого-этнографической комиссии и назвал его «старейшиной нижегородских краеведов» [12; 13]. Архивной деятельности Александра Яковлевича была посвящена и специальная конференция [14]. Примечательно, что в аннотации к ее материалам А.Я. Садовский совершенно справедливо именуется «выдающимся историком-краеведом».

Деятельность А.Я. Садовского в НГУАК была масштабной и настолько значимой, что позволила современному исследователю-архивисту Б.М. Пудалову выделить в истории комиссии «эпоху А.Я. Садовского» – «период изучения и научных публикаций», который он датирует «нач. 1900-ых – 1918 гг.» [15, с. 333].

Следует заметить, что многие стороны становления характера А.Я. Садовского и влияние окружающих на этот процесс, взаимоотношения в семье, круг общения в гимназические и студенческие годы, его личная жизнь, профессиональная, общественная и краеведческая деятельность остаются еще малоизученными. Полагаем, что трудно согласиться с мнением Б.М. Пудалова о том, что «жизненный путь Александра Яковлевича Садовского – первого руководителя Нижегородского губернского архивного управления (с 1922 г. – бюро) хорошо

известен специалистам и краеведческой общественности». При этом автор делает ссылки на работы, содержащие «краткую информацию» о его жизни и деятельности, «формулярные списки и анкеты» [14, с. 4, 8, примеч. 1]. Действительно, наиболее хорошо изучен только период деятельности А.Я. Садовского по организации архивной службы в первые послереволюционные годы [16].

Следует заметить, что лишь недавно исследователи занялись изучением его архива, да и научно-техническая его обработка была проведена только в 1995 г. К тому же единого архивного фонда выдающегося краеведа нет, материалы хранятся в разных учреждениях Нижнего Новгорода (Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека им. В.И. Ленина, Центральный архив Нижегородской области, Государственный музей А.М. Горького) и других архивохранилищах. Довольно значительный пласт документов А.Я.Садовского отложился в столичных архивах, например, РГАЛИ, ОР РНБ (его письма, адресованные С.Ф. Платонову, подготовлены к печати). В последние годы исследователи стали выявлять опубликованные и рукописные труды историка-архивиста. К тому же, по наблюдению В.Н. Плотникова, «значительная часть документов (из личного архива А.Я.Садовского – прим. авт.) никогда ранее не выдавалась ни сотрудникам архива, ни исследователям в читальный зал и тем более не публиковалась» [14, с. 97–99, 99–100].

Для реконструкции его биографии Н.А. Уткина привлекла письма Б.С. Жукова [17, с.106–111]. На их основе автор попыталась рассмотреть взгляды и подходы двух известных историков на развитие краеведческого движения в Нижегородской губернии и определить место научно-краеведческих организаций, появившихся в 1920-х гг. Надо отметить, что собственно биографических сведений о А.Я. Садовском в работе Уткиной нет, но прослеживается его принципиальная позиция по отстаиванию основных принципов краеведческой работы, заложенных еще А.С. Гациским.

Восполнить многие пробелы в биографии (детство, годы учебы в Нижнем Новгороде, Москве, затем Санкт-Петербурге, начало профессиональной деятельности), научно-организаторской и краеведческой деятельности А.Я. Садовского призвана рукопись его «Воспоминаний» (название наше и условное – прим. авт.). Она была обнаружена в фонде Б.А. Садовского (сына А.Я. Садовского), известного писателя и поэта первой половины XX в., принадлежавшего к направлению «символистов». Среди литературных знаменитостей, с которыми он поддерживал творческие связи, общался, переписывался, были А.А. Блок, А.Белый, В.Я. Брюсов, К. Чуковский, М. Цветаева и другие.

Б.А. Садовской после смерти отца и переезда в 1929 г. в Москву забрал с собой и наиболее ценные и интересные папки его архива. Затем эти материалы, среди которых и объемная рукопись (276 листов, исписанных с обеих сторон), попали в РГАЛИ. При этом следует отметить, что архивные работники пронумеровали листы так, как они были сложены, не разбирая. Об этом свидетельствует и факт, что в одном месте первые листы до 32-го (они пронумерованы первыми), хотя по смыслу начало должно быть с листа под № 32 об. Здесь повествуется о жизни деда А.Я. Садовского по материнской линии – Александра Лукича. Подробно описываются его характер, занятия, быт в помещичьей усадьбе, случаи из семейной жизни. А с листа под № 43 начинаются датированные записи: первая сделана 25 января 1910 г., а последняя на листе под № 94 об. – 5 февраля 1916 г. (запись не окончена). Поэтому эта часть похожа на дневниковые записки, которые делаются с большим перерывом, опоздания порой доходят до двух лет. Условно эту часть рукописи (с датами) мы назвали «Дневник» (полностью опубликован в: Нижегородский музей. № 26. С. 6–21; № 28. С. 6–25; № 29. С. 6–23; № 30. С. 6–31).

«Воспоминания» писались с большим перерывом. Они были начаты в 1891 г., затем А.Я. Садовский оставил их на два десятка лет. Пока не выяснено, какая часть «Воспоминаний» была написана до 1910 г., когда начинается «Дневник», и рукопись активно продвигается, разрастается в объеме, захватив автора. Именно эта часть рукописи является важным историческим источником по истории НГУАК за период с 1909 по 1916 г. Здесь даны важные, порой нелицеприятные характеристики многим знаковым деятелям комиссии: А.А. Савельеву, А.Н. Алелекову, Н.И. Драницыну, Н.Н. Иорданскому, А.П. Мельникову, В.И. Снежневскому, А.К. Кабанову, В.Е. Чешихину-Ветринскому.

Несколько обстоятельств способствовали тому, что рукопись была вновь отложена в ящик. Прежде всего, в планы А.Я.Садовского внесли коррективы революционные события. Семейная драма (многолетняя болезнь Бориса, вызывавшая горячие переживания и сочувствие отца) привела к параличу сына. А затем организация архивной службы в губернии, эпопея с реорганизациями НГУАК, НАЭК к тому же и возраст, и болезни, хлопоты о пенсии не способствовали продолжению интереснейшей рукописи.

Следует заметить, что Б.А. Садовский в известных «Записках» [18, с. 106–183] – произведении биографического характера – заимствовал отдельные сведения из «Воспоминаний» своего отца [3, с. 49–50], без упоминания об их наличии. Они касаются в основном семейной жизни и отдельных эпизодов его юности и учебы в гимназии и Алек-

сандровском институте, пребывании в Ардатове. Заметим, что это произведение было издано давно, так как архив писателя привлекал внимание соратников по перу и историков литературы, а его произведения стали издаваться и переиздаваться, то есть вернулись к читателям после забвения автора.

А вот публикация рукописи А.Я. Садовского (по частям) началась только сейчас [19, с. 72–91]. Текст «Воспоминаний» не делится на части, параграфы или разделы. Иногда в нем встречаются повторы, что свидетельствует о том, что автор не возвращался к написанному, а позже к доработке. А.Я. Садовский подробно описывает гимназическую жизнь, учебу в Александровском институте, поступление в Петровскую академию, затем перевод в Лесной институт. Упоминаются многочисленные имена и фамилии сокурсников, с которыми провел он эти годы, даны запоминающиеся образы преподавателей и профессоров учебных заведений. Интерес представляют и события, связанные с общественно-политической ситуацией в студенческой среде, увлечение молодежью разными направлениями народничества, социалистическими идеями. Особое внимание уделяет А.Я. Садовский жизни в поместье родителей, быту помещичьей усадьбы, переезду семьи в Нижний Новгород, ее традициям и взаимоотношениям. Большая часть «Воспоминаний» отведена службе автора в лесном и удельном ведомствах, царивших там порядках. Нарисована и своеобразная картина жизни второй половины XIX в. в российской провинции. Важны страницы «Воспоминаний» и для определения политических предпочтений автора, его отношения к еврейскому вопросу. Последние листы рукописи повествуют о назначении А.Я. Садовского на должность окружного надзирателя 1 разряда в Ардатовский уезд Нижегородской губернии. По всей видимости, воспоминания должны были продолжаться (возможно, и продолжались) и охватить более позднее время, вплоть до 1910 г.

Публикуемый фрагмент носит цельный и законченный по смыслу характер. В нем мы находим малоизвестные сведения по истории Нижегородского Александровского института, библиография о котором не богата [20; 21].

Институт был открыт 30 августа 1844 г., а старт строительству дал наследник престола, будущий Царь-Освободитель Александр II. Имеются и другие сведения. Сначала Александровский дворянский институт был открыт в октябре 1837 г. как «благородный пансион» при мужской гимназии, а в октябре 1844 г. преобразован в отдельный институт с гимназическим курсом [22, с. 8]. Последний факт противоречит сведениям, которые содержит юбилейная книга.

Данное учебное заведение было закрытого, среднего общеобразовательного типа, готовило дворянских детей к поступлению в престижные вузы. С 1862 г. туда стали принимать детей всех сословий и вероисповеданий. Срок обучения составлял семь лет.

Недавно в небольшой брошюре были опубликован устав этого учебного заведения, упомянута «Историческая записка о Нижегородском Александровском дворянском институте», составленная в 1871 году. Здесь же помещен и «Конduitный лист князя Чегодаева Петра, ученика Александровского дворянского института» [22, с. 10–15]. О кондуите в «Воспоминаниях» имеется интересная информация.

Публикация фрагмента «Воспоминаний» А.Я. Садовского, который представляет собой сюжетно-организованный рассказ за 1866 (когда А.Я. Садовского перевели в V класс института) – 1870 гг., позволит существенно дополнить биографические сведения о замечательном краеведе в его юношеские годы, обогатить сведения о Нижегородском Александровском институте, уточнить факты и восполнить определенные пробелы в системе образования в Нижнем Новгороде.

В публикации звездочкой отмечены зачеркнутые в рукописи слова.

Источники и литература

1. *Берельковский И.В.* С.М. Парийский и советское краеведение // Записки краеведов. Н. Новгород, 2004.

2. *Храмцовский Н.И.* Заметки о семилетней службе в трех уездных земских управах / публ. подгот. Д.А. Николаев, В.В. Морозов // Исторический архив. 2015. № 1.

3. *Митрофанов В.В.* «... позвольте мне обратиться к Вам как знатоку эпохи Смутного времени»: письма А.А. Савельева к С.Ф. Платонову (вступ. ст., подгот. коммент.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2.

4. Сборник, посвященный памяти А.С. Гациского / Сост. К.Д. Александров. Горький, 1939.

5. Мемуары, дневники и частная переписка как исторический источник // Источниковедение истории СССР XIX в. М., 1970.

6. *Дружинин Н.М.* Воспоминания и мысли историка. М., 1979.

7. *Павловская С.Ф.* Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX вв.: дис. ... к.и.н. Н. Новгород, 2006.

8. *Морозова О.М.* О ценности архивных фондов личного происхождения // Историко-культурное и природное наследие народов Юга России: состояние, перспективы сохранения и развития: материалы Всерос. научно-практ. конф. 25–26 июня. Грозный, 2009.

9. *Ищенко О.В.* Воспоминания как источник сведений об участии воспитанников учебных заведений Сибири в деятельности партийно-политических организаций в конце XIX – начале XX вв. (по материалам сибирских архивов) // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: коллективная монография. Ч. 9 / под общ. ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск, 2014.

10. *Эльзон М.Д.* О «Воспоминаниях» Н.И. Попова и их авторе // Русская литература. 1982. № 3.

11. Сборник «Памяти А.Я. Садовского». Н. Новгород, 1928.

12. *Илларионов В.* Памяти А.Я. Садовского // Нижегородская Коммуна. 1926. № 282.

13. *Илларионов В.* Старейшина нижегородских краеведов // Горьковская правда. 1971. 4 августа.

14. Чтения памяти А.Я. Садовского: Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2006.

15. *Пудалов Б.М.* К 120-летию губернских ученых архивных комиссий // Мининские чтения: Мат-лы науч. конф. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (29–30 октября 2004 г.). Н. Новгород, 2005.

16. Хранители документальной памяти. Нижегородская архивная служба в 1919–1938 гг.: Сборник документов / сост.: М.Ю. Гусев, Б.М. Пудалов, Н.Н. Толстова. Н. Новгород, 2009.

17. *Уткина Н.А.* Письма Б.С. Жукова А.Я. Садовскому как источник по изучению его биографии и истории краеведческих организаций Нижнего Новгорода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (3).

18. *Садовской Б.* Записки (1881–1916) / публ. вступ. ст. и примеч. С. В. Шумихина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994.

19. *Митрофанов В.В.* Ардатовское общество в «Воспоминаниях» А.Я. Садовского (вступ. ст., публик., коммент.) // Жизнь провинции: История и современность: сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции: история и современность» 19–21 марта 2015 г. Н. Новгород, 2015.

20. Пятидесятилетие Нижегородского дворянского института Александра II. 30 августа 1844–1894 гг. Н. Новгород. 1894.

21. Общий список воспитанников Нижегородского дворянского института Императора Александра II. С 30 августа 1884 года по 1-е августа 1894 г. Н. Новгород. 1894.

22. Из истории классического образования в Нижегородской губернии: исторический экскурс / МУК «Центральная городская библиотека им. В.И. Ленина»; сост. А.А. Медведева. Н. Новгород, 2011.

А.Я. Садовский
«Александровский дворянский институт»
(фрагмент рукописи)

Как раз незадолго перед этим институт, бывший строго закрытым заведением с живущими в нем пансионерами, стал принимать приходящих учеников и в качестве такового принял и меня.

В институте у учеников была особая, красивая форма, похожая на нынешнюю, но лучше, так были еще мундиры с галунами и обшлагами из красного сукна с пуговицами. Держались институтцы щеголеватее, считали себя выше гимназистов. Пансионеров было больше, чем приходящих, жили они дружнее, сплоченнее и учились лучше нас, чтением книг потихоньку институтцы занимались также как и гимназисты и книги были все те же, в большом почете были романы Густова Эмара¹ из жизни американских индейцев. Ими зачитывались до самозабвения, называли себя именами героев разных романов, чуть не в каждом старшем классе (да и, наверное, в каждом) были свои американские герои. Помню, у нас Пашков² – Валентин Гиллуа, Путеренг – Единорог, Розинг – Курумилла и т. д. Затем Майн Рид³ и другой рассказ из американской жизни. Особенностью институтцев было то, что, несмотря на огромное количество пансионеров-дворян, сравнительно с разночинцами, преимущественно приходящими, у них вовсе не было так называемых теперь дворянских тенденций. Сословий как бы не существовало, была одна семья, разговоров о дворянстве никогда не

---

¹ Эмар Густав (1818–1883) – французский писатель, автор большого цикла увлекательных, остросюжетных историко-приключенческих романов.

² Пашков Василий принят 5 апреля во 2 класс, 11 лет, сын купца, выбыл 23 июня 1869 г. по окончании курса, в общем списке значился под № 376 (Пятидесятилетие Нижегородского дворянского института Александра II. 30 августа 1844–1894 гг. Н. Новгород. 1894. С. 46). В этом издании приведены списки обучавшихся в разные годы и полный список окончивших институт. В публикуемом тексте номера указаны по этой книге.

³ Томас МайнРид (1818–1883) – английский писатель, автор приключенческих романов и произведений.

было, только при окончании курса, когда выдавали аттестаты, я узнал, что многие, которых я считал дворянами, были не дворяне. В этом отношении институт выгодно отличался от гимназии, в которой дети крупных чиновников и дворян были как бы на особом положении и не только у начальства, но даже среди сотоварищей – учеников. В институте все были равны, и начальство никому не давало поблажки.

Директором был Павел Николаевич Розинг ⁴, который некогда был учителем естественной истории в гимназии (до Ауновского ⁵), я тоже у него учился, кажется в II классе, был он в гимназии недолго и перешел в институт. Здесь он очень скоро получил место директора, я думаю потому, что он был нижегородским дворянином. Как учитель он был очень плох и малознающ. Как человек, он был очень недалек и мы, ученики, считали его просто-напросто глупым или скорее глуповатым, звали его за глаза всегда «Пашей». Паша и редко показывался в институте, сам он ничего не преподавал, только и видели мы его иногда в большую перемену – пройдет по коридору и довольно, впрочем. Не знаю, может быть, он много уделял времени пансиону и часто в нем бывал, но мне приходящему это было неизвестно. За всем тем у Паши было одно хорошее качество – он был очень добрым сердечным человеком и ученики находили в нем заступника, притом заступника справедливого, поэтому его любили все и самое прозвание его «Паша» было не ругательное, не презрительное, а какое-то любовное, иногда смеялись над ним, над многими его выражениями (он не умел говорить красно), но смеялись всегда добродушно, без всякой злости. Паша никому карьеры не испортил, т. е. не испортил понапрасну, как это делал Садоков, если из института и исключались ученики, то за малоуспешность, за дурное поведение, кажется, был исключен один Серафим Моисеев ⁶, но исключение Моисеева ни в ком из учеников не вызвало ни малейшего сожаления – он был исключен за дело – справедливо.

Всякие пропуски учеников не выносились за пределы института, карцером не наказывали почти вовсе, без обеда оставляли приходящих тоже редко, за особые вины убавляли баллы из поведения, причем говорили, что это будет записано в кондуит ⁷ (что-то очень страшное, все

---

⁴ Розинг Павел Николаевич – директор института с 27 февраля 1864 г. по 1877 г.

⁵ Ауновский Владимир Александрович (1835–1875) – педагог, этнограф, учитель естественных наук губернской гимназии, титулярный советник.

⁶ В списке учащихся института значился под № 319. Моисеев Серафим, 12 лет из дворян, принят во 2 класс, выбыл 4 ноября 1868 г. из 5 класса (С. 44).

⁷ Документ учета учащихся ведомства народного просвещения, заводился на каждого воспитанника при определении в учебное заведение.

этого кондуита, которого никто никогда не видел, боялись как огня), что выпустят тогда с четверкой из поведения, а с 4-ю не примут в университет и т. п. Но в VI и VII классов ставили иногда за разные похождения по бильярдным по двойке и даже не один раз, а все-таки всех выпускали с пятерками в поведении. Сам я имел два, так сказать, столкновения с Розингом. Первое таково. В VI или VII классе, будто бы в VII, учитель латинского языка Гетлинг⁸ ежедневно задавал нам по несколько строк из Овидия⁹ (или Вергилия¹⁰ *) наизусть, иногда чуть не по страничке. Мы роптали, но учили, конечно, плохо, Гетлинг ставил за ответы двойки, тройки и даже единицы. Зубрежка никому не нужных латинских виршей¹¹ отнимала очень много времени и, в конце концов, мы возмутились и решили более никогда стихов Гетлингу не отвечать. И действительно, когда Гетлинг пришел в класс, ему никто наизусть ничего не отвечал. Поднялась буря, пришел инспектор, стал нас пугать и т.д. Тогда мы решили послать от себя к директору трех человек, указать ему на трудность изучения стихов, на то, что они отнимают много времени от приготовления других уроков и т. п. В числе депутатов был Путеренг и я, третьего не помню. Мы попросили вызвать к нам директора в залу (где его *) и когда он пришел, Путеренг обратился к нему: «Мы пришли к Вам Пав[ел] Никол[аевич]...», но Пав[ел] Никол[аевич] перебивает его словами: «Не Вы пришли ко мне, а я к Вам, в чем дело?» Выслушав нас, побранив и поворчав на нас, очевидно для порядка, отпустил с миром. После этого стихи стали задавать не всегда и если задавали, то по несколько строчек, а потом и прекратили. Так окончился инцидент, за который теперь пострадало бы много народа, а нам даже не убавили баллы в поведении. Другой случай был такой. В последнем VII классе среди учеников развилась страсть к бильярду, по вечерам, а также по праздникам по утрам, наша компания, человек 5, обыкновенно уходила в какой-нибудь удаленный трактирчик и там играла, конечно, не на деньги, а только на партии. Излюбленными местами был трактир «Золотой якорь», помещавшийся в доме на Большой Печерке, № 8 и трактир на Старой Сеной, кажется «Волга», но по воскресеньям утром стали собираться в

---

⁸ Гетлинг Константин Васильевич – учитель латинского, греческого языков, воспитатель, коллежский советник.

⁹ Овидий (полное имя Публий Овидий Назон, 43 г. до н. э. – 17 г. н. э.) – римский поэт.

¹⁰ Публий Вергилий Марон (70 год до н. э. – 19 год н. э.) — один из величайших поэтов Древнего Рима.

¹¹ Вирши (от латинского versus – стих, польское – wiersz) – один из видов тонического стиха духовного, а затем и светского содержания.

гостинице Лопашева ¹², на углу Осыпной и Бол[ьшой] Покровки, там, где теперь магазин Реутова, во втором этаже. Это была лучшая гостиница в городе и надзирателям, ловившим нас в плохеньких гостиницах, вероятно, не приходило в голову, что мы играем в гостинице Лопашева. Так прошло месяц или два, но однажды, пришедши в гостиницу в бильярдную, мы застали каких-то незваных господ, игравших на бильярде. В ожидании очереди, кто-то из нас спросил коньяку и мы стали ждать окончания игры. Немножко выпили, языки развязались, стали посмеиваться над играющими, а говоря друг с другом, называли, как обыкновенно, фамилиями. По фамилиям или почему другому (мы сами ходили не в форме) играющие, среди которых был учитель кадетского корпуса Готти ¹³, признали в нас институтцев и рассказали о нас нашему начальству. В следующее воскресенье компания опять собралась почти в полном составе, не было только меня и Путеренг, в самый разгар игры вдруг входит ненавидимый всеми воспитатель Бертран и переписывает учеников. Конечно, среди игроков страшный переполох и испуг, боялись исключения, в гимназии за это исключали, завидовали мне и Путеренгу, которые не были в этот праздник у Лопашева. Но какоеже удивление, когда на другой день инспектор велел после отпуска остаться в классе не только всем пойманым на месте игрокам, но и нам с Путеренгом. И началась длинная речь о вреде бильярдной игры, пьянства и т. п., и хотя мы с Путеренгом заперлись, что мы не были, не знаем и т. п., но нам не поверили и мы все слушали, по крайней мере, полуторачасовую речь инспектора, а затем всех нас рассадили по классам и оставили в классе до вечера, в результате педагогический совет поставил нам в поведении по двойке. Этим дело и окончилось. Кстати уже рассказать, что после этого мы опять попались учителю гимназии Желоминскому, узнавшему в нас институтцев и выгнавшему из трактира; в тот же вечер отправились к Желоминскому и упросили его не сообщать о нас в институт. Желоминский сдержал свое слово, взявши с нас слово больше в трактирах не играть, мы дали, но не сдержали и снова были пойманы каким-то учителем института, каким теперь не помню (я тут не был), опять игроки пошли к учителю просить не говорить инспектору и опять и этот учитель сжалился и ничего не рассказал. Инспектором был Александр Гаврилович Ша-

---

¹² В доме коммерции советницы Переплетчиковой помещались гостиница купца Лопашева и магазин «суконными и панскими товарами» купца Брызгалова.

¹³ Готти Евгений Осипович – учитель французского языка, воспитатель, статский советник.

пошников ¹⁴, брат гимназического учителя Гавр[ила] Гавр[илови]ча ¹⁵. Как тот пользовался симпатиями учеников, так к этому питали антипатию, да и наружность его была какая-то скверная: голова как билиардный шар, бритое лицо и по бокам длинные бакенбарды, речь вкрадчивая, льстивая, мягко стелет, жестко спат. Звали его «Шапо». Преподавал он еще математику и как преподаватель был неважный, когда у нас ввели в математику задачи, которых прежде вовсе не было, он многие, которые задавал из какой-то книги, сам решал не сразу. Был случай, что он оставил задачи нерешенными до другого дня, когда приходил и показывал решение, конечно таких случаев было мало, но они были. Любимыми штучками учеников было предлагать Ш[апошник]ову трудные задачи, особенно парадоксы, как например, доказательство, что $2=3$, аршин = вершку и т. п. должно быть, что он тогда еще в первый раз встретился с ними, так как-никак не мог сказать, в чем тут неправильность, а в трудных задачах путался. Совершенно другим был Вс[еволод] Вас[ильевич] Малинин ¹⁶, которого на этом никогда сконфузить не удавалось. Был у нас старик Павел Иванович Никольский ¹⁷, учитель латинского языка, большая умница, но совершенно опустившийся человек, однажды ему рассказали задачу, которую не мог решить Шапо и Пав[ел] Ив[анович] тут же сразу решил ее. О Павле Ивановиче я писал раньше.

Поймавши какого-нибудь ученика в шалостях, Шапо читал длиннейшие рацеи ¹⁸, скучные, иногда, смешные, которые, конечно, никогда не достигали цели, а, пожалуй, наоборот. Любил он и шпионов, были у него любимицы и не любимцы. Нашлись какие-то темные слухи, что однажды пансионеры поколотили его за что-то. После уже от университетских товарищей о бр[атях] Шапошниковых приходилось слышать некрасивые вещи о них, как студенты, что они чем-то восстановили против себя товарищей и т. п., но подробности совершенно позабыл, много рассказывал об этом покойник Пав[ел] Карл[ович] Позерин, товарищ Шапошниковых по университету. Смялись, помню, что Алек[сандр] Шапош[ников] в университете перево-

---

¹⁴ Шапошников А.Г. в 1877–1879 гг. временно исполнял обязанности директора, а 1 августа 1879 г. был назначен директором Тверского реального училища.

¹⁵ Шапошников Гаврила Гаврилович (1840–1917) – в 1880–1904 гг. – директор Александровского дворянского института.

¹⁶ Малинин Всеволод Васильевич (1835–1906) – преподаватель математики в Нижегородской губернской мужской гимназии с 1869 по 1892 гг.

¹⁷ Никольский Павел Иванович – инспектор пензенского дворянского института в 1855 г., писатель.

¹⁸ Рацея – проповедь, назидательная речь, длинное наставление, поученье.

дил Гизо ¹⁹, которого называл Жизо. Среди учеников ходили еще какие-то смешные анекдоты о Шапо и его кухарке, о том, как однажды Шапо напился пьян, приплясывал и пел какую-то песню, из которой почему-то теперь запомнились строчки «Сижу дома, на соломе», дальше забыл. Была еще смешная привычка - во время уроков и чтения рацей расчесывать пятерню свои длинные бакенбарды и очень часто вставлял словечки: «Так или нет?» «видите?», которые у него выходило «виндите». Все это давало повод к насмешкам над ним и передразниванию. Сильно преследовал курение, которым обыкновенно занимались в сортире, в камине, и в классах в отдушины, попадались ученики в курении редко, так как всегда расставляли часовых, притом некоторые воспитатели к курильщикам старших классов относились снисходительно. В институте опять встретился с Всеволодом Васильевичем Малининым, тоже преподававшим литературу. Хорошо он ее преподавал, но главное, за что его все любили, он был необыкновенно справедлив в отметках: ответил ему заведомо плохой ученик на 5, ставит 5, отвечает первый ученик на 2, ставит 2. Это чрезвычайно ценилось всеми учениками без исключения и его все уважали и не говорили про него ничего дурного, даже плохие ученики и те говорили про него одно хорошее. Бывало он усядется на стуле против доски и спрашивает иногда сразу по нескольку учеников, а потом объясняет урок. Как и в гимназии, я был плохим учеником по математике и редко получал четверки, а более тройки, да признаться, я и мало занимался с нею. Всеволод Васильевич занимался изобретением летательных снарядов, говорят, у него были разные модели их и уже впоследствии после его смерти я слышал, что его изобретение по идее было нечто похожее на аэропланы, до которых он не дожил. Какая разница была между ним и Шапо, когда в физическом кабинете они показывали разные приборы, Шапо терялся, он сам плохо знал опыты и в учениках вызывал улыбки и смешки. Малинин в кабинете был свой человек, все опыты проходили блистательно, интересно. Вероятно, благодаря Малинину, были у нас любители математики ученики. В институте В[севолод] В[асильевич] устроил особую систему вентиляции, которая действовала прекрасно и испортилась только в последнее время, уничтожена она в половине 1912 года по случаю устройства электрического освещения. Устроена была вентиляция уже после окончания мною курса, когда не знаю.

Когда я был в VII классе Всев[олод] Вас[ильевич] был назначен классным наставником нашего класса, кажется, когда этот институт

---

¹⁹ Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787–1874) – французский историк, критик, политический и государственный деятель (консервативный либерал).

вводился впервые. Надо было ему описать комнаты, в которых жили приходящие ученики, должно быть это требовалось правилами. По-видимому, Вс[еволод] В[асильевич] относился к этой новой обязанности отрицательно, так как ни в чем не проявлял своего наставничества. А меня он раз подозвал и спросил, когда я бываю дома: я хотел ответить с 6-ти часов вечера, так как после обеда обыкновенно гулял, потом пил чай и раньше 6-ти не садился за занятия, но нечаянно сказал: только до 6 часов. Вс[еволод] В[асильевич] на это ничего не ответил, а только велел мне самому составить описание моей комнаты и принести ему. Только после вечером я сообразил, какую чушь я сказал Всев[олоду] Вас[ильевичу].

Застал я еще учителя латинского языка Константина Васильевича Гетлинга²⁰. Это положительно что-то невероятное, едвали возможное где-либо, кроме России.

В то время ему было лет под 50, учительствовал он уже (несколько *) много лет. Высокий, черный, с самой непредставительной наружностью. Он был помешан на латинских авторах, восхищался ими, скандировал латинские гекзаметры²¹, мучил нас стихами, о чем я писал раньше, но никого из нас латинистом не сделал. Он любил в классах чистый воздух и даже отворял форточки в зимние морозные дни, так что было холодно в классах. Не любил он вони: бывало кто-нибудь крикнет: Кон[стантин] Вас[ильевич] – такой-то навонял! Кон[стантин] Вас[ильевич] произносит «Уть!» его любимое выражение: «Уть, подложить ему книгу». Ученику под задницу подкладывали книгу и К[онстантин] В[асильевич] ее потом нюхал, если от книги пахнет, ученику ставил единицу «за навоняние». Конечно, в старших классах кричали это нарочно, чтобы оттянуть время от урока, книги там не пахли. Необыкновенно любил К[онстантин] В[асильевич] подарки от учеников: живых черепах, рисунки, маленьких животных и т. п., а может быть принимал и другие, не знаю. За черепаху, напр[имер], это я знаю сам, было при мне, подноситель получил две пятерки. Мой товарищ Кутыев²², учился плохо, чтобы пособить горю, т. е. получить в табели не двойки, он попросил ученика Шебуева²³ нарисовать что-

---

²⁰ Повтор, см. выше.

²¹ Гекзаметр – стихотворный размер.

²² Под № 280 за 1858 г. записан Кутыев Петр, 10 лет, из дворян, принят в 1 класс, выбыл 8 июля 1866 г. по окончании курса (С. 41). Б. Садовский в своих «Записках» этот эпизод упоминает, но называет Кутыева Владимир Павлычем (Записки. С. 110)

²³ Шебуев Георгий, 19 лет, из дворян, 7 класс, выбыл 21 июня 1868 г. по окончании курса с золотою медалью. (№ 591 за 1867 г.).

нибудь для Гетлинга. Шебуев прекрасно рисовал. Он нарисовал купающихся нимф, нарисовал действительно хорошо и в очень соблазнительных позах. Рисунок вызвал у Гетлинга восхищение, восклицание «Уть» и в результате объявляется, что за рисунок он ставит Кутыеву сразу 7 пятерок. Рисунок, конечно, взял себе, а Кутыев таким образом вместо двойки получил в табель чуть ли не четверку. Гетлинга ученики звали Циконией, т. е. по латыни аистом, он страшно не любил это прозвище и обыкновенно, как только появлялся Гет[линг], в разных углах коридора раздавались крики «Цикония». Готлинг бросал молниеносные взгляды, бросался в углы, где раздавались крики, но, конечно, везде встречал самые смиренные невинные рожицы и ни к кому не мог придаться. Ненавидя прозвище Цикония, он любил, когда его называли Лео-лев. Доходило это до смешного. Выходил он, например, из класса, ученики окружают его, ближайšie обращаются к нему со словами: «Leo, horribilisleo!»²⁴ гладят его при этом по спине, «Leo, Leo», он ослабляется, доволен, а сзади кто-нибудь крикнет «Цикония». Моментадно лицо делается свирепым, оборачивается, ищет глазами крикнувшего, конечно, никого не находит, а близ стоящие опять начинают гладить, звать «Leo, horribilisleo», Гетлинг снова приходит в себя, опять восклицает «Уть, уть!» ослабляется, а сзади снова Цикония и опять та же комедия²⁵. Любили его еще в классе ставить в смешные положения, он плохо владел русским языком и ему нарочно переводили по-русски, да не по-русски. Также он любил приводить одновременно пословицы на (русск *) латинском и (русск *) немецком языках и подыскивал к ним русские пословицы, вот тут-то классные остряки и изошрялись, такие приводили пословицы, что смех стоял в классе. Гетлинг сперва не понимал, принимал за чистую монету и это-то и было очень смешно, а потом обижался, ругался, ему начинали доказывать снова, что говорили верно, он опять верил, потом опять соображал, сердился, но придаться было не к чему и не к кому, а время проходило и класс кончался, что и требовалось ученикам. Между прочим, я был в числе остряков и мне за это чрезвычайно досталось – он меня на экзамене срезал и я остался в последнем VII классе на второй год. Когда я уже окончил курс Гетлинговым семиклассникам хвастался, что он оставил меня за насмешки над ним, и что также будет с каждым учеником, который будет над ним смеяться. После этого, когда я встречался с Гетлингом на улице, он всегда переходил на другую сторону – боялся, что я, тогда студент, побую его, да я и не разочаровывал

---

²⁴ От лат. horribilis — «страшный», «ужасный».

²⁵ Этот эпизод пересказан в «Записках» (С. 110).

его, никогда не кланялся, смотрел свирепо, хотя никогда не прибегнул бы к кулачной расправе. Гетлинг потом, не знаю когда, переведен был в Москву, был чуть ли не инспектором и умер недавно глубоким стариком. Воображаю, каков был инспектор!

Кроме Гетлинга преподавателем латинского языка был еще Павел Иванович Никольский, один из них преподавал в четных классах, а другой в нечетных, так как я оставался в VII классе, то учился у обоих, у Павла Ивановича, когда остался на 2 год, раньше еще я учился у него истории в I классе гимназии, тогда история начиналась с I класса и было прекрасное руководство Водовозова²⁶, которым мы зачитывались и помимо классов. Как преподаватель истории П[авел] И[ванович] был плох. Латинский язык он преподавал, конечно, лучше Гетлинга. Он, кажется из педагогического института и попал в Нижний из Пензенской гимназии, у него был сын профессор Моск[овского] У[ниверсите]та или другого, которого звали Сергеем²⁷ и которого я знал еще тогда, когда жил у Шундикова, он, кажется, был студентом последнего курса или кончавшим курс. Павел Иванович был тип опустившегося старого педагога, в потертом синем фраке с запущенной долго не бритой бородою, с баками, седой, толстоватый, с сизым носом картошкой и нередко с винным запахом изо рта, часто нюхавший табак и после сморкавшийся в цветной старый фуллярный²⁸ платок, свернут так, чтобы каждое сморкание было рядом с предыдущим, был, однако, очень уважаем учениками, никогда не позволявшим над ним никаких насмешек. Его очень любили за его доброту, не в отношении отметок, а вообще за человечность, так сказать, за милое сердечное, хотя подчас и грубоватое отношение к ученикам. Притом он был очень остроумен и находчив и проделки учеников, вероятно, получали бы от него надлежащий отпор и посрамление. Должно быть, он был разносторонне образован, я уже упоминал о знании им математики. В классе он нередко, всегда короткими фразами, беседовал о разных житейских случаях и вопросах и всегда как-то старчески, добродушно. Частенько он обзывал нас горшками, птицами и т. п. «Эх, Вы горшки! Эх, Вы птицы небесные! Вы думаете, Вы науки проходите, нет, науки мимо

---

²⁶ Водовозов Василий Иванович (1825–1886) – выдающийся педагог-демократ, последователь идей К.Д. Ушинского. Вероятно, речь идет о книге: Рассказы из русской истории: сборник исторических документов / предисл. и коммент. В.И. Водовозова. Вып. 1–2. СПб., 1861–1864.

²⁷ Никольский Сергей Павлович (1844–1917) – действительный статский советник, директор народных училищ Пензенской губернии.

²⁸ Фулляр – легкая и мягкая шелковая ткань.

Вас проходят»²⁹ и т. п. Откуда-то он знал учеников по именам и отчествам и иногда с малоуспевающим учеником вел такой разговор: «И что ты, Владимир Дмитриевич, учишься, зачем тебе ученье, бросай-ка, брат, да поступай в юнкера, все равно ведь там будешь»³⁰. Он никому в своей жизни не сделал никакой пакости, всегда был одинаково ровен, справедлив, не было у него и особых любимцев, хотя хороших учеников отличал, видимо любил и редко их спрашивал. К разному шпионству, к разным подвохам, чтобы уличить ученика в чем-нибудь, никогда не прибегал. Помню в VII классе один смешной случай за его уроками. Был у нас ученик Кутыев В. П.³¹ вообще не глупый, но очень не развитый, ничего не читавший и ни о чем не думавший. Отвечая урок, т. е. переводя что-то, кажется из Цицерона, Кутыев встретил выражение «сізісі», относящиеся к жителям г. Цизей, т. е. жители Цизей. Павел Иванович спрашивает Кутыева, что это такое – сізісі. Кутыев молчит, беспомощно вращает глазами по сторонам, толкает сидящих рядом, в том числе и меня, ногами, прося подсказа. И дернула меня нелегкая подшутить над Кутыевым, подсказываю – «дети Цицерона». Кутыев тогда говорит: «Дети Цицерона, Павел Иванович». В ответ: «Сам ты, глупый сын Цицерона, садись!» В классе гомерический хохот, смеется и Павел Иванович, а я в перемену получил от Кутыева жестокую взбучку. Кутыев был чуть ли не вдвое выше меня и очень сильный.

Французскому языку учил П.А. Зубарев³². Говорили, что это промотавшийся барин, которому доставили это место, говорили еще, не знаю почему, что он агент III отделения. Бритый, в золотых очках, барской наружности, с хорошими манерами, картавивший немного, он был плохим учителем, вылезал на подсказываниях и разных (проказах *) фокусах и ничего не знал. Вообще три учителя франц[узского] языка, у которых я учился в гимназии – де Планьи, Випмена и Бертрана³³, и у четвертого Зарубаева, никакого языка не выучивали и никто ничего не знал, кроме тех, которые знали язык дома. Исключение составлял Готти, поступивший на место Зубарева, я у него учился два года или

---

²⁹ Повтор, см. выше.

³⁰ Эта фраза передается Б. Садовским: «Эх, брат, Владимир Павлович, ну что ты тут зря сидишь: шел бы ты лучше в юнкера. Вы думаете, что вы науки проходите; нет: не вы науки проходите, а науки мимо вас проходят» (Записки. С. 110).

³¹ Кутыев Владимир Павлович.

³² Зубарев Павел Алексеевич – учитель французского языка, 3-й воспитатель, надворный советник.

³³ Бертран Генрих Петрович – учитель французского языка, младший учитель (французский подданный).

полтора, не помню, и все-таки вышел с запасом знаний. Он умел нас приохотить заниматься и имел свой особый метод преподавания, при котором язык усваивался довольно скоро, не буду здесь распространяться. Об этом способе скажу только, что я видел учеников, прослушавших его несколько лет, которые знали французский язык довольно хорошо.

Закон Божий преподавал священник Николай Павлович Крылов. Молодой еще человек, очень занимавшийся своею наружностью, волосами, которые не отпускал длинными, бородою, усами, всегда в красивых рясах, рукава которых подбитые цветными шелковыми материями в модных брюках, видневшихся из под рясы, в белоснежных воротничках и манжетах с прекрасными запонками, он вовсе не был похож на гимназистского батюшку, попа Андрея Востокова³⁴, как его называли «попа Андрея», у которого из-под рясы виднелись подштанники и грубые сапоги, похожего на деревенского попа. Это был в полном смысле франт. Батюшка этот в преподавании ничем не отличался и дальше книги никуда не уходил. С ним всегда бывали пререкания перед выпускными экзаменами, когда по закону Божию надо было отвечать по всем его отделам: по истории ветхого и нового завета, по катехизису, по богослужению и по истории церкви, словом, за весь семилетний курс. Конечно, подготовиться было трудно и потому обычно отец Николай билеты на экзаменационном столе клал подряд, так что ученики, особенно вызванные сначала, могли легко сообразить, где какой билет лежит. Я был два года в VII классе и каждый раз за месяц и более до экзаменов отец Николай предупреждал нас: «Господа, в нынешнем году билетов не будет, прошу к экзаменам заниматься». Начинались упрашивания, но поп непоколебим, и многие из нас начинают готовиться, но на последнем уроке отец Николай объявлял уже: «Господа! На экзаменах билеты будут лежать по порядку, с правой руки».

К сожалению, это было на руку не всем. Первые на первые буквы алфавита выбирали билеты безошибочно, а ученикам на последние буквы это не всегда удавалось и был случай, что мой товарищ и друг Путеренг остался из закона Божия на второй год, что вообще представлялось редкостью, таким образом, мы остались с ним в VII классе на 2-й год, впрочем, в этом году почему-то осталось много, тогда только что ввелась классическая Толстовская система образования³⁵ и пошли

---

³⁴ Востоков Андрей Георгиевич – законоучитель гимназии, протоиерей.

³⁵ Названа по имени министра народного просвещения графа Д.А. Толстого.

строгости. Учитель немецкого языка А.А. Аллендорф³⁶, потом инспектор, и, говорят, любимый учениками, у нас не был любим. Он преследовал подсказывание и шпаргалки, а когда на выпускном экзамене я отвечал по книге, в которой был подстрочный перевод, ничего не сказал, а поставил четверку. Неприятный немецкий педант и должно быть деспот величайший, сын его из каких-то неприятностей с отцом застрелился.

Был очень оригинальный воспитатель-немец Иван Адамович Геллер, по прозвищу «Фуфа». Небольшого роста, с длинными развивающимися седыми волосами, производил какое-то странное впечатление. О нем, как воспитателе, не имею понятия, так как в пансионе не был. Только над ним смеялись и вышучивали его, а он принимал это добродушно. У него был сын³⁷, который в V классе учился со мной, какой-то странный, малокровный, лицом старый, приносил откуда-то в класс всевозможные сорта спичек, были какие-то стекляшеские³⁸, потом восковые с треском и без треска, спички с огромнейшей головкой и т. д., вообще много было таких, каких после я нигде не встречал. Спички эти он любил зажигать в парте во время уроков и за это нередко страдал от начальства, но был неисправим - опять приносил, несмотря на наказания. Куда делся этот Гетлинг, я не знаю, кажется из V же класса он и выбыл, да и кажется и сам Фуфа при мне был один год, так что возможно, что уехавши из Нижнего, он взял с собою и сына.

Встретился здесь с бывшим своим гимназическим учителем французского языка Бертраном, в институте он был воспитателем. Все воспитание у него сводилось к ловле учеников в курении, в пьянстве, бильярдной игре и т. п. Как и в гимназии его все ненавидели и презирали. Он был женат уже на воспитаннице Путерена, Вареньке, которая тоже его от души презирала и амурничала с великовозрастными институтцами. Мстили Бертрану тем, что после выпускных экзаменов, никто из бывших учеников с ним не раскланивался при встречах, помню, что и я считал себя героем, когда после окончания курса, встретив Бертрана на бульваре, не поклонился ему, а гордо прошел мимо, посмотревши ему в глаза.

---

³⁶ Аллендорф Александр Александрович – учитель немецкого языка, коллежский советник.

³⁷ Геллер Виктор, 13 лет, сын чиновника, 3 класс, выбыл 17 июля 1867 г. по желанию отца из 5 класса.

³⁸ В XIX в. были изобретены спички со стеклянной головкой, которые при раздавливании щипцами возгорались.

Был еще воспитатель Нелидов³⁹, зять или какой-то родственник Шапошникова, небольшой, тщедушный с подленькой бритой физиономией, занимался шпионством и ловлею учеников, его тоже презирали и, пожалуй, глубже, чем Бертрана. Бертран хоть открыто ловил, а этот исподтишка, посредством учеников-шпионов. Когда я оканчивал курс, пришел в институт к пансионерам спросить о чем-то или, может быть, заняться с ними вместе, так как они лучше меня знали предметы. Во время занятий ходили вместе курить в сортир. В сортире, не знаю, каким образом, я попался Нелидову в курении. Хотя на курении выпускников уже мало обращалось внимания, но Нелидов предложил мне остаться в институте, а потом поднялся ко мне и уговаривал выдать ему, кто из пансионеров курил, конечно, я с негодованием сказал ему, что я не шпион и выдавать товарищей не буду. Не знаю что, отказ ли мой или что другое подействовало, но только он стал уверять меня, что он не хотел просить меня выдавать товарищей. В конце концов ему должно было сделаться неловко и он отпустил меня домой.

Русскую словесность вначале преподавал очень любимый учениками Маслов, одновременно учительствовавший и в женском Маринском институте. Маслов был, должно быть, из либеральных учителей 1860-х годов. Его вскоре уволили будто бы за то, что он в женском институте неуважительно отзывался о религии, говорили, что тут действовал Садоков. После Маслова был француз, довольно старый человек, преподававший словесность по старым шаблонам. После него приехал Викт[ор] Александр[ович] Васильев, сравнительно молодой человек. Он сумел заинтересовать нас и занимались у него охотно, иногда ходили к нему на дом и он вел беседы, и давал читать книги. Но необыкновенное впечатление на учеников произвел вновь назначенный (я застал его в VI классе) учитель истории Александр Николаевич Овсянников, брат гимназического Овсянникова. Кажется, он тогда только что кончил Казанский университет. Он был очень оригинален и наружностью, и манерами, которые всем нам очень нравились. Он не учил, а читал лекции, учебник Шульгина⁴⁰ он дополнял своими рассказами, чрезвычайно интересными, которые мы записывали, многое из них, особенно по франц[узской] революции, я помню до сих пор. Русскую историю тоже читал, как в ун[иверсите]те, по лекциям про-

---

³⁹ Нелидов Павел Константинович – учитель русского языка, воспитатель, надворный советник.

⁴⁰ Шульгин Виталий Яковлевич (1822–1877) – российский историк, публицист, профессор Киевского университета.

фессора Фирсова ⁴¹, которые давал нам для списывания. Кроме того, он приглашал нас к себе, разговаривал с нами об истории, русской литературе, давал читать разные книги, советовал учиться языкам, помню, большое впечатление произвел на меня роман Герцена ⁴² «Кто виноват», который я прочел, взявши от него. По поводу прочитанного велись оживленные беседы, конечно, все было в очень либеральном духе, но не в тех излишествах и редкостях, которые пришлось слышать впоследствии. Много книг исторических и много лучших литературных произведений прочитали мы благодаря Овсянникову, вообще оба брата Овсянниковы, особенно Александр, развили во мне любовь к русской истории и родной старине и по окончании курса мне хотелось поступить на историко-филологический факультет, но боязнь, что там надо заниматься нелюбимым латинским языком и будущая карьера учителя отвели от этого намерения. А[лександр] Н[иколаевич] обращался с нами в классе как со студентами, у него, вследствие его заявления, во время классов выходили без спроса и, надо сказать, что никто из учеников ни злоупотреблял этим предоставленным им правом (даже гордились этим *).

А[лександр] Н[иколаевич] оказывал большое влияние на В.А. Васильева и этот подтягивался и уроки его тоже были интересными; жили они рядом и нередко, во время наших посещений Овсянникова, туда заходил и Васильев и также беседовал с нами. Овсянников был в институте недолго, вероятно, был признан негодным и через год после окончания моего курса, а может быть и через два, покинул службу, после я его встречал в Петербурге учителем Мариинской женской гимназии ⁴³, а потом помощником инспектора студентов или инспектором в Технологическом институте ⁴⁴, но это был уже не прежний Овсянников: укатали бурку крутые горки! С отъездом Овсянникова опустился и Васильев, дошло до того, как мне передавали впоследствии, что ученики побили Васильева за какое-то подлое деяние. А затем Ва-

---

⁴¹ Фирсов Николай Алексеевич (1831–1896) – профессор русской истории, педагог, историк, этнограф, заслуженный профессор Казанского университета, яркий представитель демократического направления в русской историографии, автор ряда работ, посвященных колонизации Поволжья и Приуралья.

⁴² Герцен Александр Иванович (1812–1870) – русский публицист, писатель, философ, революционер.

⁴³ Первая Мариинская женская гимназия открылась 19 апреля 1858 г. в Петербурге.

⁴⁴ Санкт-Петербургский Практический Технологический Институт основан 28 ноября (10 декабря) 1828 г. по указу Николая I.

сильев захворал чем-то вроде прогрессивного паралича и окончательно сошел со сцены.

В институте ученики в общем были как будто поразвитее гимназистов, таких молодцов, которые в III и чутьли не в IV классе отвечали, что в Лондоне главный город Париж, не было, но за то там не было и того увлечения идеями 1860-х годов, какое было у некоторых гимназистов, моих бывших товарищей, проглатывавших Писарева⁴⁵ и слепо во всем действовавших по Писареву, все отрицавших и высказывавших всюду свое отрицание ни к селу, ни к городу, начиная с капитала и кончая религией и отношением к своим семейным.

В институте были типы кутил, каких-то особенных кутил - произведение испорченной дворянской семьи. Были, напр[имер], Макеевы, особенно Серафим Макеев, что только они не выделяли – сильный, довольно красивый, развратный с молодых лет он пьянствовал, безобразничал, развращал товарищей, с ним было несколько таких же друзей. Они ходили по публичным домам и, когда у них были довольно большие, по-тогдашнему деньги, они, напр[имер], спрашивали в публичном доме дюжину шампанского и велели выливать его на пол. Моисеев попался в подделке почтовой повестки, ему прислали 20 руб., а он переделал цифру 20 на 200 и заложил повестку у какого-то жида, дело, конечно, потом уладили, а Моисеева исключили и, замечательно, никто из товарищей не жалел об исключении негодяя.

В институте я сблизился с V класса с товарищем сыном доктора Михаила Дмитриевича⁴⁶ фан-Путереным⁴⁷. Был он очень живой, простой мальчик, веселый, добродушный. Мы с ним часто дрались и постоянно после драк мирились. Выходили из класса вместе, долго нам было по дороге и обыкновенно всю дорогу проделывали разные шалости. В VII классе нас обоих оставили на другой год и для него это послужило к тому, что родители его отдали на последний год в пансион. Очень не хотелось Мише идти в пансион, но ничего не поделаешь. Это разлучило нас и теперь я очень жалею об этой разлуке, так как в отделении я невольно расстался с Мишей и приобрел новых друзей, от которых научился разным художествам – хождений по трактирам, поку-

---

⁴⁵ Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868) – русский публицист и литературный критик, революционный демократ.

⁴⁶ Ван (фан, фон) Путерен Михаил Дмитриевич (1853–1908) – доктор медицины (1889), главный врач воспитательного дома в Санкт-Петербурге, статский советник.

⁴⁷ Фан (ван, фон) Путерен Дмитрий Иванович (приблизительно 1822–1877) – врач института, инспектор нижегородского врачебного отделения губернского, доктор медицины действительный статский советник.

риванию и еще того хуже. К счастью еще, что все обошлось благополучно. Окончание курса нас совсем разлучило. Миша стал доктором, поселился в Петербурге, несчастно женился на нашей помещице Турчаниновой, потом разорился с нею и жил с артисткой (оперною) Михайловой⁴⁸, от которой имел, кажется, дочь, потом он на Михайловой женился. Видел я его всего раза три. Он умер около 1908–1909 гг. старшим врачом Петербургского воспитательного дома. Последний раз я видел его в 1902 году, он был очень толст, но остался все таким же милым, добродушным, каким я знал его в Нижнем.

Был мне товарищем еще Узатис⁴⁹. Другой Узатис был старше меня на год, а третий моложе года на два-три. Все они вышли в военную службу. Один из них⁵⁰, и, кажется тот, который был со мною, приобрел печальную известность убийством матери⁵¹ генерала-героя

---

⁴⁸ Михайлова (урожденная Ван Путерен, по фамилии матери; сценический псевдоним Михайленко) Мария (Марья) Александровна (1864?–1943) – артистка оперы (лирико-колоратурное сопрано).

⁴⁹ За 1865 № 479, Узатис Алексей, 15 лет, из дворян, принят в 6 класс, 19 августа 1868 г. выбыл в Инженерное училище (С. 27). Под № 480 – Узатис Николай, 11 лет, из дворян, принят во 2 класс, выбыл 29 сентября 1867 г. по желанию отца (С. 27). Под № 487 – Узатис Дмитрий, 16 лет, из дворян, принят в 5 класс, выбыл 21 июля 1868 г. по окончании курса (С. 28). Вероятно, имеются разночтения в именах. Известны Узатис Константин Алексеевич (1852? – ?) – русский военный инженер, поручик полиции Румелии; Узатис Николай Алексеевич (1853? – ?) – кавалер Георгиевского креста, военный инженер, подпоручик полиции Румелии. Обвиняемый в соучастии (убийства О.Н. Скобелевой) и недоносительстве Николай (на суде выступал с орденами на груди за Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.) был приговорен к 18 месяцам каторжных работ, причем из полученного срока ему вычли время предварительного заключения. Возможно, похоронен в Стара Загора (Болгария). В наследство после отца братьям досталась половина «Товарищества Ташина завода» (это минимум 300 000 руб.), дом в Нижнем Новгороде.

⁵⁰ Узатис Алексей Алексеевич (1851–1880) – русский военный инженер, поручик, капитан полиции Румелии, награжден орденами: св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, св. Георгия 4 ст., черногорским орденом св. Даниила, золотой саблей с надписью «За храбрость», владел французским, немецким и греческим языками.

⁵¹ Скобелева Ольга Николаевна (урожденная Полтавцева) (1823–1880) – жена генерала Д.И. Скобелева и мать генерала М.Д. Скобелева. Начальница лазаретов во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 6 июля 1880 г. Ольга Николаевна отправилась с небольшой свитой осмотреть окрестности города Филипполь. При себе она имела большую сумму денег. У селения Чирпан в 5 километрах от Филиппополя на ночной дороге на ее экипаж напали разбойники с целью грабежа. Во главе этих разбойников стоял русский

Скобелева ⁵² с целью ограбления ее. Красивый, храбрый, с Георгиевским крестом, гвардеец, имевший блестящую будущность, польстился на деньги Скобелевой, говорили, что он проигрался в карты и из этого пустился на убийство. Я в институте мало знал его: он был довольно высокий, стройный, с красивыми симпатичными глазами юноша и из товарищей ничем особенным не отличался. Он был сын богатого грека, кажется инженера, воротилы сормовских заводов ⁵³, женатого на русской из какой-то дворянской семьи. После смерти отца положение их (было *) в материальном отношении пошатнулось, но они все-таки жили довольно хорошо.

В VII классе я сблизился с Кузьминым ⁵⁴. Кузьмин Василий Иванович, был сыном Кунавинской мещанки, кажется промышленявшей разными неприличными кунавинскими делами. У нее был дом, довольно порядочный. Сына она почему-то невзлюбила и прогнала его от себя, ничего не давая на содержание. Кузьмин жил где-то на чердаке, промышленя грошовыми уроками, и то не всегда, частенько голодал; я жил тогда в номерах Соловьева на Дворянской, имел довольно обильный обед, подавали в номера и частенько делил этот обед с Кузьминым. Кузьмин был старше меня года на 2–3, переболевший сифилисом. Он по хваткам был совершенно мещанин, отличался необыкновенною

поручик, ординарец Скобелева, капитан румелийской полиции А.А. Узатис. Едва коляска остановилась, Узатис выхватил шашку и зарубил Ольгу Николаевну. Так же погибли ее горничная и кучер. Но сопровождавший Скобелеву унтер-офицер Матвей Иванов смог убежать и поднял тревогу. Узатиса нагнали, окружили, и он застрелился.

⁵² Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – русский военачальник и страгег, генерал от инфантерии (1881).

⁵³ Узатис Алексей Иванович (1814–1875) – русский дворянин, управлял Сормовскими заводами, принадлежавшими тестю – миллионеру Д.Е. Бенардаки (1799–1870), пионер мартеновского производства. Не поладив с наследниками Бенардаки, отец оставил Сормовские заводы и вообще уехал из Нижнего Новгорода жить в Петербург и работать в Ташино, где возглавил свои заводы, открытые в 1862 г. совместно с сыном русского писателя, историка Н.М. Карамзина – Александром Николаевичем.

⁵⁴ В списке учащихся института записан под № 592 за 1868 г. Кузьмин Василий, 18 лет, из мещан, выбыл из 6 класса 23 июня 1869 г. Кузьмин Василий Иванович (1851–1928) – русский хирург, в 1869 г., после окончания Нижегородского дворянского института, поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию, которую окончил с отличием (1875). В 1885 г. он утвержден экстраординарным профессором кафедры госпитальной хирургии при Московском университете; с 1891 г. – директор госпитальной клиники; в 1893 году был переведен в Казань, а в 1894 г. назначен ординарным профессором Казанского университета.

усидчивостью; одно время мы с ним решили заниматься немецким языком. Достали где-то том истории Шлецера⁵⁵ на русском и немецком языках (и по этим томам *) и переводили с немецкого на русский. Говорили, что это лучший способ для изучения языка. Я недолго прозямался, надоело, бросил, а Кузьмин достиг своего. По окончании курса Кузьмин поступил в медико-хирургическую академию в Петербурге. Приехав оттуда студентом, перешедшим на 2-й курс, он начал практиковать среди разных мещанок, мелких торговцев и т.п. люда, выдавая себя за студента последнего курса, за визиты он получал по 20–50 коп. Я спрашивал его, как же ты лечишь и получил в ответ: я купил лечебник и по нему лечу и прописываю рецепты, это очень легко и показал лечебник – довольно тощенькую книжонку, что вроде перевода с иностранного языка, будто бы «Жодано» или что-нибудь подобное. Благодаря этому у него стали водиться деньжонки, но этим же он стал противен нам, его товарищам. Потом о нем рассказывали что-то скверное по поводу поступка и историю нашего товарища Бочерова⁵⁶, но что было, хорошо не знаю. Уже, когда я окончил курс в Лесном институтеи был лесничим на балу в Коммерческом клубе, я встретился с Кузьминым, одетым во фрак и в лиловых перчатках. Он производил впечатление франта с заднего двора, выучился танцевать, танцевал и жаловался мне, что нижегородские барышни не умеют танцевать, не то, что в Питере. Он тогда был уже доктором и имел практику. Более я с ним не встречался. Знаю, что он был в Москве довольно известным хирургом, профессором, и еще более известным ростовщиком, вообще прославившим себя с самой дурной стороны, за какие-то безнравственные деяния из Московского университета его выставили, и он был потом в Казанском. В Москве он нажил несколько домов, как практикой, так и своей кассою ссуд, открытой на имя какого-то близкого человека.

Когда я был в VI классе, к нам перевелся из Пермской гимназии Константин Фоминых⁵⁷, с которым потом мне тоже пришлось сблизиться и я даже одингод жил у них на квартире. Отец его имел два парохода, приносившие около 15 тысяч в год, а иногда и больше, прежде жил в Перми, но почему-то оттуда выехал и переселился на постоянное жительство в Нижний, купив дом на углу Большой Печерки и Марты-

---

⁵⁵ Шлецер Август Людвиг (1735–1809) – российский и германский историк, публицист и статистик.

⁵⁶ Среди окончивших полный курс в 1870 г. значится Бочеров Алексей Петрович (С. 117).

⁵⁷ В списке учащихся института значился под № 593 за 1868 г. Фоминых Константин, 17 лет, сын почетного гражданина, 6 класс, выбыл 23 июня 1869 года по окончании курса.

новской, теперь это место принадлежит Зайцеву, сломавшему старый дом и выстроившему новый каменный. Сам Фоминых был уже старик, вероятно, не менее 70-летним, женатый на сравнительно молодой женщине, Евгении Николаевне, очень симпатичной и хорошей женщине. Семья состояла из трех сыновей, моего товарища Константина, его брата Николая ⁵⁸, (годом *) классом моложе нас, хотя и старше на год, и третьего Вани, маленького мальчика и трех сестер. Меня взяли на квартиру, вероятно, по настоянию Кости, сами они как люди богатые, конечно, не интересовались доходами от содержания меня и брата моего Ильи, за нас отец платил по 15 р. в месяц и мы имели, можно сказать, роскошный стол и прекрасное помещение. Костя был прекрасной души мальчик, простой, открытый, но испорченный, должно быть в Пермской гимназии, тогдашним писаревским направлением. Он все время старался изобретать из себя какого-то разочарованного взрослого человека, все знающего и все испытавшего. Другой Коля, был прямая противоположность, большой лентяй и не интересовался ничем, кроме биллиарда, а потом выпивок. Костя же много читал, пробовал писать разные рассказы в издававшемся нами ученическом журнальчике, повести его и рассказы были сильным подражанием тогдашней либерально-радикальной литературе. В институте Костя ничего не пил и редко куда ходил с нами, вообще был очень серьезен или же притворялся таким. Главным нашим развлечением в то время были сценические представления. В большой комнате Фоминского дома мы разыгрывали комедии Островского ⁵⁹ и другие, но преимущественно Островского. Играли без костюмов, без грима и без сцены. Костя садился с книгою под стол и суфлировал, а мы вокруг стола играли свои роли. Так переиграли всего Островского. Кроме игры любимым занятием было по вечерам покупка кедровых орехов в ближайшей лавочке и грызня их. Во всем этом близкое участие принимал и Миша Путерен, живший наискосок от нас в своем доме (теперь Митрофана Руковишников ⁶⁰), ежедневно после обеда бывавший у нас. Весною мы гуляли постоянно по откосу (да и осенью тоже) и, проходя мимо института, посылали институткам, смотревшим в окна, воздушные поцелуи, получая такие же и от них; это очень нравилось, хотя я не знал ни одной институтки, но, тем не менее, с удовольствием прохаживался перед

---

⁵⁸ В списке учащихся института значился под № 592 за 1868 г. Фоминых Николай, 16 лет, 5 класс, выбыл 20 мая 1870 г. из 7 класса по желанию отца.

⁵⁹ Островский Александр Николаевич (1823–1886) – русский драматург.

⁶⁰ Вероятно, речь идет о Митрофане Михайловиче Руковишникове (1864–1911) – известном благотворителе.

институтом. У Фоминых я жил год и почему ушел оттуда или меня перевели, не помню. Семья Фоминых кончила очень печально. Старик умер, когда мы были студентами. Костя стал заниматься пароходным делом, но крайне не умело и плохо, дела их испортились, в конце концов, пришлось все продать. Слышал, что впоследствии Евгения Николаевна с дочерьми жила в Петербурге и испытывала страшную бедность, жила впроголодь, сама стирала белье и т.п. Говорили, что прежние знакомые или родня из Перми помогли им переселиться в Пермь, где они устроились. Костя потом в университете совершенно спился, спился и Коля, и маленький Ваня, эти последние попали потом в золотую роту в Нижнем, а Костя под конец остепенился, женился, был в Петербурге при каком-то журнале или газете корректором, получал 30–40 р. в месяц, и в половине 1870-х годов умер от чахотки.

Жил я еще месяца два или три на Дворянской улице в номерах Соловьева. Я был в VI или VII классе и брат Илья⁶¹ во II или III. Жили мы в одной комнате, было это весной. Совершенно не понимаю, как гимназическое и институтское начальство позволяло жить в таких номерах, это были номера самого последнего сорта, тут жили и почтальоны, и чиновники, и проститутки, по вечерам шли пьянство и безобразие. Мы двое за свою комнату со столом платили 24 руб. и кормили нас довольно хорошо. Брат был недолго, он к весне почему-то раньше уехал в деревню, я оставался один и кормил обедом Кузьмина, бывавшего тогда в страшной бедности. Однако соседство несколько не влияло на меня, как-то все проходило мимо и не касалось меня.

Когда я был уже в VII классе, к нам поступили в ученики Алексей Николаевич Брылкин⁶², сын богатого пароходного деятеля, отставного моряка⁶³. Он был, что называется, развращен до мозга костей, он все испытал, все пороки были ему известны, в религии, к которой мы относились более или менее безразлично, он был атеист и этим хвастался, хвастался и своими отношениями к женщинам, которые нам еще не были известны, и своими (пороками *) отношениями (довольно грязными) к родным, он знал множество сальных анекдотов, рассказов, песен, в которых фигурировали половые сношения с женщинами и разные другие извращения; знал он также вкусы во всех

---

⁶¹ Садовский Илья Яковлевич (1855 – ?) – окончил институт 19 мая 1875 г., доктор медицины (1889).

⁶² В списке учащихся института значился под № 662 за 1869 г. Брылкин Алексей, 18 лет, из дворян, взят отцом из 7 класса 28 апреля 1870 года (С. 60).

⁶³ В своем Дневнике Т.Г. Шевченко упоминает Н.А. Брылкина 29 раз (Шевченко Т. Дневник / коммент. И. Айзенштока. М., 1965).

водках, винах и т.д.; кроме того, он был очень начитан в тогдашней современной литературе, относясь к ней свысока, критически, хорошо знал и институтские предметы, высмеивал учителей и даже Овсянникова, от которого многие из нас были без ума. При всем том, в сущности, он был добрый, сердечный человек, но безалаберное домашнее воспитание и огромное самолюбие и самомнение сделали из него Бог знает что. Через несколько дней после поступления в институт Брылкин притащил нас, своих товарищей, человек 5–6 к себе посидеть вечером. Он жил на нижнем базаре в последнем доме на левой стороне (кн. Абалемек-Лазаревой ⁶⁴), в квартире служащего его отца некоего Новова, которого никогда ни тут, ни после, мы не видели. Квартира, комнат в 5 или в 6, была вся к его услугам, также хороший повар и т. п., удобства. Когда все собрались и о чем-то немного поговорили, выпили чаю, нас пригласили в столовую, в которой был сервирован холодный ужин с разными напитками и водками.

Стали их пробовать и, в конце концов, напились до безобразия, кое-как с большим трудом дошли поздней ночью до дома. Мне пришлось идти с Николаем Фоминых, который поминутно падал в жидкую грязь, вывалился в ней, как свинья и выпачкал меня, я пришел на свою квартиру весь грязный, но за то, вследствие тревожений с Фоминым, голова у меня была совершенно свежая. Это было осенью, на второй год оставления моего в VII классе. Еще весной наши бывшие товарищи VII-классники, поступившие в университет и др[угие] заведения, приехали в Нижний, большинство их уже познало вкус к водке и к женщинам, некоторые, как Конст[антин] Фоминых и Лазарев ⁶⁵, напились до положения риз ⁶⁶, мы им завидовали, подражали и тоже научились пьянствовать и бегать за женщинами, разумеется, проститутками. Но вот так все это было довольно умеренно, побаивались и родных, и институтского начальства и если позволяли что, то главным образом биллиардную игру с небольшими возлияниями. Благодаря Брылкину по угощениям и его влиянию, которому многие из нас подчинились, началось безобразное пьянство, хождение по трактирам с неизменным пьянством, даже по публичным домам, по воскресеньям

---

⁶⁴ Абалемек Елизавета Христофоровна, в девичестве Лазарева (1832–1904) – княгиня. После смерти в 1873 г. деда по матери, Христофора Екимовича Лазарева, промышленника и последнего представителя рода Лазаревых, фамилия Лазаревых Высочайшим указом была присоединена к фамилии князей Абалемек.

⁶⁵ За 1865 г. под № 496 записан Лазарев Всеволод, 16 лет, сын чиновника, в 5 класс, 23 июня 1869 года выбыл по окончании курса (С. 28).

⁶⁶ До положения риз (иносказание) – в сильной степени, окончательно, очень сильно.

проститутки из лучшего публичного дома «Киевского» приезжали к Брылкину на квартиру, проводили здесь время часов до 3 дня и тут, конечно, было и пьянство, и прочее. Так прошло время до (Пасхи *) масленицы. Уезжая с отцом на (Пасху *) масленицу в деревню, дорогою отец в необыкновенно деликатной форме передал мне, что он все знает о наших похождениях и времяпрепровождениях у Брылкина. Оказывается, кто-то обо всем сообщил Брылкину отцу, последний приезжал, все разузнал и будто бы хотел обо всем сообщить институтскому начальству, так как винил во всем товарищей своего сына, якобы испортившие его Алешу, т.е. как раз наоборот. Выслушавши все это, причем отец многое, вероятно, нарочно преувеличил, чтобы более повлиять на меня, я дал слово более в этих компаниях не быть и действительно сдержал его, написал из деревни всем своим товарищам о том, что я слышал от отца, которому рассказал исправник Воронин, слышавший все от отца Брылкина и будто бы отговоривший его от жалобы начальству. Мои письма тоже подействовали на некоторых товарищей и наши безобразия прекратились. Брылкин остался почти одинок. Окончил курс я в 1870 году довольно благополучно. По окончании курса, наша, тогда от Брылкина и др. товарищей, маленькая остепенившаяся компания немного кутнула: каждый купил себе по бутылке вина, помню, я купил бутылку кагора, Кузмин бутылку лиссабонского и т. д. другие, все выпили свои бутылки, угощая друг друга, и основательно захмелели, этим и окончилось наше торжество окончания курса.

Перед окончанием курса институтское начальство требовало от нас сообщения о том, в какое высшее учебное заведение и на какой факультет кто намерен поступить. Так как я был два года в VII классе, то два раза давал эту подписку. Первый раз мы все были поставлены в тупик, кроме разве нескольких, большинство как-то не задавалось этим вопросом. И почти все по окончании курса поступили не в те заведения, а на другие факультеты (о которых *). Так я показал, что желаю поступить на юридический факультет Казанского университета (тогда Нижний был причислен к Казанскому университету), на II-й же год, когда мы переведены были в Московский округ, в Московский.

Уже окончивши курс, я достал где-то программы всех высших учебных заведений и, перечитавши их, восхитился, именно восхитился программами Петербургского Лесного института и Петровской Академии ⁶⁷. Оба заведения необыкновенно понравились читаемыми там предметами. Стал выбирать и выбрал Петровскую Академию и, главным образом, потому, что при приеме в нее не надо было держать

---

⁶⁷ Петровская земледельческая и лесная академия (основана в 1865 г.).

вступительного экзамена, а потом Москва поближе к Нижнему, да и название Академия более нравилось, чем институт, к слову, институт мы, нижегородские институтцы, привыкли и оно было для нас обычным.

*Российский государственный архив литературы и искусства.
Ф. 464. Оп. 4. Д. 31 Л. 100–111.*

ГОРОД НИЖНИЙ – СОСЕД МОСКВЕ БЛИЖНИЙ»: ПРЕБЫВАНИЕ АРХИЕПИСКОПА ИРИНАРХА (ПАРФЕНОВА) В ГОРЬКОМ В 1951 ГОДУ

В.В. Боченков

Имя старообрядческого архиепископа Иринарха (Ивана Парфенова) непосредственно связано с нижегородским краем. Он родился в 1881 г. в слободе Печоры. Отец был кузнецом, мать – батрачка. Из-за бедности окончил только три класса земской школы и с двенадцати лет был вынужден зарабатывать, поступив «мальчиком» в контору фирмы «У.С. Курбатов». Одновременно прислуживал в старообрядческом молитвенном доме при этой фирме. 3 июня 1913 г., на праздник Троицы, по избранию прихожан с. Большое Мурашкино епископом Иннокентием (Усовым) был рукоположен во диакона, а на следующий день – во священника. Исполнял обязанности благочинного. В 1925 г. овдовел. В ноябре того же года принял иноческий постриг с наречением имени Иринарх, который совершил епископ Гурий (Спирин) Нижегородский и Костромской, а затем, в декабре того же года, архиепископом Мелетием (Картушиным) был возведен в сан епископа на Самарско-Ульяновскую и Уфимскую кафедру. 20 декабря 1932 г. был арестован и решением Коллегии ОГПУ от 4 июня 1933 г. осужден по ст. 58 (пп. 10 и 11) УК РСФСР на пять лет заключения. Обвинялся в том, что якобы возглавлял Межкраевой центр антисоветской организации «на повстанческо-монархической платформе», проводил контрреволюционную и антиколхозную агитацию, поддерживал связи с зарубежными старообрядцами, а в России – с епископом Геронтием (Лакомкиным). Заключение отбывал в Красновишерском лагере, в Горной Шории, затем в Мариинском лагере. В 1936 г. был досрочно освобожден и в начале декабря того же года прибыл на жительство в Кострому, где поселился у сына и дочери. Никакой епархией во 2-й половине 1930-х гг. не управлял. В 1941 г. в период между Пасхой и Троицей еписко-

пом Саввой (Ананьевым) Калужским и Смоленским был возведен в сан архиепископа Московского и всея Руси.

В послевоенные годы, когда началось активное восстановление приходской жизни на ранее оккупированных (и не только) территориях СССР, архиепископ Иринарх неоднократно посещал Горький. В архиве Митрополии Московской и всея Руси Русской Православной Старообрядческой Церкви (РПСЦ) сохранились тексты его проповедей, произнесенных в Успенском старообрядческом храме г. Горького 13 и 14 октября 1946 г.: в Неделю 18 по Пятидесятнице и на праздник Покрова (Архив Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 609, 610), а, следовательно, в указанные даты он посещал горьковский старообрядческий приход. Но особый интерес представляет его отчет (доклад) о поездке в Горький в конце августа и в самом начале сентября 1951 г. (за полгода до смерти). Это своеобразный дорожный очерк, где содержатся интересные детали о жизни общины и самом городе. Текст представляет собой машинопись (второй оттиск), на четырех страницах писчей бумаги стандартного формата, отпечатан с двух сторон. Машинопись заверена личной подписью архиепископа Иринарха в конце. Вверху первой страницы по центру имеется его же пометка: «Епископу Флавиану», которая указывает, для кого был предназначен данный экземпляр. Епископ Флавиан (Слесарев) был помощником архиепископа Иринарха, а после его смерти избран архиепископом Московским. Другой экземпляр доклада хранится в одном из частных собраний, к нему приложены машинописные тексты двух проповедей, отсутствующих в архиве Митрополии, сказанных архиепископом Иринархом тогда же в Успенском храме (см. документы № 2 и 3).

Этот доклад, а также две проповеди, мы и публикуем ныне.

Аббревиатура «Г.И.Х.С.Б., п.н.» расшифровывается: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас», с нее у старообрядцев принято начинать все письма. Упоминаемый в тексте стихарный (чтец) Авенир – это внук архиепископа Иринарха Авенир Павлович Грусков (род. 1929). 2 августа 1943 г. (по новому стилю) он был поставлен в стихарные, а в сентябре 1951 г. упомянутым выше епископом Флавианом – в сан диакона, о чем коротко сказано и в докладе. Некоторое время служил в г. Иваново. В докладе встречаются также имена других лиц – горьковского священника Петра Селина, ответственного секретаря архиепископии К.А. Абрикосова, членов совета Успенской старообрядческой общины г. Горький и другие.

Документ № 1
1951, сентябрь, 1. – Доклад архиепископа Иринарха
архиепископскому совету о посещении Успенского храма
г. Горького

Г.И.Х.С.Б., п.н.

Архиепископскому совету, находившемуся в Москве при Рогожском кладбище, Рогожский пос. 29,
старообрядческого архиепископа Иринарха
Московского и всея Руси

ДОКЛАД.

Согласно командировочного удостоверения, выданного мне 25 августа 1951 г. за № 881, я в сопровождении чтеца Грускова А.П. выехал на своей машине из канцелярии архиепископии на Курский вокзал. Провожал нас о. диакон Георгий Александрович Устинов.

На вокзале нас ожидал уже уважаемый Кирилл Александрович Абрикосов, который со всей своей заботливостью и любезностью проводил нас до указанного вагона. Вагон оказался новой конструкции, блистающий чистотой и всеми удобствами.

Заняв свои нижние места и попрощавшись с дорогими провожатыми, преподав им Божие благословение и поблагодарив их за добрые пожелания счастливого нам пути, мы стали ожидать отхода поезда. За несколько минут до отхода поезда к нам в купе вошел военный, майор, с дочкой, которые и заняли верхние полки в нашем купе. Услужливый проводник предложил нам постели, которыми мы и не замедлили воспользоваться. В 23 часа 55 мин. мы тихо, плавно тронулись в путь, до гор. Горького.

Старинная русская пословица гласила: «Город Нижний – сосед Москве ближний, дома каменные, люди железные».

Промелькнула наша знаменитая колокольня ¹, и мы улеглись спать. Проснулись мы в 8 час. утра. А вот и вокзал на Заокской стороне. Время было 11 час. 45 мин. Смотрю: кто-то будет нас встречать? Входит носильщик, который предлагает свои услуги. Я ему говорю, что нас встретят. Но навязчивый носильщик не отходит. Минуты через три смотрит в окно представительный бородатый мужчина. Я вытянул руку, он тоже сделал знак и, вбежав в купе, захлопнув за собой дверь, берет благословение. Это был церковный староста Кир Александрович Отроков.

Когда сошли на перрон, мы увидели еще встречающих: председателя общины Шилова Николая Егоровича, члена церк[ного] совета Беляева Ивана Петровича и прихожанина Шпилевского Луку Ипполитовича. Все четверо вне очереди и в беспорядке предлагали свои услуги, каждый из них спешил во встрече занять первенство.

Подвели к месту, где стояла взятая для нас машина, но ее не оказалось. Пришлось взять другую. На пути в машине председатель обращается ко мне с таким объяснением, что «вот, владыко святые, мы вас подвезем к воротам храма, и вы должны последовать в храм, где все присутствующие в храме за св. литургией христиане ожидают вас». Здесь вмешался староста, который пояснил, что нет, все молящиеся, которых по случаю выходного дня очень много, по объявлении, что из Москвы едет архиепископ, вышли из храма и ждут его приезда на церковном дворе вместе с церковным хором, и масса людей даже и на улице.

Выслушав их сообщения и поблагодарив их за внимание, я сделал им распоряжение, чтобы меня подвезли прямо к квартире о. Петра, дабы избежать демонстрации, что было и исполнено.

Выгрузившись из машины, вошли в квартиру о. Петра, где началась настоящая ярмарочная сутолока, которая продолжалась недолго, пока мы умывались, а потом люди, которых нашло около полусотни, стали подходить под благословение. Тут явился и Лукин Александр Михайлович, который очень и очень сожалел, что не будет присутствовать на храмовом торжестве по той причине, что срок отпуска истек и билеты уже на руках.

После обычных приветствий, угощений и чаепитий мне было предложено отдохнуть, от чего я, конечно, не отказался. А чтец Авенир попросил меня разрешить ему посмотреть город в сопровождении Селина Лаврентия Петровича (сын о. Петра Селина). В 10 час. вечера явился Авенир, который с великим удовольствием и огромным восхищением красотой города и простором великой русской реки красавицы Волги начал свой рассказ. «Мы прошли всю главную улицу, под названием ул. Свердлова, – рассказал он, – по которой расположены самые главные магазины и Государственный банк, сооруженный по плану архитектуры XVII века. Далее театр, числившийся по г. Горькому самым большим и главным. Прошли мимо старинной крепости, которая в настоящее время реставрируется и подошли к откосу, от которого тянется верхняя набережная по течению Волги на протяжении трех километров, с которой чудесный вид на Волгу, для простого глаза километров на 10. У крепостной башни на самом откосе поставлен памятник знаменитому отважному летчику, впервые проложившему

трассу через Сев[ерный] полюс, Валер[ию] Чкалову. От этого памятника построена лестница вниз к Волге на нижнюю набережную, имеет 997 ступеней. Спустившись по этой лестнице, сели на водный трамвай, построенный по последнему слову техники и очень комфортабельно оформленный, с мягкими бархатными диванами и зеркалами. Прокатившись вниз по Волге до Моховых гор, вернулись обратно, где и сошли у Окского моста». По выслушании рассказа Авенира радушными хозяевами был собран ужин. В 12 часов легли спать.

Утром в понедельник, восставши от сна, сразу же направились с о. Петром к уполномоченному по делам рел[игиозных] культов. Я оделся в иноческое одеяние.

Мы подъехали к зданию, которое находится в крепости, недалеко от бывшего губернаторского дворца, в котором находится Облисполком и многие другие учреждения. Там работает и трудится уполномоченный по делам рел[игиозных] культов МИХАЛЕНКО Леонид Яковлевич.

Прием нас уполномоченным Михаленко был даже сверх ожидания ласков и приветлив. По обычном приветствии я предъявил документы и заявил, что я теперь намерен по случаю храмового праздника здесь, в г. Горьком, 28 и 29 августа послужить, совершив архиерейское служение с присущей сему торжественностью. От уполномоченного был ответ: «Не возражаю, пожалуйста, пожалуйста». Далее т. Михаленко любезно предлагает нам присесть. Спросил, сколько времени я предполагаю здесь пробыть? Я ответил, что только до четверга, т.е. до 30 августа. Далее я заметил, что в дальнейшем я предполагаю прокатиться вниз по Волге до пристани «Батраки», но не по служебным обстоятельствам, а по своим, личным, прогуляться, посмотреть природу и красоту родной мне реки Волги и для укрепления своего слабого здоровья подышать свежим волжским воздухом. При этом я обратился с просьбой к Леониду Яковлевичу оказать возможное содействие в получении двух билетов в двухместной мягкой каюте. Выслушав меня и взяв от меня нашу просьбу, Л.Я. Михаленко удалился, оставив нас с о. Петром. Минут через 10–15 он возвращается, подает мне литер и говорит: «Вот по указанному адресу 29-го посылайте вашего провожающего или кого-либо другого, и вам на 30-е отпустят билеты».

Получив литер, горячо поблагодарив Леонида Яковлевича за такое исключительное внимание, мы еще минут 40 мирно беседовали с ним по разным вопросам, после чего попрощались. Об этом теплом приеме и о самом Л.Я. Михаленко у меня остались самые хорошие светлые воспоминания.

Когда мы спустились по лестнице вниз, то нам пришлось метров 150 пройти к месту стоянки нашей машины за крепостную стену, т. к. у самого здания стоять ей не разрешалось. И в то время, как мы проходили площадь, ровную, гладкую, заасфальтированную, невольно мне в голову пришло старое воспоминание. Когда-то в далеком прошлом эта площадь была вымощена крупнейшим булыжником, и переходившие ее, особенно дамы на высоких каблуках, рисковали сломать себе ноги. Вдоль стены стояли [казенные склады, которые охранялись солдатами]². Вдоль стены росла аршинная крапива.

Не та картина в настоящее время. Вся площадь заасфальтирована, разбит сквер, на котором масса всевозможных цветов, выращены большие деревья. Невольно сравниваешь и видишь, как далеко настоящее от прошлого, когда те, кому принадлежало богатство и власть, заботились лишь только лично о себе, о своих собственных удобствах.

Когда возвратились обратно в квартиру настоятеля протоиерея о. Петра, м[атушка] Надежда приготовила обед, после которого [я] отдохнул и приступил к чтению правильных канонов.

Затем, немного покусав и выпив чаю, отправился в храм. Малая вечерня началась в 4 часа 30 мин. вечера. Я облачился в соборную мантию, в которой и служил до полиелеоса. Во время чтения кафизм был облачен в полное соборное архиерейское облачение.

После того как пропели величание, стали прикладываться к праздничной иконе, во время чего [я] помазывал прикладывающихся освященным маслом. Это продолжалось до 6-й песни, на которой прикладывание верующих прекратилось. По 6-й песни, согласно Устава, началось погребение, сиречь 17-я кафизма на три стати с припевами величаний и с тремя разами каждений. По окончании кафизмы и величаний с 7-й песни прикладывание возобновилось и продолжалось до начала. А очень многие не успели и прикладывались после начала. Всенощное бдение закончилось за полночь, а именно 17 минут первого часа.

Богослужение совершали: архиепископ Иринарх Московский и всея Руси, протоиерей Петр Александрович Селин и иерей Иоанн Александрович Селин – брат о. Петра, имеющий от роду 80 лет (не зарегистрированный), протодиакон Михаил Павлович Голубев, три местных стихарных и четвертый Авенир, провожающий меня и руководящий в облачении.

Хор смешанный обоего пола и разных возрастов пел на хорах на 2 клироса. Пели хорошо, по морозовским крюковым книгам³. Стихарные вели себя очень прилично, каждый на своем месте, и каждый знает свои обязанности, у всех приличные голоса, читают и поют хорошо. Во

св. алтаре нет у них ни смеха, ни разговоров, за что им честь и слава, а нашим стихарным следовало бы снять с них пример.

Молящихся было очень много, храм был переполнен, сколько всего он вмещает – не вемы. Многие стояли и на церковном дворе у северных и западных дверей, многие уходили преждевременно, сиречь до отпуста. Приблизительно можно сказать, тысячи полторы.

После окончания настоятель о. Петр объявил: «Братие-христиане, кто готовится ко св. причащению, должны придти за причастные часы, начало которых в 5 часов утра. В 7 час. 30 мин. встреча святителя – его высокопреосвященства архиепископа Иринарха, которому будет совершено архиерейское облачение».

В самый праздник Успения Пресвятой Богородицы в половине восьмого утра в мою квартиру вошли протоиерей Михаил с кадиллом, стихарный, который нес епитрахиль и поручи, и два стихарных с зажженными свечами на подсвечниках. Четвертый стихарный Авенир оставался при кафедре и при облачении, как руководящий при облачении. Повели меня по солнцу из крыльца квартиры вдоль стены храма в западные двери с пением стихеры. Когда я поднялся к церковным дверям, провозгласил: «Хвалите отроцы Господа, хвалите имя Господне». Хор ответил пением: «Буди имя Господне благословенно отныне и до века, от восток солнца и до запад, хвально имя Господне...»

Когда вошел в храм, протоиерей о. Петр держал на блюде серебряный крест и дрожащим голосом сказал краткую, но трогательную речь, в которой выразительными и красочными словами приветствовал своего верховного святителя, посетившего приход после пятилетнего ожидания, и просил разделить ко всемогущему Господу Богу и Его Пречистой матери Пресвятой Богородице молитву о нас, грешных рабах Своих, и за весь мир, и о мире всего мира.

Прослушав, поблагодарил, благословил и последовал к царским вратам. В это время хор пел «Достойно есть...» Положив начал, прочитал входную. Затем взшел во св. алтарь, где совершил проскомидию.

Когда я вышел из алтаря, хор запел «На Сион гору възиде...» Заняв место на кафедре, благословил, и началось обычное архиерейское облачение. По облачении начались часы, за часами высокаторжественная архиерейская литургия, которая прослужена была в самом торжественном и глубоко молитвенном душевном настроении. У многих христиан на глазах были слезы умиления.

«Со страхом Божиим и верою приступите...» В этот момент сотни две с половиной молящихся приступили ко св. причащению. Из них человек 60 было младенцев, отроков и юных девиц. Причащали я и о. Петр.

По прочтении заамвонной молитвы и прочтении псалма «Благословлю Господа на всяко время» я с крестом в руках сделал отпуст. Настоятель заметил, что нужно без креста, на что я ответил, что это по-московски. Далее начался молебен, на котором было совершено водосвятие. По окончании молебна протодиаконом Михаилом было провозглашено два многолетия: одно архиепископу Иринарху, другое благодетелям [св. храма и пекущимся о нем, поющим]⁴, предстоящим и всем православным христианам. Началось ограждение крестом. Ограждал о. Петр. Протодиакон кропил св. водой прикладывающихся. Во время ограждения я прочитал проповедь на тему праздника, которая на многих произвела сильное впечатление, но большая часть не слышала по причине большой массы молящихся, которые ввиду тесноты, жары и духоты желали поскорее приложиться, а поэтому у креста получилась толкучка, шум, дети в это время проявляли свои вокальные способности, подняв крик. Все это некоторыми приписывалось слишком большому энтузиазму молящихся.

После начала я поблагодарил церковный совет во главе с настоятелем за их заботу о храме Божиим, ибо, действительно, когда войдешь в храм, увидев купол и стены, расписанные священными изображениями Ветхого и Нового завета, и все окружающее благолепие, невольно воскликнешь: «Воистину красота церковная!»

Так же поблагодарил певцов и певиц за их труд и искусство их пения, прося и впредь трудиться на ниве Божией, чтобы своим прекрасным пением и в черствых, холодных и темных сердцах возжигать свет.

Отец протоиерей Петр высказал мне благодарность. На этом Божественная служба закончилась.

Время было без немногих минут три часа. Таким образом, мне пришлось простоять на ногах 10 часов, из которых 7 часов в тяжелом облачении. А поэтому на нательной моей рубашке не осталось ни одной сухой нитки, также и мой кафтан был с обеих сторон мокрый. Пришлось сходить на квартиру переодеться.

В комнате при храме была поставлена скромная трапеза, за которой присутствовало приблизительно человек 30. Распределял и усаживал председатель. Пред вкушением всеми была пропета молитва Господня.

Первую здравицу провозгласил настоятель храма протоиерей о. Петр Селин за архиепископа Иринарха и за весь Совет архиепископии, в выражении великой благодарности и пожелании здравия и спасения.

Вторую здравицу за церковный совет Успенской старообрядческой общины г. Горького.

Третью здравицу – за совершающих торжество дня сего, поющих, предстоящих, молящихся и всех православных христиан, и за мир во всем мире.

По окончании трапезы всеми присутствующими был пропет за-достойник – ирмос 9-й песни канона «Побеждаются естества уста-вы...» Поблагодарили милующих и питающих нас, также возблагодарили Господа Бога за Его к нам, грешным, милосердие и благодать. И с миром разошася. На пути ко мне приступили жены с заявлениями: «Когда, владыко, будете принимать с запросами?» Ответил им, что завтра, а сейчас не могу, переутомился. Когда пришел в квартиру, часы показывали сорок минут шестого. Отцу Петру объявил, что всеобщую службу уж не могу, Бог благословит, начинайте. А сам прилег отды-хаться, но от сильного переутомления не мог заснуть. Всенощная закон-чилась в 12 часов. Предложен был ужин.

Утром, в среду, я пошел в храм, где опять была приготовлена кафедра. Облечившись в алтаре, вышел на кафедру, и с третьего же часа стал чувствовать плохое состояние здоровья: с сердцем стали пе-ребои, голова кружится, ноги отказываются держать. Хорошо, что си-дение было рядом, а то мог бы упасть. Началась литургия. Прочитали Апостол и Евангелие, после чего мне пришлось разоблачиться и уйти в квартиру, где принял лекарство, приложил холодный компресс и креп-ко уснул. Когда проснулся, в храме пели «Иже крестом ограждаеми». Тогда я пошел в храм. Когда все приложились к кресту, тогда я сделал пояснение, почему без времени оставил храм, и затем прочитал пропо-ведь на тему праздника Нерукотворного Образа ⁵.

После литургии я объявил о. Петру, что ввиду осложнения с мо-им здоровьем я боюсь рисковать уезжать в далекий путь и решил воз-вращаться в Москву. Поэтому решили брать билеты до Москвы.

В этот день я решил съездить в Печоры и показать Авениру свою родину. В 5 часов возвратились обратно.

В 6 часов вечера в комнате при храме собрался церковный совет, который заявил, что для пользы Церкви Христовой нам нужен епископ, и чтобы резиденция его была в г. Горьком. Я одобрил их мнение и предложил собрать собрание с ведома уполномоченного и написать в Совет архиепископии заявление, заверив своими подписями, и пере-слать в Москву.

Приходит протоиерей о. Петр и говорит, что он хочет объявить ряд вопросов, которые должны быть известны архиепископу, а как ар-хиепископ решит, так и будет.

Вопросы эти следующие:

1. Вопрос о крещающихся в одной воде.

2. Вопрос о епископе.
3. О квартире епископа.
4. О разностях в богослужении.

И беседа затянулась до 12 часов ночи. Я стал опять сильно переутомляться и благословил закончить до завтра.

В четверг в 2 часа принесли мне билеты в международный вагон. Я послал в Москву телеграмму, что 30-го выезжаем. А в 5 часов в шестом получаю телеграмму из Москвы – извещение о Авенире, что вопрос о его рукоположении в сан согласован⁶. В 11 час. нас повезли на вокзал. Провожали нас протодиакон Михаил, член совета церкви Макаров Константин Афанасьевич с супругой, стихарный, Селин Лаврентий Петрович, его товарищ Анатолий, молодой человек, и Александра – грузинка, которая преподнесла мне букет цветов.

Около 12 часов дня благополучно прибыли в Москву, где на Курском вокзале нас встретил Кирилл Александрович Абрикосов, чем и закончилась наша маленькая поездка.

Смиренный Иринарх, старообрядческий архиепископ Московский и всея Руси.

Москва, 1 сентября 1951 года.

*Архив Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ.
Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 1–4.*

Примечания

1. Имеется в виду переданная старообрядцам храм-колокольня Рогожского кладбища (Москва).

2. В машинописной копии фрагмент текста в квадратных скобках не отпечтался. Он восстановлен по другой копии отчета (Архив Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 82).

3. В 1884–1885 гг. на средства старообрядческого деятеля А.И. Морозова Обществом любителей древней письменности был в шести частях издан «Круг церковного древнего знаменного пения», который получил название «морозовские книги».

4. В машинописной копии фрагмент текста в квадратных скобках не отпечтался. См. прим. 2.

5. См. документ № 3.

6. Внук архиепископа Иринарха Авенир Грусков рукоположен был в сан диакона 11 сентября (нового стиля) на праздник Усекновения честных главы Иоанна Предотечи.

Документ № 2

1951, август, 28. – Слово, сказанное архиепископом Иринархом Московским и всея Руси, в г. Горьком на день Успения Пресвятой Богородицы

*Величаем тя, пренепорочная Матерь Христа Бога нашего
и всеславное славим Успение Твое*

Так ныне св. Церковь величает пренепорочную Матерь Христа Бога нашего и честь и память всеславного Ея Успения.

Праздник Успения Богоматери – есть всенародный христианский праздник, где только существуют св. храмы и есть христиане.

ДОРОГИЕ!

Нужно ли говорить о святости, величии и прославлении Той Пречистой, Которую Сам Бог освятил, возвеличил и прославил? Разве не о ней порфиросносный Давид предвозвестил, говоря: «Сделаю имя Твое памятным в род и род; посему народы будут славить Тебя во веки и веки» (Пс. 44, 18).

П р и м е ч а н и е. Если о имени Христа говорится, что «Бог превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени; да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных, земных и преисподних; и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Богу Отцу» (Фил. 2, 9–11); вторым именем по Христе есть имя Пречистой Девы Мари. Как имя ИСУС (Мф. 1, 21) принесено ангелом с неба, так же и имя МАРИЯ (Лук. 1, 27) принесено ангелом с неба.

Почему же имя Девы Марии прославляется Церковью?

а) Потому, что Сама Пречистая, прославляя Господа Славы за то, что Он «призре на смирение рабы Своея», пророчественно сказала о Себе: «Себо отныне блажат Мя все роды» (Луки, 1, 48);

б) Разве не Она, Пречистая, является Тою «горою, от которой камень оторвался без рук» (Дан. 2, 34)? «Камень же бе Христос» (1 Кор. 10, 4), который соделался краеугольным «камнем во главу угла» (Пс. 117, 22; Мф. 21, 42), как и воспевает иногда св. Церковь: «Камень нерукосечныя горы от несекомыя Тя Девицы краеугольный отсецеса Христос...» (ирмос);

в) Разве не Она, Пречистая, послужила теми вратами, о которых пророчествовал Иезекииль, говоря: «Врата сии затворены будут и не отверзутся, и никто же пройдет ими, токмо Господь Бог пройдет ими, и будут затворены...» (Иез. 44, 2);

д) разве не Она, Пречистая, послужила тем кивотом, о котором предвозвестил пророк Давид: «Воскресни, Господи, в покой Твой, Ты и кивот святыхи Твоя».

Под кивотом разумеется Пресвятая Дева Мария, по образу того ковчега, в котором хранились скрижали закона (Исх. 25, 10; 32, 16; Евр. 9, 4);

е) Она, Пречистая, есть то «блаженное чрево», которое носило Христа (Лук. 11, 27) и «родила еси Христа Спаса, избавителя душам нашим» (молитва);

ж) Она, Пречистая, «честнейшая херувим и славнейшая серафим» (молитва).

Почему честнейшая и славнейшая? Потому, что ангелы суть слуги ( ), а Дева Мария есть «Матерь Господа» ( )¹.

И как Матерь Господа она рыдала и горце терзалась, видя Сына Своего распятого на кресте; печаль, как оружие, поражало ее сердце; Иисус Христос, сжалившись, поручил Ее на попечение возлюбленному ученику Своему Иоанну Богослову, сказав: «Жено, се сын Твой...» и «Се Мати твоя...» И «от того часа поят ю ученик во свояси ( ).

И пречистая Матерь пребывала во Иеросалиме до дня своего Успения.

Примечание. Успение – как бы погружение в сон, т. е. мирная кончина, подобная сну (Сир. 46, 22; 48, 14).

Св. предание времен апостольских свидетельствует нам о том, что когда наступило время отшествия от юдоли земной Пресвятой Богородицы, сам Господь Вседержитель послал к Ней небесного вестника архангела Гавриила, того Гавриила, который некогда благовестил ей бессеменное зачатие Сына Божия чрез наитие Св. Духа; но тогда Пречистая Дева, покорная воле Божией, сказала: «Се раба Господня, буди мне по глаголу твоему» (Лук. 1, 38). А теперь архангел Гавриил возвещает ей:

а) переход от земли на небо к вечным обителям и к нескончаемой жизни;

б) возвещает, что светлая обитель в дому Отца Небесного для Нее готова;

в) возвещает, что она созрела для Неба;

г) возвещает, что час блаженного соединения Ее с Сыном и Богом уже настал... И на это благовестие Пречистая Богородица сказала: «Готово сердце Мое, Боже, готово сердце Мое» (Пс. 56, 8).

Св. апостолы, исполняя заповедь Христа (Мф. 28, 19), были «по миру рассеянные» с проповедью Евангелия и Царствия Божия всей твари» (Мр. 1, 14; 16, 15). Но вот ко времени дивной кончины Богома-

тери почти все апостолы (кроме Фомы) особенным действием силы Вседержителя собираются в Иеросалим, и как бы «небожественно в Сион собственный» явились в дом Пречистой, дабы воздать Ей честь погребения. Все священные апостолы «от конец совокупльшеся» боголепно послужили святой Богоматери в досточудном Ее Успении и честнем преставлении от земли на небо, удостоившись в Гефсиманстей веси погребсти тело Ея... Один апостол Фома не удостоился лицезреть Пречистую Матерь при ее Успении и принять участие при погребении. Такова уж доля Фомы; но все это к вящей славе Божией. Например, Фома не удостоился лицезреть воскресшего Господа в первый день явления Его ученикам в Галилее, и лишь на 8-й день на опыте уверил себя о Его воскресении; так и теперь Фома прибыл на 3-й день после погребения и горько плакал о своей участи... Все апостолы, утешая Фому, решили пойти к месту погребения, открыть гроб, чтобы и Фома лицезрел и облобызал пречистое тело Ее. Но, к удивлению всех, открыв гроб, тела не оказалось, одни пелены, и [все] недоумевали, скорбя, куда девалось тело Богоматери.

Сама Пречистая, представ на горе Елеонской, которая была близ Гефсимании, воскликнула ко апостолам: «Радуйтесь, я всегда с вами!» И стала невидима, как невидим стал Господь при вознесении.

О чем свидетельствует такое явление?

Оно свидетельствует о том, что сын Божий, восприняв плоть от Приснодевы, явился к ее одру, чтобы, с одной стороны, принять в свои объятия Ее непорочную душу, а с другой, и самое тело Ее изъять от общего закона порчи и тления; ибо прор[ок] Давыд предвозвестил: «Предста Царица одесную Тебе, рясны златыми одеяна и преукрашена» (Ис. 44, 10).

Такова слава, таково величие и блаженство Пренепорочной Богоматери в досточудном Ее Успении!

Какие же уроки и примеры, достойные подражания, мы должны извлечь из празднуемого вами праздника?

а) Пречистая Богоматерь оставила нам пример материнской любви к сыну Своему и Богу и ко всему роду христианскому;

б) Она оставила нам пример любви и внимания к нуждам других;

в) Она оставила нам пример глубокого внимания к путям Божественного Промысла и покорности воле Божией;

г) Она оставила нам пример кротости, смирения и терпения;

д) Она оставила нам пример молитвы и пребывания в храме;

е) Она оставила нам пример труда; к труду мы призваны Самим Богом: «В поте лица твоего снеси хлеб твой» (Быт. 3, 19), ибо «трудя-

щийся трудится для себя» (Прит. 16, 26) и «трудоивыйся да яст» (2 Фес. 3, 10). А поэтому, кто к чему призван, тот и должен исполнять свои обязанности «не на страх, а за совесть» (Рим. 13, 1–5).

Итак, дорогие христиане, сколь назидательна для нас, христиан, смерть или Успение Пресвятой, Пречистой и Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и как много содержит она духовных уроков!

А поэтому каждый из нас, христиан, да возлюбит Бога, как возлюбила Его Пречистая Дева Богоматерь; каждый из нас да научится у Нее божественной любви, спасающей человека!

Каждый из нас да научится последовать Ее примеру – стремиться к Богу, к Небу, и тогда каждый из нас, подобно Деве-Богородице, станет смотреть на смерть как на лестницу к небеси, «к вечным обителям и к нескончаемой жизни». Каждый из нас должен вместе с апостолами возыметь то желание, чтобы «разрешиться и со Христом быти» (Фил. 1, 23).

И да будет честь и слава Христу Богу нашему вкупе с Пречистой Его Материю, всегда и ныне и присно, и во веки веком, АМИНЬ.

Примечания

1. Здесь и далее пробелы в скобках оставлены в машинописном тексте.

Документ № 3

1951, август, 29. – Слово, сказанное архиепископом Иринархом Московским и всея Руси в гор. Горьком на праздник Нерукотворного Образа Господа 16 августа с[тарого] с[тиля]

*«Пречистому ти образу поклоняемся Благи, просяще прощения
прегрешением нашим, Христе Боже, волею боблагоизволилесивзвыти
на крест, да избавиши нас от работы вражияяжесозда; тем благода-
ряще вопием Ти: радости вся исполнивши Спасе наш пришедши спасти
мир»
(Тропарь)*

Так ныне св. Церковь воспрославляет Господа Славы и поклоняется пречистому Его образу.

Какое же основание имеет св. Церковь для почитания и поклонения?

Основанием служат свящ. Писание, свящ. предание и исторические свидетельства. Священное Предание имеет равную силу со Свящ. Писанием, а потому оно есть тоже Слово Божие, как и Писание.

а) Св. ап. Павел говорит: «Хвалю вас, братие, что вы все мое помните, и держите ПРЕДАНИЯ так, как предал вам» (1 Кор. 11, 2).

б) «Братие, стойте и держите ПРЕДАНИЯ, которым вы научены или словом, или посланием нашим! (1 Фес. 2, 15).

в) «О Тимофей! Храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания» (1 Тим. 6, 20).

г) «И что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить» (2 Тим. 2, 2).

Спрашивается: что же говорит нам предание о Нерукотворном Образе?

Вот что.

На востоке от Иерусалима, между рек Тигр и Евфрат, стоит город Орфа. Во время земной жизни Господа нашего Иисуса Христа этот город назывался Едессою. Правитель этого города князь Авгарь был поражен неизлечимой болезнью – проказой. Авгарь слышал, что Христос одним словом «исцеляет всяк недуг и всякую язву в людях» (Мф. 4, 23 и др.). Тогда он пишет письмо и посылает в Иудею своего слугу Анания с просьбой ко Христу придти к нему и исцелить его от проказы. Анания был художник, и он получает наказ от Авгаря: если Христос откажет и не пойдет к нему, то постарался бы сделать верное изображение Господа, чтобы он хотя бы посмотрел на этого Врача душ и телес...

Предание свидетельствует, что Иисус Христос также ответил ему письмом, в котором было написано: «После Моего вознесения один из апостолов, по имени Фаддей, придет к тебе и исцелит не только тело, но и душу твою...»

Анания приступил к художеству, чтобы исполнить наказ Авгаря, но сколько он ни прилагал усилий к тому, но изобразить лицо Господа ему не удалось, т.к. Божественный образ оставался превыше всякого художества...

Сердцеведец, зная эту цель, и чтобы труд Анании не был в тщету, умыл Свое пречистое лицо водою и утер его убрусом, т.е. полотенцем, и на этом убрусе отпечатался Его божественный образ, Который был послан с Ананием к Авгарю. А по вознесении Господа нашего Иисуса Христа на небо ап. Фаддей научил вере во Христа Авгаря и крестил его. Болезнь проказы спала с него, как чешуя...

Нерукотворный образ Господа был драгоценной святыней гор. Едессы и был помещен у врат города.

В VII столетии по Р.Х. г. Едесса подпал под власть арабов, а в X веке греческий правитель Роман под угрозой войны потребовал эту святыню, чтобы перевести ее в Царьград. Арабы мусульмане дрогнули и сами отдали св. убрूस с изображением Лица Христова греческому посольству. Это было в 944 г. С этого времени и установлено сие празднество в честь нерукотворенного Образа Спасителя в 16-й день месяца августа.

Попутно можно сказать, что и другое предание говорит об образе (иконе) Пресвятой Богородицы, именуемой Одигитрии. Св. евангелист Лука был изуграфом – художником, который написал образ Богоматери с Предвечным Младенцем на руках, и еще при жизни Богоматери преподнес Ей эту икону. Пречистая, взяв на руки св. икону Своего Образа, сказала: «С этою иконою да будет Моя благодать и сила...»

Но история Церкви нам свидетельствует, что в VIII веке по Р.Х. среди христиан-церковников образовалась иконоборческая ересь, как пророчественно предвозвестил ап. Павел, говоря: «Знаю, что по отшествии моем пойдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из самих вас восстанут люди, которые будут говорить превратное, дабы увлечь учеников за собою» (Деян. 20, 29–30).

Вследствие такого превратного учения отцы Церкви вынуждены были собраться на VII Вселенский Собор, подтвердить иконопочитание и анафематствовать иконоборцев (чит[айте] «Деяния VII Всел[енского] Соб[ора]»).

Но кто станет отрицать то, что среди нас нет современных иконоборцев? Есть они и теперь. Возьмем, например, сектантов баптистов, которые именуют себя «евангельскими духовными христианами», о которых прежде всего можно сказать словами св. ап. Иоанна Богослова: «Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что не все наши» (1 Иоан. 2, 19).

Сегодня же по случаю празднества в честь Нерукотворенного Образа считаю уместным зачитать вашему вниманию обоснованные свидетельства на тему об иконах.

«Учите народ Мой отличать священное от несвященного и объяснять им, что чисто и что нечисто» (Иезек. 44, 22).

«Чтобы могли отличать священное от несвященного и чистое от нечистого» (Лев. 10, 10).

Что говорит нам ПРЕДАНИЕ о святых иконах? Иконопочитание в век апостольский достаточно подтверждается и доказывается ПРЕ-

ДАНИЕМ Кафолической Церкви, а также самими свящ. ИЗОБРАЖЕНИЯМИ. Например:

а) Нерукоотверженный ОБРАЗ СПАСИТЕЛЯ – разве не доказательство?

Примечание. Авгарь, правитель г. Едессы в Сирии, приняв образ Спасителя, изображенного на полотне, облобызал образ и написал золотыми буквами на образе надпись: «Христе Боже, всякий, надеющийся на Тебя не постыдится». Этот полотняный образ Авгарь прикрепил к негниющему дереву и поставил на воротах города. Все верующие, когда проходили эти ворота, КЛАНЯЛИСЬ образу Господа. Почему святая Церковь ныне и совершает поклонение Пречистому Образу в день 16 августа (см. Псалтырь со вослед[ованием]; ср. «История христ[ианской]» Церкви, стр. 27).

б) Если верим, что св. еванг[елист] Лука написал св. Евангелие и Деяния апостольские, то почему же не верить, что тот же ап. Лука написал ОБРАЗ Пречистой Богоматери с Предвечным Младенцем на руках?

Примечание. Образ Пресвятой Богородицы Одигитрия, т. е. «путеводительница», это название придано образу, живописанному св. Лукою и пересланному к Пульхерии от царицы Евдокии, который был поставлен в Царьграде в нарочно построенном Пульхериею соборном храме («Церковно-слав[янский] слов[арь]», стр. 376).

в) В первом веке по Р.Х. были уже зачатки иконопочитания: при раскопках в подземельных катакомбах (о катакомбах подр[обней] см. кн[игу] Дьяченко «Беседа о богослуж[ении]» (стр. 9 и др.), учеными найден образ Богоматери с Младенцем на руках и звездой наверху – в усыпальнице Прискиллы (Деян. 18, 26; Римл. 16, 3; 1 Кор. 16, 19).

г) Археологами открыты изображения св. ап. Петра и Павла в катакомбе Домициллы, относящиеся ко II в. (Оп. Прав. Богосл. Т. 5, стр. 210 и 253).

д) Преп. Нил Синайский, замученный при Декии в 252 г., на вопрос некоего Лампадора, как украсить храм, отвечал: «Стены его нужно украсить изображениями из Ветх[ого] и Нов[ого] завета» («Руков[одство] по лит[ературе]», стр. 348).

е) Историк Евсевий Памфил, иконоборец, однако, говорит: «Мы уже рассказывали, что посредством красок на картинах сохранены также лики ап. Петра и Павла, да и Самого Христа» («История», кн. 6, гл. 18).

Примечание. Если сам иконоборец свидетельствует, что ИЗОБРАЖЕНИЯ были, то «от враг свидетельство достопривно» (Кормчая).

Что говорят о св. иконах отцы и учителя Церкви?

а) Св. Феодор Студит написал: «Нет ни одной ереси из зарождавшихся в Церкви Христовой, хуже этой иконоборной ереси. Она отвергает Христа, ударяет Его в лице, неистовствуя делом и словом... Если Слово стало плотию, то, конечно, может быть и изображаемо; в противном же случае евангельское сказание есть призрак, а не истина. Оттого-то мы и погибаем. Мы же, христиане, “предварим лице Его во исповедании и в песнях воскликнем Ему” (Пс. 94, 1–2); объемлем Христа, Которого отрекаемся чрез отвержение св. Его иконы» (Твор[ения]. Т. 2, стр. 442).

Таким образом, в отношении к иконе надобно разуметь и выражать относительное поклонение, а в отношении к самому Христу – БОГОПОЧИТАТЕЛЬНОЕ (там же, стр. 446).

«Мы должны следовать правилу ПРАВОСЛАВИЯ, зная, что всякий совершенный христианин, хотя бы он был облечен апостольским достоинством, имеет нужду как в евангельском свитке, так и в начертанном согласно с ним ИЗОБРАЖЕНИИ; ибо и то, и другое достойно ПОЧИТАНИЯ и ПОКЛОНЕНИЯ» (там же, стр. 564).

П р и м е ч а н и е. Иконоборцы не порицали Христа, а образ Его хулили. Свв. Отцы доказывали, что хула на образ относится к ИЗОБРАЖЕННОМУ на нем. Ведь и книга Евангелие состоит из бумаги и чернил; что же, и Евангелие не почитать и выбросить? Нет, такое рассуждение м[ожет] б[ыть] только тогда, когда человек не различает вещи от материала. Соломон без прямого повеления от Бога за соделанное изображение (2 Цар. 2, 7–14) не только не осужден, но и удостоился похвалы от Бога (3 Царств. 9, 1–3).

б) Св. Иоанн Дамаскин об иконах писал: «Бог, вследствие милосердного Своего сердца, поистине сделался человеком ради нашего спасения... и жил на земле, и вступил в единение с людьми, творил чудеса, пострадал, был распят, воскрес, вознесся, и все это случилось по истине и было видимо людьми, было НАПИСАНО для напоминания нам и наставления тех, которых тогда не было, чтобы мы, не увидев, а услышав и уверовав, достигли блаженства Господня; но так как не все знают грамоту и не все имеют свободное время для чтения, то отцы усмотрели, чтобы это, подобно тому, как некоторые подвиги, было РИСУЕМО НА ИКОНАХ для краткого напоминания, без всякого сомнения, часто не имея в уме страдания Господня, увидев ИЗОБРАЖЕНИЕ распятия Христова, придя к воспоминанию спасительного страдания, павши, ПОКЛОНЯЕМСЯ не веществу, но Тому, Кто изображен, подобно тому как и не веществу Евангелия и не веществу Креста по-

клоняемся, но Тому, что чрез это ИЗОБРАЖАЕТСЯ» (Твор[ения], кн. 4, гл. 16).

Св. Иоанн Златоуст говорит: «Моисей сделал медного змия, пригвоздил его ко кресту и сказал: “Всяк, угрызенный змеею, пусть посмотрит на змия и спасен будет” (Числ. 21, 8)... Не лучше ли было для возбуждения веры сказать: если кто из вас будет укушен, пусть взглянет на небо, обратит взор горе, к Богу, и спасен будет? А воздвиг лишь изображение кресте, да и то ради проклятого змия. Почему же так поступил Моисей? Почему он, говорящий в законе “Не сотвори себе (образа) вырезанного, ни изваянного” (Лев. 26, 1), выливает змия?.. “То, – отвечает он, – я узаконил, чтобы устранить повод к нечестию и предохранить народ от всякого идолослужения; теперь же я отливаю змия, чтобы предначертать ОБРАЗ домостроительства КРЕСТНОГО; предурavnивая путь апостола, предуготовляя великий и дивный символ Креста”. Почему же Господь прообразил домостроительство спасения не через другое что-нибудь, а через змия? Почему именно изображение проклятого змия было прообразом поклоняемого Христа? Пригвождена ко кресту змея, чтобы стали бездейственны укушения змеей; пригвожден ко кресту Христос, чтобы упразднились действия демонов. Одна змея водружается, и другие змеи лишаются силы; один Христос пригвождается на кресте, и другие – демоны – упраздняются... Вот почему Спаситель справедливо прилагает этот образ к себе (Иоанна 3, 14–15).

Какими устами должны мы прославлять Крест Господень и Божественное домостроительство? И крест прославлять, и Единородное Слово Божие восхвалять... ты покажешь одно и то же благочестие» (Злат[оуст]. Т. 6, стр. 820–824).

Св. Герман – защитник икон: «Мы изображаем Сына Божия в доказательство, что он принял естество наше не мнимым образом. С этою мыслию ЛОБЫЗАЕМ икону Его, вспоминая воплощение Его» (Посл[ание] к Иоанну Синаиту).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя все изложенное, необходимо поразмыслить, что свящ. изображения, почитание их и поклонение пред ними несколько не противоречат Свящ. Писанию; ибо христиане-церковники научены «отличать священное от несвященного и чистое от нечистого» (Лев. 10, 10; Иез. 44, 23).

а) Прежде, т. е. в Ветхом завете, люди не видели лица Божия и потому воспоминали о Нем через Ковчег Завета (Втор. 4, 15; Числ. 10, 35–36). А в Новом завете Сам Христос явил нам Отца Своего (Иоан.

14, 9), и потому о Боге мы вспоминаем иначе, т.е. представляем Его себе в виде человеческом (Фил. 2, 6–8).

б) Прежде образом медного змия люди напоминали себе о Христе (Иоан. 3, 14); а теперь мы яснее изображаем Его как страдальца на кресте за наши грехи (Евр. 12, 2).

в) Прежде св. угодники не были прославлены богом (3 Ездр. 4, 35) и имена их лишь буквами писались на груди у первосвященников (Исх. 28, 9–12), а ныне души праведных предстоят Господу и уже наслаждаются отчасти блаженством (Откр. 4, 4; 7, 9–12). Вследствие того св. Церковь в память их (Евр. 13, 7) сооружает честные и св. иконы...

Таким образом, «когда все у нас перед глазами», т.е. св. иконы, чрез это мы помятуем о Боге (Пс. 76, 4). Чтение в св. храмах иногда перестает звучать, а иконописные изображения – и вечером, и утром, и в полдень – постоянно пребывают в храме и в домах христиан.

Примем ПРЕДАНИЕ св. Церкви и почтим ее законоположения. Не будем подкапываться под этот благочестивый обычай и не будем стараться восставать против древних и законных определений!

Все, что учреждается в воспоминание о Боге, благоприятно Ему («Деян[ия] Всел[енских] Соб[оров]». Т. VII, стр. 277). Аминь.

Приложение.

Опубликованные сочинения архиепископа Иринарха

1. Старообрядческая церковь присоединяется к воззванию Постоянного Комитета Всемирного Конгресса сторонников мира // Известия. 1950. № 113 от 13 мая. С. 4. Эта приветственная телеграмма, подписанная также епп. Геронтием (Лакомкиным), Флавианом (Слесаревым) и Иосифом (Моржаковым), протоиереями Василием Королевым, Петром Михеевым, ответственным секретарем архиепископии К.А. Абрикосовым. То же: Труд. 1950. № 113 от 13 мая. С. 4.

2. Автобиографические заметки // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1995. Вып. 4. С. 33–39.

3. «Смерть не разлучает нас от любви Христовой: Письма архиепископа Иринарха разным лицам (А.И. Киселевой (2 письма), М.Е. Богомоловой, Е.П. Варламовой, Г.П. Харламову и др., А.А. Дрожиловой, П.Г. Хоревой, К.И. Емельяновой, Р.Ф. Кокуриной, Е. Сухорословой, Е.В. Болтуновой, К. Воронцову, К.С. Роговцеву, свящ. Артемию Соловьеву (Канада), К.И. Кудрявцеву, В.И. Подоговой, свящ. Никифору Ерофееву, священноиноку Иосифу (Ерошевскому), А.И. Рябовой) //

Во время оно: История старообрядчества в свидетельствах и документах. 2005. Вып. 2. С.135–175.

4. «Сердце русского человека – великий светильник». Антифашистские послания архиепископии (1941–1945 гг.) // Во время оно. 2006. Вып. 3. С. 21–48. (часть посланий – совместно с еп. Геронтием).

5. Письмо священноиноку Ипполиту (Мартину) от 10 апреля 1946 г. // Во время оно. 2006. Вып. 3. С. 85 – 86.

6. Приветственное слово архиепископа Иринарха епископу Геронтию по случаю 45-летия служения во священном сане // Во время оно. 2006. Вып. 3. С. 160–168.

7. Надгробное слово, сказанное высокопреосвященнейшим Иринархом, старообрядческим архиепископом Московским и всея Руси, на погребение преосвященнейшего епископа Геронтия в понедельник 11 июня 1951 г. // Во время оно. 2006. Вып. 3. С. 168–172.

8. «Все мы на земле временные гости, ибо отечество наше в небесах: Письма архиепископа Иринарха разным лицам (свящ. Льву Овсянникову, диакону Феодору Кондратьеву, свящ. Василию Королеву (три письма), свящ. Евграфу Карпову, А.И.Киселевой, в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, правлению старообрядческой общины Кишинева, свящ. Петру Селину, священноиноку Нифонту (Бочарову) (два письма), свящ. Даниилу Гилеву, свящ. Онисифору Глазову // Во время оно. 2006. Вып. 3. С. 173–208.

**Работы победителей III конкурса
молодых историков-краеведов памяти Ф.В. Васильева**

**ПРОИЗВОДСТВО ВОДКИ И ПИВА
В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

А.В. Акифьев

Вскоре после отмены крепостного права, 4 июля 1861 г., было опубликовано Положение, согласно которому с 1 января 1863 г. вводилась акцизная система взимания налога с питей (заменяла собой винные откупа). Прежняя система сбора основывалась на исключительном праве казны на торговлю крепкими напитками, передаваемом в арендное содержание (откупщикам). Акцизной реформой вводилась новая (западная) модель организации сбора, в основе которой лежал принцип свободного оборота спиртного.

По реформе 1863 г. европейская часть России была разделена на 11 винокуренных районов. Нижегородская губерния вместе с Московской, Владимирской, Калужской, Костромской, Смоленской, Тверской, Ярославской губерниями вошли в Средне-промышленный район [1, с. 42]. По количеству винокурен Нижегородская губерния занимала в нем последнее место (17 предприятий), на первом же месте находилась Смоленская губерния (92 предприятия).

Наибольшей производственной мощностью обладала Калужская губерния (более 449 тыс. ведер спирта в год), следом шла Смоленская губерния (около 437 тыс. ведер спирта в год). Нижегородская губерния вырабатывала около 344 тыс. ведер спирта. Это было гораздо больше, чем производили, например, московские винокуренные заводы (88 тыс. ведер спирта).

После реформы 1863 г. все уезды Нижегородской губернии были разделены на 4 акцизных округа: первый округ составляли Нижегородский, Балахнинский, Горбатовский и Семеновский уезды; во второй округ входили Макарьевский, Княгининский, Васильский уезды (Управление размещалось в Лыскове); Арзамасский и Ардатовский уезды входили в третий округ; четвертый округ составляли Сергачский и Лукояновский уезды. Данное деление было достаточно условным и участки четких границ не имели [2, с. 66–67].

В 1862 г. (то есть в период действия откупной системы) все 20 губернских винокуренных заводов находились в уездах, ни одного в

городе. Численность рабочих на них составила 1010 человек, а сумма выработки равнялась 519 733 руб.

В 1863–1864 гг. из 20 винокурен в губернии только 5 производили в год более 20 тыс. ведер вина: Лысковский завод в с. Лысково Макарьевского уезда (77 800 ведер спирта), Мышьяковский в д. Мышьяковка Балахнинского уезда (63 016), Новослободский в с. Новая Слобода Лукояновского уезда (30 106), Нацминский (22 450) и Кемленский в с. Кемля Лукояновского уезда (27 155) [3, с. 39].

К началу 1880-х гг. большая часть винокурен в губернии по-прежнему принадлежала дворянам, в том числе князьям М.А. Урусову, С.В. Кочубею, графине А.Г. Толстой, баронессе М.Ф. Розен, А.Г. Философовой (вдове генерала А.И. Философова), В.Н. Кондратьевой-Барбашевой. Всего же в Нижегородской губернии в начале 1880-х гг. числилось 18 винокуренных заводов, из которых 5 были действующими [2, с. 181–182]. Представляет интерес рассмотрение каждого из них подробнее.

Пять действующих винокуренных заводов располагались в Сергачском, Горбатовском, Ардатовском, Макарьевском, Балахнинском уездах. Савеловский винокуренный завод находился в селе Савелово Горбатовского уезда и принадлежал жене гвардии полковника Ю.С. Шеремьетевой. Завод прекратил свою деятельность в 1870 г. и предлагался в аренду. Мышьяковская винокурня, некогда одна из крупнейших в регионе, находилась в деревне Мышьяковке Балахнинского уезда и принадлежала генерал-адъютанту Философова, была закрыта также в 1870 г. Впоследствии, завод был продан с торгов под снос. Верьинский завод В.Н. Кондратьевой, жены коллежского асессора, находился в деревне Верьино заречной части Макарьевского уезда. Бездействовал с 1877 г. и предлагался в аренду. Успенский винокуренный завод в селе Успенском Ардатовского уезда бездействовал с 1878 г. и также предлагался в аренду. Принадлежал жене капитана 1-го ранга М.И. Ильинской. Тархановский винокуренный завод располагался в селе Тарханово Сергачского уезда и принадлежал сенатору князю М.А. Урусову. Бездействовал с 1878 г. и предлагался в аренду [2, с. 181].

Самым крупным действовавшим винокуренным предприятием являлся Петровский завод в селе Юркино Макарьевского уезда (нагорной части), принадлежавший потомственному почетному гражданину П.Д. Синицыну. Завод находился на берегу р. Волги недалеко от крупного села Лысково и имел свою пристань (соединенную с заводом конно-железнодорожной дорогой). Завод вырабатывал до трех заторов в сутки с выходом до 1000 ведер, в год же вырабатывалось до 660 тыс. ведер вина. Вино, произведенное на данном заводе, вывозилось в Москву, Петербург,

Новгород, Кострому, а также за границу. Петровский винокуренный завод был единственным в губернии, который вывозил свою продукцию за пределы России. Большинство нижегородских винокуренных производителей занимали местный, губернский, рынок [2, с. 182].

Вторым после винокуренного завода в Юркино был Лысковский винокуренный завод графини А.Г. Толстой в Макарьевском уезде. Годовая производительность составляла около 250 тыс. ведер вина в год. Сбыт продукции производился только в пределах губернии [2, с.182].

В конце 1870-х гг. на долю макарьевских винокуренных заводов Сеницына и Толстой приходилось половина производимого в Нижегородской губернии вина. Производительность остальных одиннадцати винокурен не превышала 150 тыс. ведер спиртного в год (с каждого завода).

Недалеко от Лукоянова в селе Новая Слобода действовал винокуренный завод князя С.В. Кочубея, вырабатывавший до 140 тыс. ведер хлебного вина в год. Здесь, как и на Петровском заводе действовала английская система Коффи. Применение иностранных технологий в производстве спиртного (аппараты постоянной перегонки А. Коффи были дорогими и окупались при долгом, постоянном использовании, кроме того, требовали большого пространства при использовании) говорит о том, что винокурение развивалось не только экстенсивным, но интенсивным путем. Необходимо отметить, что при винокурне князя Кочубея содержалось обширное подсобное хозяйство (со скотом), продукция с которого шла на производство сыров и колбас. Сырье для винокурения также было собственного производства [2, с. 182].

Кемленский винокуренный завод, принадлежавший вдове генерала Философова, также располагался в Лукояновском уезде. Производительность составляла 110 тыс. ведер вина в год [2, с. 182].

Винокурней с годовой производительностью 60 тыс. ведер владела баронесса М.Ф. Розен. Располагалось предприятие в селе Спаском Арзамасского уезда [2, с. 182].

Два винокуренных завода в Лукояновском уезде (в сельце Русиновка и в деревне Нелей) принадлежало титулярному советнику Н.И. Русинову. Годовое производство завода в Русиновке было менее 70 тыс. ведер вина, винокурни в Нелее – около 80 тыс. ведер [2, с. 182].

Винокуренный завод близ хутора Михайловского Арзамасского уезда принадлежал штабс-капитану М.Ф. Шимкевичу. Производительность предприятия не превышала 60 тыс. ведер вина [2, с. 184].

Купеческих винокуренных предприятий в губернии было не так много; некоторые винокурни сдавались в аренду менее предприимчивыми дворянами представителям купечества. Так, например, арзамас-

ский купец А.И. Николаев арендовал Макателемскую винокурню у гвардии поручика, поэта-любителя А.Н. Карамзина (находившуюся в селе Макателемы Ардатовского уезда). Завод вырабатывал до 125 тыс. ведер спиртного. Также указывается, что при заводе был крупный скотный двор, скот с которого продавался в Москву и Петербург [2, с. 183].

Еще один винокуренный завод в Ардатовском уезде – Теплополянский (находился в Теплой Поляне), принадлежал арзамасскому купцу И.Д. Попову и ардатовскому купцу А.И.Лашкину. Выкуривали на заводе до 115 тыс. ведер вина, 1/3 товара сбывалась за пределами губернии [2, с. 183].

Ломовский винокуренный завод (в селе Ломовка Арзамасского уезда) принадлежал Степановым, но арендовался торговым домом «Будылины в Арзамасе». Завод был небольшим с годовой производительностью до 85 тыс. ведер вина [2, с. 183].

Купцы Ненюковы содержали Ловчиковскую винокурню, производившую 80 тыс. ведер вина [2, с. 183].

По данным за 1888 г. количество винокуренных заводов сократилось до восьми. Всего же к 1889 г. в Средне-промышленном регионе действовало 66 малых (с производством менее 10 тыс. ведер в год), 37 средних (10–40 тыс. ведер в год), 8 крупных винокуренных заводов (более 40 тыс. ведер в год) [2, с. 183].

К началу 1890-х гг. в Нижегородской губернии числилось уже 4 винокуренных завода с годовой производительностью менее 100 тыс. ведер спирта. По-прежнему действовал завод в Кемле, принадлежавший А.Г. Философовой (с годовой производительностью 30 тыс. ведер спирта), завод купцов И.Д. Попова и Е.Д. Лашкиной в Теплой Поляне (24 тыс.), А.Н. Будылина и Г.Г. Кашеева в с. Ломовка (31,7 тыс.) и Михайловский винокуренный завод М.Ф. Шимкевича (12,4 тыс. ведер) [4, с. 619].

Пивоварение в губернии (как и в целом по России) было менее развито, чем винокуренное производство. Достаточно сопоставить количество сданных акцизов и патентных сборов с пивоваренных и винокуренных заводов в 80-е – 90-е гг. XIX в. (5–7 млн руб. с пивоваренного производства против 250–270 млн руб. с винокурения). В Нижегородской же губернии в начале 1890-х гг. с винокуренных заводов было уплачено 334 888 руб. суммы акциза, а с пивоварения только 44 221 рублей. Несмотря на подобный разрыв, по количеству пивоваренных заводов в начале XX в. Нижегородская губерния (наряду с Саратовской), во многом благодаря своему выгодному географическому положению, высоким экономическим потенциалом, являлась лидером в Поволжье [5, с. 20].

Лидеры нижегородского пивоварения (Ермолаевы, Бабушкин) основали свое производство сразу после введения акцизной системы в 1863 г. Максимальное количество пивоваренных заводов в губернии приходится на 60-е – начало 70-х гг. XIX в. (девять предприятий), далее их число умеренно падает: в конце 1870-х гг. – 8 заводов, в 1880-е – 1890-е гг. – 7 [6]. К примеру, в 1880-е гг. в Самарской губернии было зарегистрировано 11 пивоваренных заводов, Рязанской губернии – 6 заводов по выпуску пива, Пензенской губернии – 3, в Вятской губернии – 12, во Владимирской – 7 заводов, в Ярославской губернии – 5 пивоваренных заводов [7]. В целом, данные показатели соответствуют общей динамике численности пивзаводов по всей России (если в середине 1870-х гг. в стране было 2058 пивоварен, то в начале XX в. – 905). В Нижегородской губернии, как и по всей России, происходило укрупнение пивоваренного производства, вызванное техническим развитием и регулярным повышением акциза. Большинство пивоваренных заводов концентрировалось в губернском центре, два завода разместились в уездных городах, один находился в торгово-промышленном селе. Данную картину размещения заводов по губернии можно объяснить следующим образом: Нижний Новгород и Лысково – крупные центры хлеботорговли в России, пивоварение, как отрасль переработки сельскохозяйственной продукции, возникало, прежде всего, вблизи центров торговли пищевым сырьем. Арзамас играл роль промышленного и торгового центра на юге губернии. Наличие трудовых ресурсов и капитала у местных предпринимателей способствовали развитию здесь пивоварения. Сергач – небольшой уездный город на юго-востоке Нижегородской губернии – находился в относительной близости к сырьевой базе.

Старейшим пивоваренным предприятием (как в губернии, так и в Поволжье) являлся завод в Лыскове. Во многих статистических источниках и краеведческих работах датой основания завода является 1860 г. Однако можно сделать предположение, что Лысковский пивоваренный завод основан раньше: так в одном из источников датой основания указан 1858 г. Так или иначе, по материалам статистики, данная пивоварня – единственная в губернии, основанная еще в доакцизный период. Вероятно, пивоваренное дело было организовано владельцами села – Грузинскими-Толстыми, и завод первое время действовал как помещичий. С развитием капиталистических отношений и формированием нового экономического класса буржуазии, а также отменой откупов, сложилась удобная возможность сдавать завод в аренду местному купечеству. В 1863 г. ярмарочный торговец Федор Ермолаев берет завод (представлявший собой небольшое полукустарное производство, находившееся в деревянном помещении) в аренду, и

к началу XX в. купцы Ермолаевы превращают завод в Лыскове в крупнейшее пивоваренное предприятие губернии. Тем не менее, Лысковский пивоваренный и в конце XIX в. числится как завод, принадлежащий наследникам графини Толстой. Ермолаевыми же основан Ново-Лысковский пивоваренный завод в Нижнем Новгороде в 1882 г. (ставший впоследствии самым крупным в губернии) [4, с. 670].

Центром пивоваренного производства Нижегородской губернии был ее главный город – Нижний Новгород. Заводское пивоварение здесь возникло в начале 1860-х гг. В 1874 г., как и в 1863-м, в Нижнем Новгороде действовало 8 пивоваренных заводов, численность рабочих составляла 97 человек, пива произведено на сумму 122 713 руб. Уже в начале 1880-х гг. количество заводов сократилось до пяти (за счет мелких пивоварен). Рабочих стало 92 человека, производство в денежном выражении выросло в два раза (244 150 руб.). В 1885 г. численность пивзаводов в городе вновь сократилась до четырех, количество рабочих составило 71 человек, стоимость произведенного товара – 219 150 руб. В начале 1890-х гг. пивоварение переживало кризис, вызванный повышением акцизного сбора с 20 коп. до 30 коп. с ведра. В Нижнем Новгороде по-прежнему действовали четыре завода (сумма производительности – 146270 руб., численность рабочих – 83 человека. В 1895 г. в Нижнем Новгороде осталось три пивоваренных завода (завод купца П.Я. Ермолова прекратил свою деятельность в начале 1890-х гг.) с 73 рабочими, пива было изготовлено на 162 970 руб. [4, с. 670].

Пионером промышленного пивоварения в Нижнем Новгороде был купец первой гильдии Д.Н. Бабушкин. До открытия своего пивоваренного завода в 1863 г. Бабушкин был владельцем медоваренного завода, который также производил лимонад. Первое время завод вываривал не более 20 тыс. ведер пива в год, что сравнительно немного для 1870-х гг. в целом по России. Однако предприятие Бабушкина было успешным. В 1877 г. предприниматель просит местные власти разрешить ему постройку пивоваренного завода между ул. Пирожниковской и ул. Кузнечной (на месте уже стоявшего дома Бабушкина – сейчас это перекресток ул. Алеши Пешкова и ул. Канавинской). По проекту новое здание пивоваренного завода должно было быть двухэтажным, со стоящим рядом двухэтажным же флигелем. Новый завод оснащался паровым котлом, в производстве применялось, в основном, заграничное сырье [8, л. 2].

Наследником Д.Н. Бабушкина стала его дочь Е.Д. Горинова, получившая пивзавод в 1890 г. В 1895 г. завод Гориновой изготовил 100 тыс. ведер пива, численность рабочих достигала 60–70 человек.

Кроме того, Е.Д. Горинова расширила производство и наладила выпуск минеральных вод [4, с. 670].

Видными нижегородскими пивоварами были также купцы Калашниковы, содержавшие с 1870 г. пивоваренный завод в Благовещенской слободе Нижнего Новгорода. В 1890 г. на их заводе трудилось 30 рабочих, вырабатывавших 30 тыс. ведер пива в год. Прибыль предприятия составляла около 30 тыс. рублей [4, с. 670].

В 1878 г. был основан Арзамасский пивоваренный завод купца И.Д. Стрегулина. Но предприятие было небольшим, к началу 1890-х гг. производило до 23 тыс. ведер пива в год на 21 тыс. рублей. Работало на заводе 12 человек [4, с. 670].

Самым малым пивоваренным заводом был Сергачский завод, организованный в 1886 г. Г.К. Диком. Трудилось на заводе всего 6 человек, варивших около 11 тыс. ведер пива в год [4, с. 670].

Как уже было обозначено ранее, пивоварение не являлось отраслью, характерной для центральной России. Крупнейшие производства размещались в столицах (владельцами их были, как правило, иностранцы) и в западных губерниях. Тем не менее, в условиях меняющейся политики государства, регулярно растущих налогов и конкуренции нижегородские пивовары продемонстрировали заметные способности в организации производства. В противоположность дворянскому винокурению, нижегородское купеческое пивоварение во второй половине XIX в. представляло собой динамично развивающуюся отрасль промышленности.

Источники и литература

1. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893.
2. Сборник статистических и справочных сведений по Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1880.
3. Статистический вестник Российской Империи. Ч. 1. СПб., 1866.
4. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб. 1894.
5. Альбом картограмм и диаграмм по производству, продаже и потреблению вина и пива. СПб., 1905.
6. Обзоры Нижегородской губернии. Приложения к всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии. Н. Новгород: Тип. губ. прав., 1873–1895.

7. Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России: В 3-х тт. / Департамент торговли и мануфактур. СПб., 1865.
8. ЦАНО. Ф. 5. Оп.1. Д. 792.

УЧАСТИЕ НИЖЕГОРОДСКОГО КУПЕЧЕСТВА В СОЗДАНИИ КОММЕРЧЕСКОГО И ВСЕСОСЛОВНОГО КЛУБОВ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

М.А. Иванов

25 апреля 1860 г. в Нижнем Новгороде был образован Коммерческий клуб. Главными организаторами клуба, явились семь видных представителей Нижегородского купечества: Н.Ф. Киршбаум, М.И. Шипов, Д. И. Панютин, Н.Г. Кокарев, А.П. Вяхирев, Н.А.Месинг и В.В. Булычев [1, с. 84]. Из устава клуба следовало, что он создавался для сближения коммерческих людей всех сословий, чтобы тем самым предоставить им средство к обмену сведениями по делам торговли и промышленности [2, с. 1].

Первоначально в своей структуре Коммерческий клуб имел два отделения, общее и коммерческо-пароходное. Членами общего отделения, могли быть представители любых сословий. Они были обязаны ежегодно выплачивать членский взнос, размер которого составлял 8 рублей серебром. Членами коммерческого отделения, могли становиться лица, имеющие непосредственное отношение к торговой и промышленной деятельности (то есть владельцы пароходов, купцы и фабриканты). Размер их годового членского взноса равнялся 12 рублям [2, с. 2].

В каждом отделении, существовала собственная структура управления. Общее отделение, возглавлялось семью старшинами, которые избирались на годичный срок. Старшины следили за исполнением устава клуба, заключали подряды и различные контракты. Коммерческое отделение возглавлялось четырьмя старшинами. Центральное управление клубом находилось в компетенции члена распорядителя, который ведал бухгалтерией и хозяйством. Раз в неделю каждое отделение проводило свое заседание. Помимо этого, ежемесячно организовывалось общее собрание клуба – «Стол» [2, с. 3].

В 1869 г. был принят новый устав. Теперь клуб стал чисто коммерческим. Вследствие этого в корне изменилась его организация и структура управления.

Попечителем обновленного клуба, являлся начальник губернии. Центральное управление находилось в ведении «Общего собрания действительных членов» (ими могли быть только люди, имеющие промышленные и торговые занятия). В их полномочия входил следующий круг вопросов:

- 1) баллотировка членов и исключение их из клуба;
- 2) выборы старшин и их увольнение;
- 3) установление платы за членские билеты и гостевые билеты;
- 4) годовые сметы по текущим расходам клуба;
- 5) разрешение затруднительных случаев;
- 6) рассмотрение жалоб;
- 7) право отмены постановлений старшин;
- 8) проверка годовых отчетов старшин [3, с. 5].

Чтобы собрание смогло принять какое-либо постановление, на нем должны были присутствовать не менее 1/3 членов. Исполнительная власть находилась в полномочии семи старшин. Теперь они были обязаны, помимо ранее упомянутых поручений, вести периодический журнал своих заседаний, которые проводились еженедельно [3, с. 7].

Члены посетители и действительные члены, избирались путем баллотировки на общем собрании клуба (численность членов клуба была не ограничена). Каждый год они были обязаны возобновлять членский билет, путем уплаты определенного взноса. Невозобновлявший билет сохранял право вступать в члены клуба, однако был обязан вносить двойную плату.

Помимо членов посетителей и действительных членов, в клубе присутствовали и почетные члены, которые избирались из числа наиболее уважаемых лиц [3, с. 10].

Отдельная статья устава была посвящена правилам пребывания гостей клуба. Согласно ей любой посторонний посещающий клуб должен был находиться под поручительством одного из членов, платя за вход 50 копеек [3, с. 11].

Доходы клуба хранились в банке и поступали из следующих источников:

- 1) суммы, вносимые каждым членом за годовой билет;
- 2) плата за вход посторонних лиц;
- 3) штрафы;
- 4) выручка за различные игры;
- 5) доходы с буфета [3, с. 15].

10 марта 1886 г. был учрежден третий устав клуба, который практически дублировал старый (1869 г.), и содержал в себе лишь небольшие изменения.

Баллотировка в состав клуба должна была производиться исключительно по предложению одного из действительных членов. Ранее существовавшие члены-посетители заменялись членами кандидатами. Однако при этом, они сохраняли свои старые полномочия [4, с. 8].

Начиная с момента своего существования, коммерческий клуб ежегодно переводился на Нижегородскую ярмарку в период ее работы с 15 июля по 25 августа. В этот период времени в состав клуба могли записываться все желающие, внося плату 5 рублей серебром. В помещении клуба устраивался специальный зал, где заключались торговые сделки и велись переговоры [4, с. 25].

Коммерческий клуб предлагал своим посетителям широкую развлекательную программу: танцевальные вечера, спектакли, карточные игры. В помещении заведения располагались библиотека и буфет.

Численность членов клуба постоянно росла. По данным на 1878 г., она составила 404 человека [1, с. 84].

10 июня 1866 г. по инициативе крупных нижегородских предпринимателей (А.М. Губина, Ф.И. Коралькова, Н.И. Кузнецова, А.А. Ламонова, И.Е. Миловидова) был образован «Соединенный всех сословий клуб». Непосредственно сама идея создания принадлежала кассиру благотворительной кассы Д.А. Саламыкову. Он же и явился автором первого устава (27 ноября 1866 г.), из текста которого была видна цель создания клуба: «Ввиду развившейся потребности в жизни общества и дабы предотвратить понижение нравственного уровня, дать возможность небогатому классу населения к ближайшему способу общения со всеми слоями общества» [5, с. 1].

В качестве членов Всесословного клуба (поменял название с 1887 г.), допускались только мужчины, хотя вопрос о членстве женщин серьезно обсуждался в 1872 г., но так и не был решен.

Помимо женщин членами клуба не могли становиться:

- 1) несовершеннолетние без классовых чинов;
- 2) юнкера и учащиеся учебных заведений;
- 3) лица, подвергнутые ограничению прав по суду;
- 4) ранее исключенные члены клуба [6, с. 11].

Члены клуба, согласно уставу, делились на членов-посетителей, действительных членов, которые были обязаны ежемесячно платить взнос размером в 3 рубля, и почетных членов, плативших 5 рублей. Избрание в члены клуба производилось с помощью общего голосования, при этом каждый кандидат должен был иметь при себе рекомендательную резолюцию. Также из числа наиболее уважаемых лиц, по предложению двух старшин, избирались и почетные члены [6, с. 12].

Управление делами клуба находилось в полномочии избираемых на годичный срок семи старшин, которые были обязаны вести общие собрания, заведовать финансами и имуществом. По истечению каждого месяца старшины предоставляли отчет о проделанной работе, также в их полномочия входило ведение специального журнала клуба [6, с. 6].

При Всесословном клубе действовали благотворительная касса и библиотека. Источник ее финансового пополнения в основном осуществлялся за счет индивидуальных пожертвований. Стоит отметить, что благотворительность являлась одной из основных составляющих деятельности клуба. С 1866 по 1887 г. в кассу поступило 3767 рублей, из которых было израсходовано 2505 [7, с. 17]. Денежные средства в основном жертвовались на содержание приютов, больниц, богаделен. Например, в 1880 г. клуб пожертвовал 1000 рублей на оказание помощи пострадавшим от взрыва в Зимнем дворце, в 1881 г. – 300 рублей на строительство Мариинского родовспомогательного заведения. Помимо этого, денежные средства отчислялись на выдачу стипендий учащимся. Всего на эти цели было израсходовано 19080 рублей – 5% от общей суммы доходов клуба за весь период его существования [7, с. 18].

Как было уже отмечено, главной задачей Всесословного клуба являлось создание условий для сближения представителей различных классов и сословий. С этой целью выстраивалась программа развлечений, в которую входили балы, маскарады, семейные вечера, литературно-музыкальные вечера, спектакли. Однако на начальном этапе существования клуба не обходимое здание и инвентарь приходилось арендовать. Главной причиной этого явилась резкая нехватка денежных средств.

Такую проблему в целом удалось решить с принятием нового устава 17 июня 1887 г. Теперь число действительных членов стало неограниченным (ранее – до 300 человек), что позволило привлечь значительное количество состоятельных людей. Численность действительных членов с периода 1866 по 1887 г. увеличилась в два раза, и доходы стали превалировать над расходами [7, с. 19]. С 1866 по 1891 г. доход клуба составил 419 431 руб., расход – 402 550, и 16 880 руб. составили остаток [7, с. 20]. Вследствие этого Всесословный клуб стал приобретать экономическую самостоятельность.

Помимо данного важного изменения, новый устав освободил почетных членов от уплаты членских взносов, а также сделал возможным присутствия в клубе гостей, при поручительстве одного из членов [7, с. 4].

Значительно увеличилась и численность членов Всесословного клуба (см. табл.).

Численность членов Всесословного клуба Нижнего Новгорода

Годы	Численность действительных членов (чел.)	Общая численность (чел.)
1866	199	199
1870	–	834
1875	–	864
1880	–	734
1885	–	894
1888	661	939
1890	670	876

На основании данных таблицы можно сделать вывод, что с 1866 по 1890 г. численность членов клуба увеличилась почти в пять раз, а почетных членов в 4,5 раза [7, с. 4].

Несмотря на то, что Всесословный клуб имел всеобщую доступность, членство в нем могли себе позволить лишь очень состоятельные люди – в основном купцы. Так, из 60 членов учредителей клуба 15 человек являлись представителями нижегородского купечества. Это была самая большая сословная группа в числе учредителей [7, с. 21].

Данный факт доказывает, что Всесословный клуб, несмотря на свое название, являлся фактически одним из компонентов купеческой сословной организации.

Источники и литература

1. *Богородицкая Н.А.* Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России // Вопросы истории. 2012. № 4.
2. Устав Нижегородского коммерческого клуба. Н. Новгород, 1860.
3. Устав Нижегородского коммерческого клуба. Н. Новгород, 1869.
4. Устав Нижегородского коммерческого клуба. Н. Новгород, 1886.
5. Устав Нижегородского соединенного клуба всех сословий. Н. Новгород, 1866.
6. Устав Нижегородского всесословного клуба. Н. Новгород, 1887.
7. Обзор деятельности Всесословного клуба к 30-летию его образования / отв. ред. С.В. Горбов. Н. Новгород, 1896.

Наши юбиляры

«СЧАСТЬЕ – ЭТО ЗНАТЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ...»: К ЮБИЛЕЮ Л.И. ШИЯН

Л.Е. Кудрина

14 марта 2016 г. исполнилось 85 лет Людмиле Ивановне Шиян. Библиограф-краевед, составитель и редактор альманаха «Записки краеведов», рецензент краеведческих изданий, автор оригинальных исследований, касающихся истории нижегородской интеллигенции – трудно перечислить все, что делает Людмила Ивановна для нижегородского краеведения.

Людмила Ивановна Шиян родилась 14 апреля 1931 г. в селе Кстово (ныне – город Кстово). Ее отец Иван Васильевич Клушин служил там в районном отделении НКВД. Он был родом из крестьян. Мать Людмилы Ивановны Лидия Августовна Динберг происходила из интеллигентной семьи железнодорожных служащих рижан, в годы Первой мировой войны надолго задержавшихся, а потом и вовсе осевших в Нижнем Новгороде. В связи со служебными назначениями отца семья часто переезжала. Своей малой родиной Людмила Ивановна может назвать и Павлово, и Вознесенское. В 1939 г. состоялся окончательный переезд в город Горький. В ноябре 1941 г. отец Людмилы Ивановны уже был на фронте, в 1943 г. его ранило, и он вернулся домой инвалидом. Семья проживала на улице Воробьева (ныне – Малая Покровская). Неподалеку, в Комсомольском переулке, находилась одна из лучших в городе школ – средняя школа № 9, в которой Людмиле Ивановне довелось учиться. С детства у нее был разнообразный круг впечатлений. В детских воспоминаниях – и первые лица области, близкие знакомые отца, и сельские друзья-ровесники, с которыми она продолжала дружить, переехав в город.

«Кому многое дано, с того много спросится». Людмиле Ивановне было дано много: отличные способности, возможность получить хорошее образование, всегда – интересный круг общения. Духовно обогащала, давала силы и атмосфера большой, дружной семьи. Людмилу Ивановну с детства отличали самодисциплина, умение правильно распорядиться временем. До сих пор у нее – завидная работоспособность, великолепная память, открытость всему новому.

В 1954 г. Людмила Ивановна блестяще окончила историко-филологический факультет Горьковского государственного университета.

По окончании университета она работала в Областном лекционном бюро, ездила с лекциями по районам области. С ноября 1954 по декабрь 1956 г. была в штате Горьковского обкома комсомола, выполняла обязанности инструктора по политическому просвещению в отделе пропаганды и агитации. Работа была престижной, но не вполне соответствовала деятельной, творческой натуре Людмилы Ивановны. В 1956 г. она пришла в Горьковскую областную библиотеку имени В.И. Ленина, стала сотрудником краеведческого сектора справочно-библиографического отдела.

Здесь она сразу ощутила себя в родной стихии. «Мне очень помогла заведующая отделом библиографии Груня Исааковна Копелова. Специалист высшего класса. Она всегда испытывала ко мне теплые чувства, хотя и была придирчива. В конце 1956 года взяла меня в свой отдел, терпеливо учила библиографии. Уже в следующем году была издана моя первая серьезная библиографическая работа – указатель литературы о Нижегородской радиолaborатории», – вспоминает Людмила Ивановна. Так вышло, что этот первый заход в Ленинку оказался недолгим. В течение 20 лет в должности старшего библиографа она работала в фундаментальной библиотеке Горьковского педагогического института. Все эти годы Людмила Ивановна не порывала связей с краеведением. С природой, историей и культурой родного края соприкасались интересы практически всех, кто составлял ее ближайшее окружение. Знания в области краеведения накапливались естественным образом, постоянно, именно поэтому они так глубоки и органичны. Возвращение в Ленинку в должности заведующей сектором краеведения состоялось в 1978 г.

Людмила Ивановна вспоминала: «К этому времени у меня сложилась концепция развития библиотечного краеведения, которую я и пыталась осуществить в меру моих сил. В библиотеке была создана комиссия по организации краеведческой работы, возглавляемая директором и определяющая степень участия в ней каждого подразделения, координирование этой деятельности». По инициативе Людмилы Ивановны был налажен отдельный учет местной нижегородской печати: каждой книге, изданной в нашей области, давался индекс «Кр». Был разобран, описан, систематизирован и отражен в краеведческом систематическом каталоге «Нижегородская летопись» фонд малой печати: афиши, программы, пригласительные билеты, плакаты и др. Создан сводный каталог краеведческой книги из фондов библиотек областного

архива, историко-архитектурного музея-заповедника, университета, к сожалению, законсервированный в начале 1990-х гг. Стал общепризнанным энциклопедическим изданием ежегодный «Календарь памятных дат». Вклад Людмилы Ивановны в подготовку базы для Календаря огромен. Ею уточнено и выявлено множество сведений, позволяющих нижегородцам помнить об исторических событиях и выдающихся людях родного края.

Многие годы Л.И. Шиян работала над универсальным текущим указателем краеведческой литературы «Литература о Горьковской (Нижегородской) области» (далее – УТУКЛ). Это ежеквартальное библиографическое издание снискало заслуженно высокую оценку краеведов и коллег из других регионов. УТУКЛ аккумулирует информацию, добываемую библиографами-краеведами путем скрупулезного просмотра всей поступающей в НГОУНБ литературы. Задолго до появления электронных технологий УТУКЛ, благодаря продуманной структуре и вспомогательному справочному аппарату, позволял в считанные минуты осуществить поиск по различным темам нижегородики, а также по персональным и географическим рубрикам. Наряду с каталогом «Нижегородская летопись» УТУКЛ остается основным источником краеведческой библиографической информации. Среди огромного массива записей, составляющих эти библиографические пособия, тысячи принадлежат библиографу Л.И. Шиян. Издание указателя в печатном виде прекратилось в 2012 г. в связи с ведением электронного краеведческого каталога, доступного на сайте НГОУНБ.

В 1985 г. в соавторстве с Э.И. Зеленовой Людмила Ивановна подготовила первый выпуск указателя «Горьковчане в годы Великой Отечественной войны», в 1999 г. вместе с Ю.Г. Галаем составила справочник «Нижегородская периодическая печать (1838–1917)», в 2005 г. – указатель, посвященный писателю-краеведу А.И. Елисееву, в 2007 г. – поэту Борису Корнилову.

Долгие годы Людмила Ивановна занималась организацией Краеведческих чтений, ежемесячно проходящих в стенах библиотеки; и по сей день принимает в них активное участие, является членом совета общества «Нижегородский краевед». Пользуясь огромным авторитетом среди научной и краеведческой общественности города, она много делает для популяризации краеведения, сотрудничает с архивами и музеями.

С 1985 г. и вплоть до самого последнего выпуска в 2013 г. Людмила Ивановна принимала участие в работе над альманахом «Записки краеведов» как член редколлегии, а в выпусках 1988, 1991, 2004 гг. являлась еще и составителем. Ее строгий подход к отбору статей, от-

ражающих только новые историко-краеведческие исследования, в значительной степени способствовал высокому научному уровню альманаха. Возрождение «Записок» в начале 2000-х гг. также в немалой степени состоялось благодаря ее энтузиазму, умению заинтересовать и убедить тех, от кого зависит воплощение идеи. На страницах «Записок» Л.И. Шиян неоднократно выступала не только как составитель и редактор, но и в качестве автора (например, публикации о зачинательнице нижегородской краеведческой библиографии Н.Ф. Ржиге и о деятельности В.Г. Короленко в Нижегородском крае).

С 2005 г. Людмила Ивановна ведет раздел критики и библиографии журнала «Нижегородский музей», является постоянным членом редколлегии. В 2012 г. журнал стал Лауреатом премии города Нижнего Новгорода.

Краеведческая библиография была и остается главной страстью Людмилы Ивановны. Исследования по нижегородскому краеведению, по сути, являются продолжением ее библиографических разысканий. Тематика исследований касается истории нижегородской интеллигенции. Людмилу Ивановну интересует становление и развитие феномена, к которому сама она имеет непосредственное отношение. Среди близких знакомых и друзей Людмилы Ивановны – Ю.Н. Адрианов, Ю.Г. Галай, И.А. Кирьянов, Л.Л. Трубе, Л.М. Фарбер, В.В. Харчев, С.А. Орлов, Д.А. Балака. Писатели, ученые, историки – легендарные имена, олицетворяющие нижегородскую интеллигенцию.

Все, кто общается с Людмилой Ивановной, отмечают, как наполняются реальным содержанием такие понятия, как порядочность, великодушие, благородство. Несмотря на то, что Людмила Ивановна всю жизнь занимается изучением прошлого, ей, как никому другому, подходит девиз «Живи настоящим!». В ней восхищают полнота и насыщенность проживания каждой минуты, разносторонность интересов. Она знает не только историю и культуру, но и природу родного края, его красоту и просторы. Коллеги учатся у нее профессионализму, жизненной стойкости, достоинству, выдержке, культуре труда. Всем запомнились ее слова, произнесенные в ответ на поздравление с юбилеем: «Счастье – это знать, что делать, иметь, что любить и иметь надежду»!

Заслуги нашей коллеги многократно были отмечены на официальном уровне. В 2013 г. ей было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Свой юбилей Людмила Ивановна встретила во всеоружии жизненного опыта, знаний и творческих планов.

Из жизни общества «Нижегородский краевед»

ОТЧЕТ правления общества «Нижегородский краевед» о деятельности в 2015 году

Ф.А. Селезнев,
председатель общества

По итогам 2014 г. общество «Нижегородский краевед» насчитывало 59 членов. На 31 декабря 2015 г. в обществе было зарегистрировано уже 87 членов. Таким образом, за отчетный период состав общества вырос на треть.

В составе общества по состоянию на декабрь 2015 г. было 6 почетных членов, 15 действительных членов, 66 членов-корреспондентов.

Как и в 2014 г., в 2015 г. в состав общества входили три первичные организации: Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Ковернинского и Сокольского районов.

27 октября 2015 г. председатель общества «Нижегородский краевед» Ф.А. Селезнев провел встречу с председателем Союза краеведов России В.Ф. Козловым. Была достигнута договоренность о вступлении общества «Нижегородский краевед» в Союз краеведов России в качестве коллективного члена. В Союз краеведов России были отправлены все необходимые для этого документы.

Основной формой работы общества в 2015 г. являлась организация краеведческих чтений на базе Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки. Чтения проводились с сентября по май включительно в каждую последнюю среду месяца в 17.00. В программу каждых очередных чтений включались по три доклада ведущих нижегородских краеведов. Кроме того, с 2015 г. в рамках чтений проводилась акция «Круговорот краеведческой книги»: члены общества бесплатно обменивались краеведческой литературой. В 2015 г. посещаемость краеведческих чтений значительно возросла.

Согласно Уставу общества «Нижегородский краевед», одна из его главных задач – вовлечение в краеведческую работу студентов и школьников. Для выполнения этой задачи был проведен II конкурс молодых историков-краеведов. В 2015 г. он был посвящен 165-летию со дня рождения председателя Нижегородской губернской ученой ар-

живной комиссии (в 1909–1918 гг.) Александра Яковлевича Садовского (1850–1926). Мероприятие организовали общество «Нижегородский краевед» в лице первичной организации ИМОМИ и Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ. В конкурсе приняли участие студенты и аспиранты нижегородских вузов. Победителем конкурса стала студентка ИМОМИ ННГУ Т.Ю. Иванова (тема работы «П.И. Мельников и нижегородское старообрядчество (1839–1856 гг.)»). Второе место занял еще один студент ИМОМИ А.В. Акифьев (тема работы «Развитие российской пивоваренной промышленности во второй половине XIX – начале XX века (на примере Нижегородской губернии)»). Третье место занял также студент ИМОМИ М.А. Иванов (тема работы «Нижегородской купечество в конце XVIII – начале XX века: численность и сословная организация»).

Общество силами первичной организации ИМОМИ вело пропаганду краеведческих знаний в средствах массовой информации, в том числе в сети ИНТЕРНЕТ. В социальной сети «В Контакте» действует официальная группа общества «Нижегородский краевед» (<https://vk.com/club59276051>). Она насчитывает 530 участников (в 2014 г. – 237). Ежедневно страницу посещают в среднем 17 человек из Нижнего Новгорода, Нижегородской области, Москвы, Санкт-Петербурга и других мест России, а также с Украины, Германии, США, Чехии и других стран. На странице сообщества сообщается о краеведческих мероприятиях, о выходе новых краеведческих изданий, происходит их обсуждение, выкладываются оцифрованные книги, фотографии, видеозаписи.

Совместно с Волго-Вятским филиалом Государственного Центра современного искусства (Арсенал) организован цикл публичных лекций «800+. Новый взгляд на старый Нижний».

6 ноября 2015 г. общество «Нижегородский краевед» наряду с Центром краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского и факультетом права НИУ Высшая школа экономики – Нижний Новгород выступило организатором II научно-практической конференции «Народ и власть: взаимодействие в истории и современности». Конференция была посвящена памяти краеведа Юрия Григорьевича Галая (1945–2012). По итогам конференции был выпущен сборник трудов («Народ и власть: взаимодействие в истории и современности»: сб. научн. тр. / отв. ред. И.В. Михеева, Ф.А. Селезнев. Нижний Новгород: Изд-во ООО «Растр-НН», НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2015. 562 с.).

В 2015 г. общество совместно с Центром краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им.Н.И. Лобачевского провело конкурс

«Лучшая книга 2014 года по истории и культуре Нижегородского края». Церемония награждения лауреатов конкурса прошла 23 сентября 2015 г. в Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеке в рамках организованного обществом Праздника краеведческой книги. Его открыл лауреат Международных и Всероссийских творческих конкурсов, поэт, композитор, публицист С.В. Скатов, исполнивший гимн «Нижегородский край» собственного сочинения.

Победителями конкурса стали:

в номинации «Научная литература» – *В.П. Сапон*, научный редактор и составитель труда «Нижегородская губерния в годы первой мировой войны (дофевральский период): Сборник документов и материалов»;

в номинации «Лучшая популярная книга» – *С.В. Петряев и А.В. Любавин*, авторы исследования «"О сколько нам открытий чудных..."» или путешествие с Пушкиным по Березополью»;

в номинации «Лучшая книга о нижегородских народных художественных промыслах» – *А.А. Баукин*, автор исследования «Новинская деревянная игрушка»; *Н.В. Мошков и В.В. Федоров*, авторы труда «Нижегородская домовая резьба»;

в номинации «Самая полезная книга для экскурсоводов и туристов» – *С.М. Шумилкин*, автор исследования «Нижегородская ярмарка»;

в номинации «За верное служение исторической памяти» – *С.А. Смирнов*, составитель труда «Нижегородцы и Великая война. 1914–1918: в горниле побед и поражений»;

в номинации «Издательство, внесшее наибольший вклад в издание краеведческой литературы» – *издательство «Кварц»*.

Награды победителям вручили представители Министерства культуры Нижегородской области, бюро небанальных экскурсий «Нескучный Нижний», Фонда развития народных художественных промыслов Нижегородской области, областной организации общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Нижегородские поэты Т.В. Антипова и Б.А. Селезнев прочли для гостей праздника свои стихи.

В рамках праздника также состоялась презентация исследования председателя общества Ф.А. Селезнева «Мастер одного резца: к 50-летию со дня рождения И.Н. Фролова». Гостям был также представлен сборник научных трудов «Нижегородский краевед» – совместный проект общества «Нижегородский краевед» и Центра краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ.

В 2015 г. обществом начата акция «Нижегородские краеведы – школьным и районным библиотекам», в ходе которой библиотекам от членов общества проводится передача краеведческой литературы.

В краеведческой работе Ковернинской первичной организации в 2015 г. приоритетным направлением деятельности было проведение мероприятий к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов:

- оказание помощи в оформлении и создании новой экспозиции «Судьбы Ковернинцев в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»;

- издание электронной Книги Памяти «Солдаты великой Победы»;

- участие краеведов в издании Книги Памяти Ковернинского района «*Время, к которому можно прикоснуться*» (по инициативе депутата Законодательного собрания Нижегородской области М.В. Манухина);

- участие краеведов в выставках «Россия празднует Победу», «Весна Победы»;

- проведение мероприятий «Подвигу жить в веках», «История, которую нельзя забыть», «Страницы боевой Славы»;

- издание информационной продукции.

При поддержке депутата Законодательного собрания М.В. Манухина была организована краеведческая акция «Память» по сбору материала для издания «Книги Памяти», соавторами которой стали участники краеведческого конкурса «Наш край» и ветеранский актив. Было собрано свыше 500 различных материалов, посвященных подвигу ковернинцев в годы войны. Более 120 работ подготовили учащиеся школ и учителя, более 220 работ представлено из различных архивов.

Была выпущена электронная книга по истории хохломского промысла «Гнездовье жар-птицы». Издание книги получило высокую оценку Законодательного собрания Нижегородской области – благодарность «За лучшую работу деятелей культуры, посвященной теме народных художественных промыслов Нижегородской области».

В организации сбора материалов для электронной книги Памяти «Солдаты Великой Победы» приняли активное участие главы сельских поселений, председатели ветеранских организаций, население района, молодежь и школьники. Книга включает материалы Г.В. Третьякова «Набат над Родиной» об участии ковернинцев в Великой Отечественной войне. В ней опубликованы материалы о героях и кавалерах ордена Славы. Одним из важных разделов Книги Памяти является раздел об участниках войны и тружениках тыла. Материалы о них размещены

в алфавитном порядке с фотографией и текстом (всего более 1,5 тысяч фамилий). Электронный вариант Книги Памяти находится в музее «Отчина» и будет выпускаться по просьбам родственников на дисках. Событием года является и выход краеведческой книги «Край наш Ковернинский» А.А. Балдина об истории образования, становления и развитии Ковернинского района.

Т.И. Савичева, активнейший краевед района, выпустила сборник «Посвящение», рассказывающий о людях, прославивших Ковернинский край на хозяйственной и социальной ниве. Коллектив краеведов Ковернинской школы № 1 стал инициатором создания книги-истории школы «Ковернинская школа в годы войны».

В декабре 2014 – апреле 2015 г. краеведы-библиотекари провели конкурс «Никто не забыт, ничто не забыто» среди пользователей библиотек. В нем приняли читатели и посетители 12 библиотек, всего более 80 участников, было представлено 120 материалов об участниках войны и тружениках тыла.

В начале марта 2015 г. прошла 15-я районная краеведческая конференция «Подвигу жить в веках». Подвел итоги работы краеведов и определил задачи на 2015 г. председатель районного отделения общества «Нижегородский краевед» И.С. Харичев. На конференции присутствовало более 100 человек.

В 2015 г. разрабатывались и печатались буклеты, оформлялись стенды и альбомы к 70-летию Победы:

буклет «*Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах Ковернинцев*» (разработан к 70-летию Победы, тираж 200 экз.);

стенд «*Спасибо деду за Победу*» со словами благодарности ветеранам Великой Отечественной войны, написанными жителями Ковернинского района;

альбом «*Истории свидетели живые*» о ветеранах Великой Отечественной войны, проживающих в Ковернинском районе;

альбом «*Письма опаленные войной*», в котором представлены письма 1941–1942 гг. участников военных сражений уроженцев Ковернинского района;

альбом «*Память огненных лет*» (материал о памятниках погибшим воинам в Великой Отечественной войне в Ковернинском районе);

альбом «*Память*», в котором представлены фотографии, письма, архивные документы участника Великой Отечественной войны;

альбом «*Письма неизвестного солдата*» (в нем собраны сохранившиеся письма военных лет неизвестного автора);

альбом-книга *«Ожившие воспоминания»*, в котором опубликованы рассказы о Великой Отечественной войне периода 1941–1942 гг. из дневников А.И. Красногорского;

альбом *«Хохломский промысел в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»* (рассказывает о профтехшколе 1943–1945 гг. – кузнице кадров).

Членами Сокольской первичной организации были организованы экскурсии на озеро Текун, ключ в селе Дмитриевское, где была собрана полезная информация по истории края.

В течение 2015 г. общество краеведов поддерживало тесную связь с советом ветеранов, библиотеками района, музеями области, другими учреждениями, организациями Сокольского района.

Старшее поколение активно участвует в мероприятиях, организованных обществом краеведов. Посетителям музея по запросу выдаются исторические справки и даются консультации краеведческого характера.

Учащиеся учебных заведений Сокольского района получили ряд групповых консультаций о системе поиска информации, о работе с краеведческой литературой.

В течение года членами краеведческого общества были проведены консультации для журналистов по вопросам истории Сокольского края, подбору материалов и документов по различным вопросам краеведческого характера.

В 2015 г. были опубликованы краеведческие книги А.М. Леднева *«На Сокольских горах»* и Л.В. Громовой *«Земля валовская: люди и судьбы»*.

Продолжается поисково-исследовательская работа по следующим направлениям:

- история создания и развития Сокольского молокозавода;
- ветераны войны, труженики тыла, дети войны, работа в тылу, организация детских домов в Сокольском районе, строительство укрепительных сооружений вокруг поселка;
- история загородного лагеря отдыха школьников «Чайка»;
- история здравоохранения в Сокольском районе;
- становление и развитие сельского хозяйства в Сокольском районе.

ОБЗОР ДОКЛАДОВ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ 2015 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 2016 ГОДА

Л.Е. Кудрина

Значительная часть сообщений на краеведческих чтениях (далее – КЧ) 2015 г. была связана с нижегородской персоналией. Доклад краеведа А.Н. Рябова (КЧ от 23.12.2015 г.), посвященный выдающемуся нижегородскому программисту Юлию Лазаревичу Кеткову, по итогам опроса аудитории был признан лучшим среди выступлений сезона 2015–2016 гг. Ю.Л. Кетков, стоявший у истоков кибернетики, когда она считалась чуть ли не мракобесием, дожил до блистательного триумфа этой отрасли, оставил после себя плеяду учеников. Человек яркий и оригинальный, Кетков олицетворял явление, типичное для 1960-х гг. – золотого века советской науки. Как многие люди его типа (например, выдающийся нижегородский конструктор Ростислав Евгеньевич Алексеев), он был и физиком, и лириком, и спортсменом. А.Н. Рябову удалось донести до аудитории и масштаб личности этого человека, и атмосферу времени, в котором он жил и работал. Докладчик привел много интересных фактов, касающихся истории нижегородской кибернетики.

Тематически близок данному материалу доклад Н.А. Пакшиной «Александр Михайлович Ляпунов: родословная и детские годы» (КЧ от 25.11.2015 г.). Ученый с мировым именем, гений, стоящий в одном ряду с Пуанкаре, Эйнштейном и Никола Теслой – так докладчик охарактеризовала выпускника Нижегородской гимназии А.М. Ляпунова. Докладчик представила подробнейшую схему нижегородских родственных связей А.М. Ляпунова, среди которых, например – Новосильцевы, близкие знакомые А.С. Пушкина, его соседи по болдинскому имению.

Ряд докладов был посвящен нижегородским краеведам. На мартовских Чтениях 2016 г. в связи с юбилеем чествовали почетного члена общества «Нижегородский краевед», заслуженного работника культуры РФ, сотрудника отдела краеведческой литературы Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина (далее – НГОУНБ) Людмилу Ивановну Шиян. Краевед-библиограф, составитель и редактор альманаха «Записки краеведов», рецензент краеведческих изданий, автор оригинальных исследований по истории нижегородской интеллигенции – трудно перечислить все, что делает Людмила Ивановна для нижегородского краеведения.

К юбилею Людмилы Ивановны в серии «Нижегородские краеведы» НГОУНБ издала персональный библиографический указатель. Аудитория чтений с радостью присоединилась к теплым словам, произнесенным заведующей отделом краеведческой литературы Ириной Геннадьевной Горностаевой во время презентации этого издания. Запомнились сказанные Людмилой Ивановной слова: «Счастье – это знать, что делать, иметь, что любить и иметь надежду».

В 2015 г. исполнилось 90 лет со дня рождения заслуженного деятеля культуры РФ Альбертины Васильевны Кессель. 25.03.2015 г. с докладом «Бабушка нижегородского краеведения: к 90-летию А.В. Кессель» на чтениях выступил коллега по краеведческой работе Альбертины Васильевны, учитель-историк М.М. Михайлов. А.В. Кессель внесла значительный вклад в сохранение культурного и исторического наследия Нижегородского края. Благодаря ее настойчивому энтузиазму в Нижнем Новгороде были установлены десятки мемориальных досок, увековечивающих память о выдающихся людях и событиях. Альбертина Васильевна – автор множества публикаций и книгоизданий краеведческой тематики, в частности, по нижегородскому пушкиноведению. Докладчик напомнил аудитории об основных этапах профессиональной деятельности А.В. Кессель, представил материалы из ее семейного архива, рассказал об интересных фактах ее биографии.

«Ирина Васильевна Сидорова – инициатор краеведческого книгоиздания. Презентация библиографического пособия» – этот доклад состоялся на КЧ от 30. 09.2015 г. Докладчик Т.В. Кучерова, заместитель директора Центральной городской библиотеки им. В.И. Ленина, рассказала об издательском проекте – серии краеведческих библиографических пособий. На презентации были представлены материалы из семейного архива И.В. Сидоровой, зачитаны воспоминания ее дочери. В 1970–1980-е годы И.В. Сидорова находилась на одном из руководящих постов Волго-Вятского книжного издательства. Благодаря ее инициативе в плане издательства регулярно появлялись книги краеведческой тематики. Ирина Васильевна явилась инициатором альманаха «Записки краеведов». Ее книга «Наш город» до сих пор считается лучшим краеведческим изданием для детей и была переиздана в 2008 г. под названием «Наш Нижний Новгород».

Два доклада были посвящены краеведам, чья деятельность пришлось на 30–40-е гг. XX в.

В библиотечном мире хорошо известно имя библиографа-краеведа Надежды Федоровны Ржига. С нею связано становление краеведческой деятельности в областной библиотеке, в частности, создание уникального библиографического источника – краеведческого ка-

талога «Горьковская (ныне Нижегородская) летопись». В Горьковской областной библиотеке Н.Ф. Ржига работала с 1930-го и до кончины в 1944 г. В докладе «Семья Надежды Федоровны Ржига по материалам семейных архивов удаленных пользователей Центральной городской библиотеки» (КЧ от 27.04.2016 г.) Т.В. Кучерова рассказала о родственном окружении Надежды Федоровны, о вкладе представителей нижегородской интеллигентной семьи в отечественную культуру и науку. Были приведены цитаты из семейной переписки, свидетельствующие о том, насколько светлым, веселым и мужественным человеком была Надежда Федоровна. Это стало откровением для тех, у кого представление о ней ассоциируется с хранящимся в НГОУНБ неудачным портретом.

Об уральском и нижегородском историке-краеведе Леониде Михайловиче Каптереве шла речь в докладе главного палеографа Центрального архива Нижегородской области (далее – ЦАНО) Л.В. Зарубиной (КЧ от 25.11.2015 г.). В Нижнем Новгороде Каптерев известен прежде всего как автор трудов «Нижегородское Поволжье в X–XVI вв.» и «Город Горький». Судьба Л.М. Каптерева сложилась драматически, как и у многих представителей интеллигенции в 1920–40 годы: нищета, лишения, поражение в правах, вследствие чего автору книг, ныне представляющих ценнейшую часть краеведческого фонда НГОУНБ, так и не удалось стать ее постоянным сотрудником.

Малоизвестные страницы общественной деятельности Александра Серафимовича Гациского были затронуты в докладе историка-экономиста А.П. Ефимкина «А.С. Гациский и первый потребительский кооператив «Бережливость» в Нижнем Новгороде» (КЧ от 29.04.2015 г.). А.П. Ефимкин рассказал о провале филантропического проекта, инициированного А.С. Гациским в 1860-е гг. – создании потребительского общества «Бережливость». К деятельности «Бережливости» было привлечено около 500 человек. Надежды, которые А.С. Гациский и его единомышленники возлагали на «Бережливость», не оправдались ни в плане получения прибыли с целью использования ее в благотворительных целях, ни в плане того, что благое начинание будет способствовать консолидации наиболее передовой и активной части нижегородцев. Начинание едва не закончилось скандалом. Доклад А.П. Ефимкина для части аудитории явился ликбезом: в двух словах и очень понятно был объяснен принцип работы потребительских обществ. Провал «Бережливости» А.П.Ефимкин объяснил дилетантизмом учредителей. В качестве позитивного примера докладчик упомянул деятельность Общества взаимного кредита, возникшего одновременно с «Бережливостью» и

благополучно просуществовавшего в Нижнем Новгороде вплоть до революции 1917 г.

Выдающейся нижегородке, писательнице, путешественнице Александре Викторовне Потаниной был посвящен доклад О.С. Барыкиной (КЧ от 27.01.2016 г.). Автор увлекательно рассказала о том, каким образом ей удалось уточнить время и место рождения Потаниной, напомнила о малоизвестных фактах ее биографии, семейном и родственном окружении.

240-летию основателя Арзамасской школы живописи был посвящен доклад краеведа А.В. Малышева «Художник Александр Васильевич Ступин: новое прочтение биографии» (КЧ от 24.02.2016 г.). Долгое время исследователь работал с архивными материалами, а также с множеством опубликованных источников, где затрагивались факты жизни и творчества А.В. Ступина. Особенно его интересовали материалы, касающиеся родословной Ступина. Объем информации, представленной А.В. Малышевым в эмоциональном, несколько прикрасном к другим исследователям докладе, явно не вменялся в рамки сообщения на КЧ.

К теме «Нижегородская персоналия» можно отнести и доклад Н.А. Пакшиной «Нижегородские Демидовы. История одной семьи» (КЧ от 27.04.2016 г.). Среди многочисленного клана нижегородских Демидовых особого внимания заслуживает зять В.И. Даля, Платон Александрович Демидов. Он был предпринимателем, усовершенствовал способы реализации молочной продукции. В 1888 г., когда в Нижнем Новгороде появился «Кружок любителей физики и астрономии», П.А. Демидов пожертвовал кружку часть своей библиотеки и крупную денежную сумму. В настоящее время в с. Быковка Воротынского района существует краеведческий музей, располагающийся на территории парка, принадлежавшего Демидовым.

Интересным по форме и содержательно насыщенным был доклад известного краеведа И.А. Макарова, посвященный купеческой династии Ненюковых (КЧ от 28.10.2015 г.). К сожалению, докладчик объявил, что переезжает жить в другой город, и это его последнее выступление на краеведческих чтениях.

На Краеведческих чтениях уже неоднократно заслушивались сообщения, посвященные митрополиту Нижегородскому и Арзамасскому Николаю (Николаю Васильевичу Кутепову, 1924–2001). Электронная презентация, представленная преподавателем Нижегородской духовной семинарии А.В. Дьяконовым, очередной раз привлекла внимание аудитории к личности выдающегося религиозного деятеля.

Одному из направлений современной деятельности Нижегородской епархии посвящена книга А.В. Дьяконова «Русский православный приход на юге Индии». Презентация издания состоялась на Краеведческих чтениях 25.05.2016 г. Лучшим традициям русского Православия следуют нижегородские священнослужители, окормляющие прихожан удаленной православной общины. Общину составляют научные сотрудники компании «Атомэнергопроект» и строители атомной станции «Куданкулам» на юге Индии (штат Тамил Наду), которая возводится в рамках российско-индийского экономического сотрудничества. На презентации книги присутствовал один из участников строительства, выразивший слова благодарности Нижегородской епархии и лично А.В. Дьяконову.

Сложнейшему периоду религиозной жизни Нижегородского края был посвящен доклад архимандрита Тихона (Затекина) (КЧ от 30.09.2015 г.). Докладчик представил свою книгу «Нижегородская епархия и Великая Отечественная война». Он напомнил о репрессиях, которым подвергались Русская Православная церковь и священнослужители в предвоенные десятилетия, рассказал, как в годы войны в Нижнем Новгороде (городе Горьком) была возобновлена служба в ранее закрытых храмах, привел ряд эпизодов, свидетельствующих о мужестве и мудрости нижегородских священнослужителей, упомянул о пожертвованиях, сделанных нижегородскими верующими в фонд души Победы.

К 70-летию Победы была приурочена презентация сборника фронтовых писем нижегородцев «Здравствуйте, дорогие мои!». Это второе книжное издание на данную тему. В книгу включено 401 письмо. С презентацией сборника выступила сотрудник ЦАНО Е.А.Ешан (КЧ от 20.05.2015 г.).

Период Первой мировой войны, 100-летие начала которой отмечалось в 2014 г., долго будет оставаться в поле зрения краеведов. Инерция оценочного отношения к событиям Первой мировой войны многие десятилетия сохранялась, в том числе и в процессе изучения местной истории. К настоящему, детальному изучению этого периода приступили сравнительно недавно. Доклад историка С.Н. Коршака «Нижегородские госпитали в годы Первой мировой войны (1914–1918): новые исторические источники» (КЧ от 28.01.2015 г.) насыщен детальной информацией, касающейся не только заявленного предмета исследования, но и в целом жизни Нижнего Новгорода в годы Первой мировой войны. Например, многое говорит о правопорядке и стабильности жизненного уклада нижегородцев эпизод с конфискованным у обвиняемого в воровстве предпринимателя и отданным под госпиталь

зданием, которое тотчас было возвращено владельцу после снятия обвинения.

К этому периоду нижегородской истории относится и доклад краеведа В.В. Вяхирева. «Деятельность гласного Нижегородской городской думы А.А. Вяхирева в годы Первой мировой войны» (КЧ от 25.03.2015 г.). Он рассказал об участии своего предка, представителя нижегородской купеческой династии, в нижегородском самоуправлении, а также напомнил о том, что представлял собой институт гласных думы.

Полна белых пятен и история Крымской войны 1853–1856 гг. Лейтмотивом доклада ученого-историка Д.А. Николаева (КЧ от 30.03.2016 г.) было следующее: «Факты, связанные с этой войной, мало что говорят историческому сознанию россиян. Это несправедливо. До сих пор мы довольствуемся ленинскими оценками этой войны. Это неправильно. Для России Крымская война была оборонительной, в которой России пришлось противостоять коалиции нескольких стран». В качестве доказательства этой концепции докладчик приводил примеры, свидетельствующие о патриотическом подъеме, которым было охвачено нижегородское общество. Он напомнил о создании Нижегородского ополчения, которое, хотя и не сыграло в событиях большой роли, продемонстрировало большую мобилизационную готовность россиян.

Тематически близок этому материалу и доклад студента Института международных отношений и мировой истории (далее – ИМОМИ) ННГУ им. Н.И. Лобачевского С.А. Алексеева «Содействие населения Российской империи национально-освободительному движению балканских народов в 1870-е годы (на материалах Нижегородской губернии)» (КЧ от 25.05.2016 г.). Предмет исследования – Балканская война 1878 года и отношение к ней нижегородцев. Как и в большинстве регионов Российской Империи, участие в судьбе братских славянских народов выразилось в материальной помощи и добровольчестве. В Нижнем Новгороде это сочувствие проявилось очень сильно. Не только интеллигенция, но и рабочие Сормовского завода, и крестьяне, в частности, Арзамасского уезда, принимали участие в пожертвованиях. 11 тысяч рублей пожертвовало нижегородское дворянство. Большую помощь организовала Нижегородская епархия. Около 400 нижегородцев отправились на Балканы добровольцами.

«Нижегородская земская милиция в период русско-французской войны 1805–1807 годов» – так назывался доклад А.Н. Лушина (КЧ от 28.10.2015 г.). А.Н. Лушин изучил большой объем документов, содержащих сведения о становлении и личном составе организации, иници-

ированной манифестом императора Александра I, высоко оценившего то, как воплотилась эта идея в Нижегородской губернии. Впоследствии многие командиры земской милиции стали командирами ополчения 1812 года.

Тема отражения нижегородских реалий в художественной литературе была затронута в докладах И.В. Нестерова «Васюки и Арбатов – нижегородский след» (КЧ от 29.04.2015 г.) и в докладе Н.Ю. Толмачевой «Город и окраина в повести М. Горького “Трое”» (КЧ от 29.04.2015 г.). Эти доклады прозвучали на чтениях под знаком Года литературы, как и сообщения краеведов из г. Богородска: И.В. Окунева («Поэтесса Анна Дмитриевна Мысовская – последняя владелица родовой усадьбы Бестужевых-Рюминых в Кудрешках», КЧ от 25.03.2015 г.) и В.А. Гурьева («Проза Н.С. Власова-Окского», КЧ от 25.02.2015 г.).

Много докладов было связано с нижегородскими историко-архитектурными объектами. Стремительное исчезновение исторического облика Нижнего Новгорода – постоянная боль краеведов. Этой теме было посвящено очередное выступление начальника отдела историко-культурных исследований НИИ «Этнос» А.И. Давыдова «Судьбы старейших деревянных домов Нижнего Новгорода» (КЧ от 24.02.2016 г.). А.И. Давыдов рассказал о зданиях, судьба которых находится под угрозой разрушения, несмотря на их статус охраняемых объектов. Он напомнил, что передача исторических памятников в частные руки, поначалу казавшаяся гарантией их сохранности, на практике чаще всего означает окончательную гибель зданий. В докладе он рассказал о том, что частной собственностью может стать легендарное здание по ул. Ульянова. Оно было построено в конце XVIII в. и является единственным в Нижнем Новгороде образцом деревянных зданий того периода. Есть предположение, что именно в этом доме в 1812 г. проживал Н.М. Карамзин. Теме старого Нижнего был посвящен и доклад-презентация краеведа И.С. Богомоллова «Неизвестная улица Горького» (КЧ от 30.09.2015 г.).

Много городских мифов и легенд связано со знаменитой Чакаловской лестницей. Загадки остаются и по сей день. Больше всего озадачивает то, что идея строительства лестницы была выдвинута председателем горисполкома А.М. Шульгиным и одобрена правительством в самый разгар Великой Отечественной войны. Данная тема уже была затронута на чтениях. В докладе А.П. Ефимкина «Секретные командные пункты на набережной им. Жданова г. Горького (КЧ от 27.04.2016 г.) причиной постройки называлась необходимость работ по ликвидации бункера главнокомандующего, построенного в 1941 г. под Верхне-Волжской набережной. Обстоятельный доклад главного архивиста

ЦАНО Л.Ю. Ганюшкиной (КЧ от 27.01.2016 г.) развенчивает миф о том, что Чкаловская лестница создавалась немецкими военнопленными. Все было не так. Ни к замыслу, ни к проекту сооружения они не имели ни малейшего отношения. Немецкие военнопленные в качестве рабочей силы привлекались лишь на последней стадии строительства лестницы, в 1949 г. Одна из ключевых фигур данного исследования – председатель Горьковского горисполкома А.М. Шульгин, земляк В.П. Чкалова, инициатор строительства лестницы, впоследствии осужденный за финансовые нарушения (согласно реплике краеведа А.П. Ефимкина, справедливо). История строительства лестницы содержит много эпизодов, характеризующих эпоху. Открытие лестницы сопровождалось массовым театрализованным действием, парадом судов, шлюпочным походом.

Много интересного сообщил краевед Б.С. Извеков о другом известном историческом объекте – памятнике «Жертвам 1905 года» (КЧ от 24.02.2016 г.).

Регулярно звучат на чтениях доклады журналиста Г.А. Илескина. Основная тематика его выступлений – история завода «Красное Сормово». В очередном докладе «Образцы промышленной архитектуры конца XIX – начала XX вв. на заводе “Красное Сормово”» он говорил о знаменитых зданиях, выполненных в так называемом кирпичном стиле (КЧ от 20.05.2015 г.). Выступление сопровождалось электронной презентацией. Кроме того, Г.А. Илескин подготовил роскошное издание – альбом, содержащий около 400 фотографий. К сожалению, тираж этого издания – всего три экземпляра. Один из них Г. И. Илескин подарил НГОУНБ.

С Сормовом связан и доклад А.Б. и В.Н. Дрожкиных «История одного сормовского дома в судьбах его обитателей» (КЧ от 23.12.2015 г.), ставший, наряду с докладом А.Н. Рябова, победителем конкурса на лучшее сообщение на Краеведческих чтениях. Выступала с докладом Анна Борисовна Дрожкина. Она рассказала о жизни нескольких поколений сормовичей, протекавшей в их родовом гнезде – большом доме, построенном в Сормове в начале XX в.

История нижегородских учреждений – одна из постоянных тем, затрагиваемых на Краеведческих чтениях.

«К вопросу о времени и обстоятельствах открытия Петровского исторического музея в Нижнем Новгороде» – доклад сотрудника Нижегородского филиала Музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино» М.Н. Тихонова (КЧ от 27.04.2016 г.). Петровский исторический музей – предшественник современного художественного музея и Нижегородского историко-природного музея-заповедника. Он просуществовал

всего пятнадцать месяцев, но его открытие явилось ценным опытом, оставившим след в истории культуры Нижегородского края. Петровский исторический музей был открыт объединенными усилиями нижегородской общественности в лице деятелей НГУАК и городских властей в лице городского головы А.М. Меморского. Все этапы замысла, подготовки и открытия Петровского исторического музея автор доклада восстановил, изучая архив НГУАК и публикации в нижегородской прессе.

И.Г. Горностаева, заведующая отделом краеведческой литературы НГОУНБ, поблагодарила докладчика за ценные хронологические сведения, позволяющие уточнить спорные места в Календаре памятных дат Нижегородской области. Петровский исторический музей просуществовал до 15 июля 1894 г., в итоге слившись с Художественным музеем.

Вопросы народного образования были затронуты в докладе студента ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского А.С. Боброва «Приходские училища Нижнего Новгорода и Нижегородского уезда до реформ 1860-х годов» (КЧ от 25.05.2016 г.).

Истории общественной жизни нижегородских сословий был посвящен доклад аспиранта ИМОМИ М.А. Иванова «Нижегородское купеческое общество» (КЧ от 20.05.2015 г.). Купеческие общества учреждены Сенатским указом в 1724 г. Деятельность купеческих обществ регулировалась уставом. Автор доклада подробно остановился на сословной деятельности Нижегородского купеческого общества, а также затронул тему купеческой благотворительности и участия купечества в политической жизни Нижнего Новгорода.

Неоднократно звучали на чтениях доклады, посвященные истории Нижегородской полиции. К этой теме обращались Ю.Г. Галай, Б.М. Пудалов, И.А. Макаров, А.Н. Лушин. В докладе краеведа А.В. Белякова «Становление Нижегородской полиции» (КЧ от 30.03.2016 г.) особый акцент был сделан на начальном периоде существования данного института. Автор доклада подчеркнул, что для исследователей особый интерес должен представлять именно XVIII в.: в ЦАНО хранится большой корпус неизученных документов.

В прошлые годы краеведы уже обращались к истории нижегородского здравоохранения (вспомним, например, доклад А.А. Давыдовой, посвященный организации колонии для душевнобольных в деревне Ляхово (КЧ от 25.04.2007 г.). Этой теме было посвящено выступление историка А.С. Карезина «Обзор истории клинической психиатрической больницы № 1 Нижнего Новгорода» (КЧ от 23.12.2015 г.). Докладчик, в частности, подробно остановился на персоналиях нижегородской пси-

хиатрической службы – от П. Кащенко до Ю.А. Сучкова, возглавляющего учреждение в последние годы.

Проблемы, связанные с возможным поднятием уровня воды в Волге вследствие увеличения мощности Чебоксарской ГЭС, регулярно освещаются на Краеведческих чтениях. Доклад В.Ф. Орехова «Варианты завершения строительства Чебоксарской ГЭС» зачитал его постоянный соавтор А.А. Каюмов (КЧ от 25.11.2015 г.). Эта тема была затронута и в докладе консультанта Министерства экологии и природных ресурсов Нижегородской области С.Б. Каменского «Экологические проблемы Волги» (КЧ от 25.11.2015 г.).

Отрадно, что среди слушателей чтений и среди выступающих на них всегда много студентов и аспирантов. В целом же аудитория чтений заметно возросла. Все это говорит о результативности новых форм и методов работы, используемых в деятельности общества «Нижегородский краевед».

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ (2015 г.)

И.Г. Горностаева

Беленькая, М. Настоящий университет, или «Не забывайте смотреть на звезды» / Майя Беленькая. – Нижний Новгород: [Поволжье], 2015. – 224 с.

Бирюкова, Е.А. Уездный город Семенов / Е.А. Бирюкова. – Нижний Новгород: Кварц, 2015. – 205 с.

Возвращенные имена. Продолжение поиска. 70-летию Великой Победы посвящается / авт.-сост. В. Федоров. – Нижний Новгород: Кириллица, 2015. – 608 с.

Грачева, Е.Е. Деревянные дома Нижнего. Архитектура деревянных и каменно-деревянных жилых домов Нижнего Новгорода XIX – начала XX вв. / Е.Е. Грачева. – Нижний Новгород: Кварц, 2015. – 208 с.

Дейнеко, В.П. Нижегородский автограф: декоративно-прикладное искусство Нижнего Новгорода конца XX века (1985–2000) / В.П. Дейнеко. – Нижний Новгород: Кварц, 2015. – 157 с.

Дрожкина, А.Б. История одного дома в судьбах его жителей: дом модельщика Сормовского завода В.С. Капанова / А.Б. Дрожкина [музей истории завода «Красное Сормово»]. – Нижний Новгород: [б. и.], 2015. – 128 с. : ил., портр. – (История завода «Красное Сормово»).

Жизнеописание нижегородских подвижников благочестия / [рук. проекта архим. Тихон (Затекин)]. – Печ. по изд.: Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. – М.: Типо-литогр. И. Ефимова, 1908. – Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии, 2015. – 335 с.

Жития святых, новомучеников и исповедников Земли Нижегородской: [сборник] / [Вознесенский Печерский монастырь; ред. О.В. Дегтева; рук. проекта: архим. Тихон (Затекин)]. – Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии, 2015. – 637 с.

«**Здравствуйте, дорогие мои...**»: (фронтовые письма 1941–1945 гг.) / Комитет по делам архивов Нижегород. обл., Центр. архив Нижегород. обл.; сост. Е.Э. Ешан, А.П.Пудалова. – Нижний Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2015. – 587 с.

Илескин, Г.А. История, застывшая в камне: памятники промышленной архитектуры на заводе «Красное Сормово», 1849 – 1924 гг.: [книга-альбом] / Г.А.Илескин; Музей истории завода «Красное Сормово». – Нижний Новгород: [б. и.], 2015. – 428 с. – (История завода «Красное Сормово»).

Кетков Юлий Лазаревич. Ученый. Учитель. Личность / [сост. И.В. Кеткова, Н.Г. Панкрашкина, А.Н. Рябов; под ред. А.Ю. Кеткова]. – Нижний Новгород: Растр-НН, 2015. – 343 с.

Китежский летописец: [сборник] / [сост. Н.В. Морохин]. – Нижний Новгород: Растр-НН, 2015. – 317 с.

Корабли и люди: ОАО ЦКБ «Лазурит», 1953 – 2013: [60 лет с подводными силами страны]: справочник / [авт.-сост. А.А. Постнов]. – Нижний Новгород: ЦКБ «Лазурит», 2015. – 364 с.

Косарев, В.А. Течет Ока мимо Дудина монастыря / В.А. Косарев. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2015. – 415 с.

Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: [сборник научных трудов] / Нижегород. фил. Нац. исслед. ун-та «Высш. шк. экономики»; [отв. ред. И.В.Михеева, Ф.А. Селезнев; ред. кол.: А.А. Власова и др.]. – Нижний Новгород: Растр-НН: НИУ ВШЭ, 2015. – 561 с.

Нижегородская медицинская академия в годы Великой Отечественной войны. 70 лет Победы / [редкол.: Б.Е. Шахов, В.А. Воронов, Т.В. Хлющева]. – Нижний Новгород: Изд-во НижГМА, 2015. – 281 с.

Нижегородский краевед: сборник научных статей / О-во «Нижегор. краевед», Центр краевед. исслед. ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского; [ред. кол.: Ф.А. Селезнев (отв. ред.) и др.]. – Вып. 1. – Нижний Новгород: [Тип. «Pixel Print»], 2015. – 199 с.

Нижегородский край в истории России (памяти профессора Н.Ф. Филатова): материалы IV научной конференции 29 апреля 2015 года. – Нижний Новгород: Pixel-print, 2015. – 181 с.

Нижегородский Откос: хрестоматия / сост. О.А. Рябов; под общ. ред. В.Ю. Белоноговой. – Нижний Новгород: Книги, 2015. – 528 с.

Нижний Новгород сегодня: [альбом] / [Я.И. Гройсман и др.; гл. ред. Я.И.Гройсман]. – Нижний Новгород: Деком, 2015. – 83 с. – (Нижегородское культурное наследие).

Нижний Новгород сто лет назад: [альбом] / [Я.И. Гройсман и др.; гл. ред. Я.И.Гройсман]. – Нижний Новгород: Деком, 2015. – 83 с. – (Нижегородское культурное наследие).

Орельская, О.В. Улица Большая Покровская: прогулки во времени / О.В.Орельская, С.В. Петряев. – Нижний Новгород: Бегемот, 2015. – 247 с. – (Исторические улицы Нижнего; вып. 2.).

Пакшина, Н.А. Александр Михайлович Ляпунов: родословная и детские годы: монография / Н.А. Пакшина; Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. – Нижний Новгород: НГТУ, 2015. – 190 с.

Селезнев, Ф.А. Мастер одного резца: к 50-летию И. Н. Фролова: [очерк] / Ф.А.Селезнев; Нижегород. гос. ун-т им. Лобачевского, Центр краеведческих исследований. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. – 17 с.

Селезнев, Ф.А. Нижегородцы и преодоление Смуты. 1606-1618 / Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: Деком, 2015. – 141 с.

Сергей Есенин и нижегородцы: литературно-публицистический сборник / сост. А. Конкина. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2015. – 286 с.

Советский Горький: книга-альбом: Кварц, 2015. – 176 с.

Тихон (Затекин Николай Иванович). Нижегородская епархия и Великая Отечественная война / Архимандрит Тихон (Затекин). – Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии : Вознесенский Печерский мужской монастырь, 2015. – 222 с.

Цирульников, А.М. Сбирание памяти: Слово о друге / А.М. Цирульников. – Нижний Новгород: Литера, 2015. – 280 с.

Серия учебных и методических пособий по краеведению Нижегородского института развития образования

История Нижегородского края XIX века. 8 класс: учебное пособие для учащихся / [Ф.А. Селезнев, Э.С. Иткин, В.К. Романовский]; Нижегород. ин-т развития образования. – Нижний Новгород: НИРО, 2015. – 214 с.

История Нижегородского края XVII–XVIII веков: учебное пособие для учащихся: 7 класс / [Ф.А. Селезнев, Э.С. Иткин, В.К. Романовский]; Нижегород. ин-т развития образования; под ред. Ф. А. Селезнева. – Нижний Новгород: НИРО, 2015. – 185 с.

История Нижегородского края XX – начала XXI века: учебное пособие для учащихся: 9 класс / [В.К. Романовский и др.]; Нижегород. ин-т развития образования. – Нижний Новгород: НИРО, 2015. – 282 с.

Селезнев, Ф.А. История Нижегородского края с древнейших времен до начала XVII века. 6 класс: учебное пособие для учащихся / Ф.А. Селезнев; М-во образования Нижегород. обл., Нижегород. ин-т развития образования. – Нижний Новгород: НИРО, 2015. – 170 с.

История Нижегородского края с древнейших времен до наших дней: программа учебного курса для основной школы / Нижегород. ин-т развития образования; [авт.-сост. В.К. Романовский и др.]. – Нижний Новгород: НИРО, 2015. – 116 с.

История Нижегородского края с древнейших времен до наших дней: контрольно-измерительные материалы к учебному курсу для основной школы / Нижегород. ин-т развития образования; [авт.-сост. В.К. Романовский, Э.С. Иткин, Б.Л. Гинзбург]. – Нижний Новгород: НИРО, 2015. – 100 с.

История Нижегородского края с древнейших времен до наших дней: методическое пособие для учителя / [В.К. Романовский и др.; Нижегород. ин-т развития образования; под общ. ред. В.К. Романовского]. – Нижний Новгород: НИРО, 2015. – 204 с.

История Нижегородского края с древнейших времен до наших дней: хрестоматия для учителей и учащихся / Нижегород. ин-т развития образования; сост.: Б.Л. Гинзбург и др. – Нижний Новгород: НИРО, 2015. – 221 с.

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА «ЛУЧШАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ» ЗА 2014 И 2015 ГОДЫ

2014 год

номинация «**Лучшая научная книга**» – *В.П. Сапон*, научный редактор и составитель труда «Нижегородская губерния в годы первой мировой войны (дофевральский период): Сборник документов и материалов»;

номинация «**Лучшая популярная книга**» – *С.В. Петряев* и *А.В. Любавин*, авторы исследования «"О сколько нам открытий чудных..." или путешествие с Пушкиным по Березополью»;

номинация «**Лучшая книга о нижегородских народных художественных промыслах**» – *А.А. Баукин*, автор труда «Новинская деревянная игрушка»; *Н.В. Мошков* и *В.В. Федоров*, авторы исследования «Нижегородская домовая резьба»;

номинация «**Самая полезная книга для экскурсоводов и туристов**» – *С.М. Шумилкин*, автор исследования «Нижегородская ярмарка»;

номинация «**За верное служение исторической памяти**» – *С.А. Смирнов*, составитель труда «Нижегородцы и Великая война. 1914–1918: в горниле побед и поражений»;

номинация «**Издательство, внесшее наибольший вклад в издание краеведческой литературы**» – издательство «Кварц».

2015 год

номинация «**Лучшая научная книга**» – *Е.Е. Грачева*, автор исследования «Деревянные дома Нижнего. Архитектура деревянных и каменно-деревянных жилых домов Нижнего Новгорода XIX – начала XX вв.»

Итоги конкурса в номинации «Лучшая научная книга»

1. *Грачева Е.Е.* Деревянные дома Нижнего. Архитектура деревянных и каменно-деревянных жилых домов Нижнего Новгорода XIX – начала XX вв. Нижний Новгород: Кварц, 2015. 208 с.

2. Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века / сост.: *А.В. Антонов* (отв.), *А.А. Булычев*, *В.А. Кадик*, *С.В. Сироткин*. В 2-х тт. М.: Древлехранилище, 2015.

3. Павловский район. Иллюстрированный каталог объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Павловского района Нижегородской области / [отв. ред. А.В. Лисицына]. Нижний Новгород: Изд-во «Кварц», 2015. 560 с.

4. Корабли и люди: ОАО ЦКБ «Лазурит», 1953–2013: [60 лет с подводными силами страны]: справочник / [авт.-сост. А.А. Постнов]. Нижний Новгород: ЦКБ «Лазурит», 2015. 364 с.

5. «Здравствуйте, дорогие мои...»: (фронтовые письма 1941–1945 гг.) / Комитет по делам архивов Нижегород. обл., Центр. архив Нижегород. обл.; сост. Е. Э. Ешан, А.П. Пудалова. Нижний Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2015. 587 с.

6. *Пакишина Н.А.* Александр Михайлович Ляпунов: родословная и детские годы: монография. Нижний Новгород: НГТУ, 2015. 190 с.

7. *Дейнеко В.П.* Нижегородский автограф: декоративно-прикладное искусство Нижнего Новгорода конца XX века (1985 – 2000). Нижний Новгород: Кварц, 2015. 157 с.

8. *Алексеева Т.Р., Наумова О.И.* От замысла к воплощению. Эскизы, рисунки, чертежи Ростислава Алексеева. Нижний Новгород: Кварц, 2015. 144 с.

номинация «**Лучшая популярная книга**» – *С.В. Петряев* и *О.В. Орельская*, авторы труда «Улица Большая Покровская: прогулки во времени»

Итоги конкурса в номинации «Лучшая популярная книга»

1. *Орельская О.В., Петряев С.В.* Улица Большая Покровская: прогулки во времени Нижний Новгород: Бегемот, 2015.

2. *Селезнев Ф. А.* Нижегородцы и преодоление Смуты. 1606–1618. Нижний Новгород: Деком, 2015.

3. *Бирюкова Е.А.* Уездный город Семенов. Нижний Новгород: Кварц, 2015.

4. Нижний Новгород сегодня: [альбом] / [Я.И. Гройсман и др.; гл. ред. Я.И. Гройсман]. Нижний Новгород: Деком, 2015.

5. *Рябов А.Н.* Династия Жомини на службе России. Нижний Новгород; Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2015.

6. *Наумова О.И., Тарасова В.М.* Славная фамилия Зевеке. Династия. Фотоальбом Василия Зевеке. Нижний Новгород: Кварц, 2015.

7. *Наумова О.И.* Советский Горький: книга-альбом. Нижний Новгород: Кварц, 2015

8. *Абаева Г., Наумова О.* Наш Кулибин. Нижний Новгород: Кварц, 2015.

номинация «**Лучшее продолжающееся издание и сборник материалов научных конференций**» – *И.Г. Горностаева* – руководитель коллектива составителей «Календаря памятных дат Нижегородской области на 2016 год»

Итоги конкурса в номинации
«**Лучшее продолжающееся издание и сборник материалов научных конференций**»

1. Календарь памятных дат Нижегородской области на 2016 год / [сост. И.Г. Горностаева и др.] / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В.И. Ленина. Нижний Новгород: НГОУНБ, 2015. 192 с.

2. Нижегородский краевед: сборник научных статей / О-во «Нижегор. краевед», Центр краевед. исслед. ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского; [ред. кол.: Ф.А. Селезнев (отв. ред.) и др.]. Вып. 1. Нижний Новгород: [Тип. «Pixel Print»], 2015. 199 с.

3. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Вып. 11: Сборник материалов XII Региональной научно-практической конференции (4 декабря 2014 г.) / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский фил. [и др.]. Арзамас: Арзамасский фил. ННГУ, 2015. 369 с.

4. Без прошлого нет настоящего: сборник историко-краеведческих трудов, посвященных памяти выдающегося богородского краеведа Алексея Александровича Бондаря (1952–2012) / [ред. кол.: А.В. Любавин, С.В. Петряев, А.А. Сорокин]. Богородск [Нижегор. обл.]: Вариант, 2015. 311 с.

5. Провинциальная Россия: научно-популярный общероссийский историко-энциклопедический журнал. 2015. № 1.

6. Нижегородская старина: историко-краеведческое издание. 2015. Вып. 45–46.

7. Нижегородский край в истории России (памяти профессора Н.Ф. Филатова): материалы IV научной конференции 29 апреля 2015 года. Нижний Новгород: Pixel-print, 2015. 181 с.

8. Жизнь провинции: история и современность: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции: история и современность» 9–21 марта 2015 г. Нижний Новгород: Книги, 2015. 324 с.

номинация «**Лучшая книга о народных промыслах и нижегородских мастерах декоративно-прикладного искусства**» – *В.П. Дейнеко*, автор исследования «Нижегородский автограф: декоративно-прикладное искусство Нижнего Новгорода конца XX века (1985–2000)»

номинация «**Самая полезная книга для экскурсоводов и туристов**» – *С.В. Петряев* и *О.В. Орельская*, авторы труда «Улица Большая Покровская: прогулки во времени»

номинация «**Издательство, внесшее наибольший вклад в издание краеведческой литературы**» – *издательство «Кварц»*;

номинация «**Лучшая книга года о Нижнем Новгороде**» – *Я.И. Гройсман*, автор-составитель альбома «Нижний Новгород сегодня»

С.В. ПЕТРЯЕВ – ЛУЧШИЙ КРАЕВЕД 2015 ГОДА

Общество «Нижегородский краевед» объявило лучшим краеведом 2015 года *Сергея Владимировича Петряева*.

С.В. Петряев – соавтор исследования «Улица Большая Покровская: прогулки во времени» (победитель конкурса «Лучшая книга 2015 г. по истории и культуре Нижегородского края» в номинации «Лучшая популярная книга»); член редакционной коллегии сборника историко-краеведческих трудов, посвященных памяти выдающегося богородского краеведа Алексея Александровича Бондаря (1952–2012) «Без прошлого нет настоящего» (четвертое место в номинации «Лучшее продолжающееся издание и сборник материалов научных конференций» в рамках конкурса 2015 г.); редактор-издатель научно-популярного общероссийского историко-энциклопедического журнала «Провинциальная Россия» (пятое место в номинации «Лучшее продолжающееся издание и сборник материалов научных конференций» в рамках конкурса 2015 г.).

ПАМЯТИ В.В. НИЯКОГО

14 июля 2016 г. скончался нижегородский историк, кандидат исторических наук Владимир Викторович Ниякий. Владимир Викторович родился 1 января 1933 г. в городе Ейске Северо-Кавказского края (ныне Краснодарский край). Ниякие – старинная кубанская казачья фамилия из станицы Старощербиновской. Его дед Павел Иосифович

Ниякий семнадцать лет проработал станичным учителем. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. В 1919 г. был убит в бою с большевиками под селением Средний Егорлык. По линии матери Ольги Николаевны Сутыриной Владимир имел нижегородские корни. Он воспитывался в семье деда по материнской линии, который был родом из Нижегородской губернии и служил в Азовско-Черноморском банке.

Нижегородская земля стала второй родиной для потомка кубанских казаков. В 1955 г. Владимир Викторович окончил историко-филологический факультет Горьковского университета. Научным руководителем его дипломной работы был С.В. Фрязинов. В 1958–1959 гг. Владимир Викторович – аспирант кафедры всеобщей истории ГГУ. В 1960–1964 гг. работал на кафедре истории КПСС ГГУ. В 1962 г. в Институте славяноведения АН СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Массовые крестьянские восстания в Западной Болгарии и Восточной Сербии во второй четверти XIX века и революционное движение болгарской эмиграции в 1841–1843 годах». В 1965–1975 гг. он заведовал кафедрой научного коммунизма ГГУ. В 1975–1983 гг. – доцент той же кафедры. В 1983–1984 гг. заведовал кафедрой истории КПСС Горьковского медицинского института. В 1984–2001 гг. – доцент кафедры истории России Педагогического института (ныне – Мининский университет). С 2001 г. – на пенсии.

В.В. Ниякий – автор ценных исследований по истории Нижегородского края. Сферой его интересов были история нижегородского крестьянства (с которым он был генетической связан через материнскую фамилию Сутыриных) и дворянства. Он также является автором биографий нижегородских деятелей революционного движения. Представленный ниже список трудов В.В. Ниякого показывает, насколько разнообразны были его научные интересы.

Список работ В.В. Ниякого

Книги

1. **История** Нижегородского края в словаре Брокгауза и Ефрона / сост., науч. ред. и авт. коммент. В.В. Ниякий. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ин-та повышения квалификации работников образования, 1993. – 224 с.

2. **Келлер, Л.С.** Павел Мочалов / Л.С. Келлер, В.В. Ниякий. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1974. – 79 с. – (Нижегородцы-революционеры).

3. **Наследники** изобретателя радио, 1916–1986: крат. очерк истории з-да / [В.В.Ниякий, Ю.С. Калинин, А.А. Терентьев, Ю.П. Лобастов; обществ. редкол.: Е.В. Кузнецов и др.]; Горьков. з-д аппаратуры связи им. А.С. Попова. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1986. – 94 с.

4. **Нижегородский** край в словаре Брокгауза и Ефрона / [сост., науч. ред. В.В. Ниякий]. – [Нижний Новгород]: Нижегородская ярмарка, 2000. – 608 с. – (Нижегородские были).

5. **Ниякий, В.В.** XXIV Съезд КПСС о социально-классовой структуре советского общества: в помощь лектору / В.В. Ниякий. – Горький: [б. и.], 1972. – 33 с.

6. **Ниякий, В.В.** Евлампий Дунаев [1877–1919] / В.В. Ниякий. – Горький: Кн. изд-во, 1962. – 88 с. – (Нижегородцы-революционеры).

7. **Ниякий, В.В.** Массовые крестьянские восстания в Западной Болгарии и Восточной Сербии во второй четверти XIX века и революционное движение болгарской эмиграции в 1841–1843 годах: автореф. дис ... канд. ист. наук / В.В. Ниякий; АН СССР, Ин-т славяноведения. – Москва: [б. и.], 1962. – 23 с.

8. **Ниякий, В.В.** Методические советы (в помощь пропагандистам по изучению начального курса научного коммунизма в школах основ марксизма-ленинизма). Вып. 1 / В.В. Ниякий, А.Н. Левин. – Горький: [б. и.], 1971. – 29 с.

9. **Ниякий, В.В.** Музей семьи Ульяновых в Горьковском педагогическом институте: [путеводитель] / В.В. Ниякий. – Горький: [б. и.], 1988. – 33 с.

10. **Ниякий, В.В.** Нижегородская деревня: Облик и настроения классов в первой рос. революции / В.В. Ниякий. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1981. – 207 с.

11. **Ниякий, В.В.** Нижегородские годы семьи Ульяновых: (Путеводитель по музею в Нижегородском педагогическом институте) / В.В. Ниякий. – Нижний Новгород: [Изд-во Нижегород. гос. пед. ин-та], 1990. – 33 с.

12. **Ниякий, В.В.** Нижегородцы и горьковчане: От крестьянской губернии к рабочей области / В.В. Ниякий. – Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1975. – 216 с.

13. **Ниякий, В.В.** Облик и политические настроения крестьян и помещиков накануне и во время первой Российской революции (по материалам Нижегородского Поволжья): автореф. дис ... д-ра ист. наук / В.В. Ниякий. – Саратов: [б. и.], 1986. – 44 с.

14. **Ниякий, В.В.** Они звали на баррикады / В.В. Ниякий. – [Горький]: Волго-Вят. кн. изд-во, 1965. – 167 с. – (Нижегородцы-революционеры).

15. **Ниякий, В.В.** От Конституции к Конституции: развитие соц. структуры Горьковской области / В.В. Ниякий. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1979. – 111 с.

16. **Ниякий, В.В.** Первая российская революция в Нижегородском Поволжье / В.В. Ниякий. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1985. – 191 с.: [4] л. ил. – Библиогр.: с. 178–189.

17. **Ниякий, В.В.** Первое «хождение в народ» в нашем крае / В.В. Ниякий. – Горький: [б. и.], 1962. – 21 л. – [Рукопись].

18. **Ниякий, В.В.** [Платон Керженцев]: Начало революционной и журналистской деятельности / В.В. Ниякий. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1990. – 143 с.: ил., портр. – (Нижегородцы-революционеры).

19. **Ниякий, В.В.** Утопический социализм – теоретический источник научного коммунизма: [метод. указания] / В. В. Ниякий. – Горький: Б. и., 1966. – 45 с.

20. **Проблемы** социально-классовой структуры общества развитого социализма: межвуз. сборник / [ред. коллегия: ... В.В. Ниякий (отв. ред.)]. – Горький: [ГГУ], 1975. – 198 с.

Статьи в сборниках

21. **Ниякий, В.В.** Бурное начало XX века / В.В. Ниякий // Наш край: кн. для учащихся школ, гимназий и лицеев. – 5-е изд., испр. и доп. – Нижний Новгород, 2008. – С. 225–236.

22. **Ниякий, В.В.** Вклад выпускников Нижегородской губернской гимназии в русскую науку и культуру / В.В. Ниякий // Город славы и верности России: материалы историко-краевед. конф., посвященной 775-летию Нижнего Новгорода. – Нижний Новгород, 1996. – С. 55–59.

23. **Ниякий, В.В.** Воздействие пролетариата на политические настроения крестьянства в годы первой русской революции: (по материалам Нижегородского Поволжья) / В.В.Ниякий // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. – Ростов-на-Дону, 1980. – С. 243–248.

24. **Ниякий, В.** Две силы. Сознательный пролетарий. Первая схватка. Самодержавие пало! / В. Ниякий // Идет рабочий класс. – Горький, 1982. – С. 9–46.

25. **Ниякий, В.В.** Исторические корни Нижегородского педагогического университета / В.В. Ниякий // Образование в Нижегородской области: история и современность: материалы регион. науч.-практ. конф. – Нижний Новгород, 1997. – С. 24–27.

26. **Ниякий, В.В.** Кержаки: старообрядцы в Нижегородском Поволжье / В.В. Ниякий // Буревестник: публ. сб. – Горький, 1990. – С. 225–244.

27. **Ниякий, В.** Литератор-пропагандист (П.М. Керженцев (Лебедев)) / В. Ниякий // Солдаты ленинской гвардии: очерки об участниках ленинской гвардии в Нижегородской губернии. – Горький, 1982. – Кн. 3. – С. 112–127.

28. **Ниякий, В.В.** Нижегородская ветвь рода Пушкиных: Болдинские чтения / В.В. Ниякий // Записки краеведов [1979]: очерки, воспоминания, статьи, документы, хроника: [альманах, вып. 4]. – Горький, 1979. – С. 156–161.

29. **Ниякий, В.В.** Остафьевы / В.В. Ниякий // Записки краеведов [1977]: очерки, воспоминания, статьи, документы, хроника: [альманах, вып. 3]. – Горький, 1977. – С.126–131.

30. **Ниякий, В.В.** Помещичье лесовладение как средство эксплуатации нижегородских крестьян в эпоху империализма / В.В. Ниякий // Вопросы классовой борьбы и классовой психологии. – Горький, 1975. – Вып. 2. – С. 43–68.

31. **Ниякий, В.В.** Потомки Л.С. Пушкина – болдинские помещики и дворянские деятели: к истории болдинского имения / В.В. Ниякий // Записки краеведов [1975]: очерки, воспоминания, статьи, документы, хроника: [альманах, вып. 2]. – Горький, 1975. – С.103– 107.

32. **Ниякий, В.В.** Русский помещик эпохи империализма (опыт социальной характеристики по материалам Нижегородской губернии) / В.В. Ниякий // Вопросы классовой борьбы и классовой психологии. – Горький, 1973. – Вып. 1. – С. 37–111.

33. **Ниякий, В.В.** Старообрядчество / В.В. Ниякий // Наш край: кн. для учащихся школ, гимназий и лицеев. – 5-е изд., испр. и доп. – Нижний Новгород, 2008. – С. 130–138.

34. **Ниякий, В. В.** Ф.И. Владимирский – депутат II Государственной Думы / В.В. Ниякий // Россия и Нижегородский край: актуальные проблемы истории: материалы чтений памяти Н.М. Добротвора. – Нижний Новгород, 1998. – С. 161–163.

35. **Ниякий, В.В.** Формирование нижегородского-горьковского отряда советского рабочего класса / В.В. Ниякий // Рабочий класс развитого социалистического общества. Секция III. – Москва, 1975. – С. 20–26.

36. **Ниякий, В.В.** Хожение в народ / В.В. Ниякий // Наш край: кн. для учащихся школ, гимназий и лицеев. – 5-е изд., испр. и доп. – Нижний Новгород, 2008. – С. 219–224.

Статьи в периодических изданиях

37. **Глуздов, В.А.** Высшему педагогическому образованию в Нижнем Новгороде 80 лет / В.А. Глуздов, В.В. Ниякий // Педагогическое обозрение. – 1998. – № 2. – С. 155–161.

38. **Глуздов, В.** Первая средняя школа / В. Глуздов, В. Ниякий // Нижегородские новости. – 1996. – 14 февр. – С. 2.

39. **Ниякий, В.** Власть в Нижегородчине. XVII век: Воеводы. Бояре. Дворяне / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1999. – № 15. – С. 13; № 16. – С. 13; № 17. – С. 13.

40. **Ниякий, В.** Война с Японией и нижегородцы / В. Ниякий // Нижегородские новости. – 1995. – 23 авг. – С. 3.

41. **Ниякий, В.** Гербы нижегородские / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1999. – № 2. – С. 13.

42. **Ниякий, В.** Главное народное училище / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1999. – № 23. – С. 13.

43. **Ниякий, В.В.** Главное училище – губернская гимназия и начальные школы / В.В.Ниякий // Педагогическое обозрение. – 1996. – № 2. – С. 10–33.

44. **Ниякий, В.В.** «Добрых всходов на многие лета...»: из истории учительского института в Нижнем Новгороде / В.В. Ниякий // Педагогическое обозрение. – 1995. – №1. – С. 110–114.

45. **Ниякий, В.** Достоин памяти. Может быть, действительно, пора восстановить справедливость: [о нижегородском купце I гильдии Н. А. Бугрове] / В. Ниякий // Дело. – 1994. – № 33. – С. 8.

46. **Ниякий, В.** Закрытие гимназии / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1998. – № 11. – С. 14–15.

47. **Ниякий, В.** Заселение Нижегородского края. Охотники на мамонта; От охотников к земледельцам; Предки мордвы / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1999. – № 10. – С. 13; № 11. – С. 13; № 12. – С. 13.

48. **Ниякий, В.** Заселение Нижегородского края. Низовская земля; Роль Нижегородского княжества / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1999. – № 13. – С. 13; № 14. – С. 13.

49. **Ниякий, В.** Имени старшего брата / В. Ниякий // Горьковская правда. – 1987. – 20 мая.

50. **Ниякий, В.** Как возникла Нижегородская губерния / В. Ниякий // Нижегородские новости. – 1995. – 20 июля. – С. 3.

51. **Ниякий, В.** Консерваторы и реформаторы; Конституционные демократы [в Нижнем Новгороде] / В. Ниякий // Экономика и

жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1998. – № 12. – С.13 – 14; № 13. – С. 13; № 14. – С. 13.

52. **Ниякий, В.** Крестьяне; Зажиточное крестьянство; Средняк и его облик; Сельский пролетариат; Промысловики и отходники; Бунты пятого года / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1999. – № 42–46. – С. 13.

53. **Ниякий, В.** Кровавое воскресенье / В. Ниякий // Нижегородские новости. – 1995. – 10 янв. – С. 3.

54. **Ниякий, В.** Левушка Пушкин: [младший брат А.С. Пушкина] / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1998. – № 6. – С. 14.

55. **Ниякий, В.** Ликвидация помещичьих имений [в Нижегородской губернии в 1917 – 1918 гг.] / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1998. – № 6. – С. 6.

56. **Ниякий, В.** Лыкова дамба / В. Ниякий // Нижегородские новости. – 1994. – 15 июня. – С. 4.

57. **Ниякий, В.** Монеты нижегородские / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1998. – № 16. – С. 14.

58. **Ниякий, В.** Народности Поволжья в Нижегородской губернии. Мордва; Марийцы; Татары / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1999. – № 18. – С. 13; № 19. – С. 13; № 20. – С. 13.

59. **Ниякий, В.** Национализация [в Нижнем Новгороде] / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Нижегород. регион. вып. – 1998. – № 5. – С. 4.

60. **Ниякий, В.** Нижегородские кадеты: к началу февральской революции / В. Ниякий // Нижегородские новости. – 1995. – 28 февр. – С. 3.

61. **Ниякий, В.** Нижегородское дворянство; Предводители дворянства; Помещики; Три помещичьих хозяйства [кн. Юсуповых, гр. Паниной, гр. Кочубея] / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1999. – № 28, 29, 30, 31, 32, 33. – (Дворяне и помещики).

62. **Ниякий, В.** От социализации к коллективизации / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1998. – № 7. – С. 6.

63. **Ниякий, В.** Отец Федор [Владимирский] / В. Ниякий // Нижегородские новости. – 1994. – 23 апр. – С. 10.

64. **Ниякий, В.** Падение самодержавия / В. Ниякий // Горьковская правда. – 1987. – 11 марта.

65. **Ниякий, В.** Первая реформа; Вторая реформа [Александра II] / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1998. – № 10. – С. 5; № 11. – С. 13 – 14.

66. **Ниякий, В.** Платон [Лебедев-Керженцев] / В. Ниякий // Ленинская смена. – 1980. – 1 окт. – (Пламенные революционеры).

67. **Ниякий, В.** Пролетариат на баррикадах: к 80-летию Декабрьского вооруженного восстания / В. Ниякий // Горьковская правда. – 1985. – 28 дек.
68. **Ниякий, В.** Путь к розгам; Расцвет гимназии / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1999. – № 24. – С. 13; № 26. – С. 13; № 27. – С. 13.
69. **Ниякий, В.** Рисунки Пушкина: [Болдинский сюжет] / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1998. – № 7. – С. 14.
70. **Ниякий, В.** Старообрядцы Поволжья; Керженские скиты; Старообрядцы при Николае I; Епископы и Сироткин; Бугров и беспоповцы; Легализация старообрядчества; Власть и старообрядцы на рубеже веков / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Волго-Вят. экон. газ. – 1999. – № 3. – С. 13; № 4. – С. 13; № 5. – С. 13; № 7. – С. 13; № 8. – С. 13; № 9. – С. 13. – (История).
71. **Ниякий, В.** 125 дней бесценного опыта: [о Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде] / В. Ниякий // Нижегородские новости. – 1996. – 17 февраля. – С. 9; 25 апр. – С. 3.
72. **Ниякий, В.** Третий съезд РСДРП и нижегородцы / В. Ниякий // Горьковская правда. – 1985. – 25 апр.
73. **Ниякий, В.** Урожай у помещика [Д.А. Остафьева] / В. Ниякий // Нижегородские новости. – 1994. – 13 авг. – С. 10.
74. **Ниякий, В.** Установление диктатуры пролетариата: [о событиях 80-летней давности в Нижнем Новгороде] / В. Ниякий // Экономика и жизнь. Нижегород. регион. вып. – 1998. – № 4. – С. 5.
75. **Ниякий, В.** Эхо «кровавого воскресенья» / В. Ниякий // Горьковская правда. – 1985. – 22 янв.

Составитель *И.Г. Горностаева*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абаева Анна Вениаминовна, заведующая отделом производственной и экологической информации НГОУНБ им. В.И. Ленина

Акифьев Алексей Васильевич, аспирант Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Белоногова Валерия Юрьевна, к.ф.н., доцент ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Боченков Виктор Вячеславович, к.ф.н., заведующий архивом Митрополии Московской Русской Православной Старообрядческой Церкви

Варенцова Лариса Юрьевна, к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД РФ

Ганюшкина Людмила Юрьевна, главный архивист Государственного архива Нижегородской области документов по личному составу

Горностаева Ирина Геннадьевна, заведующая отделом краеведческой литературы НГОУНБ им. В.И. Ленина, действительный член общества «Нижегородский краевед»

Данилов Александр Вениаминович, историк

Иванов Максим Андреевич, аспирант Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Кудрина Людмила Евгеньевна, главный библиограф информационно-библиографического отдела НГОУНБ им. В.И. Ленина, действительный член общества «Нижегородский краевед», секретарь краеведческих чтений

Ледров Сергей Михайлович, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Филиала Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Нижнем Новгороде

Лушин Александр Николаевич, к.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, почетный член общества «Нижегородский краевед»

Митрофанов Виктор Владимирович, д.и.н., профессор филиала Южно-Уральского государственного университета (Научно-исследовательский университет) в г. Нижневартовске

Пакшина Наталья Алексеевна, к.т.н., доцент Арзамасского политехнического института (филиала) НГТУ им. Р.Е. Алексеева

Русинов Владимир Николаевич, к.ф.н., доцент ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Сапон Владимир Петрович, д.и.н., профессор Мининского университета

Селезнев Федор Александрович, д.и.н., профессор, заведующий Центром краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, председатель общества «Нижегородский краевед»

Сочнев Юрий Вячеславович, к.и.н., доцент кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород), действительный член общества «Нижегородский краевед»

Шиян Людмила Ивановна, ведущий библиограф отдела краеведческой литературы НГОУНБ им. В.И. Ленина, почетный член общества «Нижегородский краевед»

Содержание

Предисловие 3

Шиян Л.И., Горностаева И.Г. К вопросу об истории краеведческих объединений в Нижегородском крае 5

Русинов В.Н. К истории названий древнейших русских городов Нижегородского края 21

Селезнев Ф.А. О происхождении, профессии и нижегородском доме Кузьмы Минина 43

Варенцова Л.Ю. Съезжая изба в системе местного управления дворцовыми землями России XVII века (на примере дворцовых волостей Нижегородского Поволжья) 67

Данилов А.В. Турунов овраг 76

Сочнев Ю.В. О Гремячем ручье и Туруновом овраге 87

Ледров С.М. Палаты Пушкиновых в Нижнем Новгороде: проблемные вопросы истории здания 101

Лушин А.Н. Тайное дворянское политическое общество в Нижнем Новгороде: 1816–1825 годы 113

Белоногова В.Ю. Из родословной русского барина Александра Улыбышева 118

Пакшина Н.А. Нижегородские Демидовы 132

Ганюшкина Л.Ю. Малоизвестные факты о М.П. Дмитриеве и его семье 139

Абаева А.В. Когда цвели сады... (из истории садоводства в Нижегородской губернии до 1917 г.) 145

Сапон В.П. Раскол в социал-демократических организациях Нижегородской губернии весной-летом 1917 года 155

Публикации источников

Митрофанов В.В. А.Я. Садовский о своей учебе в Александровском институте 163

Боченков В.В. «Город Нижний – сосед Москве ближний»: Пребывание старообрядческого архиепископа Иринарха (Парфенова) в Горьком в 1951 году 192

Работы победителей III конкурса молодых историков-краеведов памяти Ф.В. Васильева

Акифьев А.В. Производство водки и пива в Нижегородской губернии во второй половине XIX века 213

Иванов М.А. Участие нижегородского купечества в создании Коммерческого и Всесловного клубов Нижнего Новгорода **220**

Наши юбиляры

Кудрина Л.Е. «Счастье – это знать, что делать...»: к юбилею Л.И. Шиян **225**

Из жизни общества «Нижегородский краевед»

Отчет Правления общества «Нижегородский краевед» о деятельности в 2015 году **229**

Кудрина Л.Е. Обзор докладов «Краеведческих чтений» 2015 – первой половины 2016 года **235**

Горностаева И.Г. Новые книги по истории Нижегородского края (2015 г.) **244**

Победители конкурса «Лучшая книга по истории и культуре Нижегородского края» за 2014 и 2015 годы **248**

С.В. Петряев – лучший краевед 2015 года **251**

Памяти В.В. Няякого **251**

Список работ В.В. Няякого (составитель И.Г. Горностаева) **252**

Сведения об авторах **259**

Научное издание

НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД

Сборник научных статей

В ы п у с к 2

Составитель и научный редактор *Ф.А. Селезнев*

Верстка *С.М. Ледрова*

Оригинал-макет подписан в печать 15.11.2016. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл.печ. л. 15,2. Тираж 200 экз. Заказ

Отпечатано в ИП Якушов Ю.И.
(типография "Юникопи") +7 910 39 81 31